

В.В. БАРАБАШ, Г.А. БОРДЮГОВ, Е.А. КОТЕЛЕНЕЦ

**ОБРАЗЫ
РОССИИ
В МИРЕ**

КУРС ЛЕКЦИЙ

**МОСКВА
2010**

УДК 168.522
ББК 71
О23

Художник *С.П. Щербин*

КОНСУЛЬТАНТЫ:

А.Ч. КАСАЕВ,

Руководитель Редакции стран СНГ и Балтии Российского
агентства международной информации «РИА Новости»

А.В. КОЛЕСНИКОВ,

Президент Фонда «Центр политической философии»

БАРАБАШ В.В., БОРДЮГОВ Г.А., КОТЕЛЕНЕЦ Е.А.

О23 **ОБРАЗЫ РОССИИ В МИРЕ.** Курс лекций. – М.: Эльф ИПР,
2010. – 296 с.

Россия вызывает обострённый интерес и дискуссии в мире. В книге показывается, как создавались и создаются образы России исторической и современной, каким правилам подчиняется вообще создание образа, что такое этнические стереотипы, как и почему они возникают, как порождают ксенофобию и как, наоборот, могут помочь в её преодолении.

Для этого определяются факторы и границы конструирования образа страны, культуры и старо-новых мифов, «Русского мира» и соотечественников за рубежом. Подробно рассматриваются структуры информационной политики и пропаганды, характер информационных войн, рейтинги и бренды как способ представления государства. Особое внимание уделяется тому, как влияет на общественное восприятие России её профессиональное изучение за рубежом.

Лекции предназначены для тех, кто преподаёт и изучает имагологию и руссиеведение – дисциплины, которые определяют, как изменяются образы одних и тех же стран и народов в различных языках и культурах, в чём состоит учение о сущности России, причины её возникновения и особенности развития, её духовные ценности.

ББК 71

ISBN 978-5-91876-003-1

© Барабаш В.В., 2010
© Бордюгов Г.А., 2010
© Котеленец Е.А., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Лекция 1. Предмет курса и его актуальность.
Главные понятия 5

ТЕМА I
ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗОВ 31

Лекция 2. Генезис образов Своего и Чужого. 31

Лекция 3. Этнические стереотипы, национальный
характер и ксенофобия 40

ТЕМА II
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ
РОССИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ 58

Лекция 4. Киевская Русь, Московия
и Российская империя. 58

Лекция 5. Советский Союз 90

Лекция 6. Новая Россия. 120

ТЕМА III
ФАКТОРЫ И ГРАНИЦЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ОБРАЗА РОССИИ 143

Лекция 7. Государственная политика
и национальные интересы 143

Лекция 8. Старо-новые мифы о России. Роль культуры,
городской среды и повседневности 163

Лекция 9. «Русский мир» и диаспора, соотечественники за рубежом	183
ТЕМА IV	
МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОГО И НЕГАТИВНОГО ОБРАЗОВ.	203
Лекция 10. Структуры информационной политики и пропаганды.	203
Лекция 11. Информационные войны.	219
Лекция 12. Рейтинги и бренды как способ представления образа страны	236
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ	257
Лекция 13. Россика, славистика и советология: влияние профессионального изучения России на общественное восприятие.	257
Лекция 14. Мировое россиеведение и перспективы выстраивания образа России.	275
ГЛОССАРИЙ.	292
ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ.	296

ВВЕДЕНИЕ

Лекция 1

Предмет курса и его актуальность. Главные понятия

Россия вызывает сегодня, как и на протяжении всего XX века, обостренный интерес и дискуссии. И, по всей видимости, более сильные, чем в отношении любой другой страны мира. Задача настоящего курса – показать, как создавались и создаются образы России исторической и современной, каким правилам подчиняется вообще создание образа, что такое этнические стереотипы, как и почему они возникают, как порождают ксенофобию и как, наоборот, могут помочь в её преодолении.

На формирование образа любой страны и народа влияет соприкосновение с другими странами и народами. В результате складывается образ, как правило, не совпадающий с тем собственным образом, который создает для себя данный народ. Все эти образы с течением времени претерпевают изменения.

*Джон Буль –
типичный англичанин*

Дядя Сэм

Русский медведь

Каждый язык по-своему описывает окружающий мир, определяет особенности его восприятия. С этой точки зрения не существует двух одинаковых образов, даже если они определяются схожими понятиями, поскольку слова, обозначающие эти понятия, в разных языках имеют разное значение. Как известно, одни и те же понятия, синонимы, в различных языках не вполне совпадают. Поэтому каждый язык создает свою уникальную картину мира, которая не может целиком сохраниться при переводе на другие, даже очень близкие к нему языки.

Что изучает имагология ?

У каждого народа есть свои устойчивые представления как о себе самом, так и об окружающих народах, странах и культурах. Образы стран и народов изучает наука *имагология* (от лат. *imago* – образ, вид). Она пытается определить, как изменяются образы одних и тех же стран и народов в различных языках и культурах. Имагология формализовала то положение, которое и прежде было хорошо известно литературоведам и искусствоведам. Любое литературное произведение, любой литературный образ, любое произведение искусства имеет бесконечное число интерпретаций. Подавляющее большинство из них нельзя назвать ни безусловно верными, ни очевидно ошибочными. Отсюда проистекает принципиальная множественность образов не только явлений литературы и искусства, но и вообще всех явлений жизни.

В настоящее время *имагология* занимается в первую очередь исследованиями представления и восприятия национальных образов (этнических стереотипов), а также противопоставлений по линии «Свой—Чужой» в пространстве собственной и других культур.

По мнению многих культурологов и социологов, имагология теперь и сама активно конструирует новые образы, манипулируя сознанием. Один из основоположников имагологии чешский писатель Милош Кундера пишет:

«Потерпели крах все идеологии: в конечном счёте, их догмы были разоблачены как иллюзии, и люди перестали принимать их всерьёз. Коммунисты, к примеру, верили, что пролетариат в ходе капиталистического развития будет нищать все больше и больше, и когда однажды оказалось, что рабочие по всей Европе катят на работу в авто, они готовы были кричать,

что реальность жульничает. Реальность оказалась сильнее идеологии. И именно в этом смысле имагология превзошла её: она сильнее реальности, которая, впрочем, давно уже перестала быть для человека тем, чем была для моей бабушки, жившей в моравской деревне и знавшей всё по собственному опыту – как печётся хлеб, как строится дом, как забивают хряка и делают из него копчёности, что кладётся в перины, что думает о мире пан священник или наш учитель; каждодневно она встречалась со всей деревней и знала, сколько совершено было в округе за последние 10 лет убийств; у неё был, так сказать, личный контроль над действительностью, так что никто не мог убедить её, что моравское земледелие процветает, когда дома нечего было есть» (1).

В этом своем качестве имагология превращается в *имиджмейкерство*, т.е. в создание средствами рекламы и пиар-технологий образов политиков, бизнесменов, деятелей шоу-бизнеса, товаров и т.п. для успешной продажи на рынке.

Социологи зачастую становятся проводниками влияния имиджмейкеров. Опросы общественного мнения становятся решающим инструментом «имагологической власти». Имагологи бомбардируют людей вопросами: прибыльна ли французская экономика?, будет ли война?, существует ли во Франции расизм?, а расизм – это хорошо или плохо?, кто самый великий писатель всех времен?, Венгрия в Европе или в Полинезии?, кто из государственных мужей мира наиболее сексуален?

Опросы общественного мнения – это «перманентно заседающий парламент, цель которого продуцировать правду, причём самую демократическую правду, какая когда-либо существовала. И поскольку власть имагологов никогда не окажется в разладе с парламентом правды, она всегда будет жить по правде» (2).

«Имидж» (англ. *image*) – это образ человека, явления, товара, формируемый с целью оказать эмоционально-психологическое воздействие на аудиторию в желательном для заказчика направлении.

Именно так создается имидж страны и народа, как для внешнего, так и для внутреннего потребления. Как правило, это делается в политических целях, и в качестве заказчика выступает правительство. В качестве же исполнителей выступают *имиджмейкеры* (англ. *imagemaker*) – творцы образов. При этом образ народа создают как «свой», так и «чужие».

Создание негативного образа различных государств с использованием одного и того же символа – Спрута

Американская карикатура, изображающая Джона Буля (Англия) в виде Имперского спрута (осьминога), протянувшего свои щупальца к различным регионам

Художник неизвестен.

Denver Road.
"The Rothschilds own 1,600,000,000 in gold."—Chicago Daily News. This is nearly one-half the gold in the Chicago wheat pit.

«Английский спрут: питается только золотом»: Финансовая школа Койна, 1894 г. Подпись: «Ротшильды владеют 1000 000 000 золотом». — «Чикаго Дейли Ньюс»

Полукарикатурная карта военных действий на 1877 г. Отклик Британии на Балканский конфликт между Россией и Османской империей. Британия поддерживала Османскую империю, рассматривая Россию как угрозу британским интересам. Автор Фредерик Роуз.

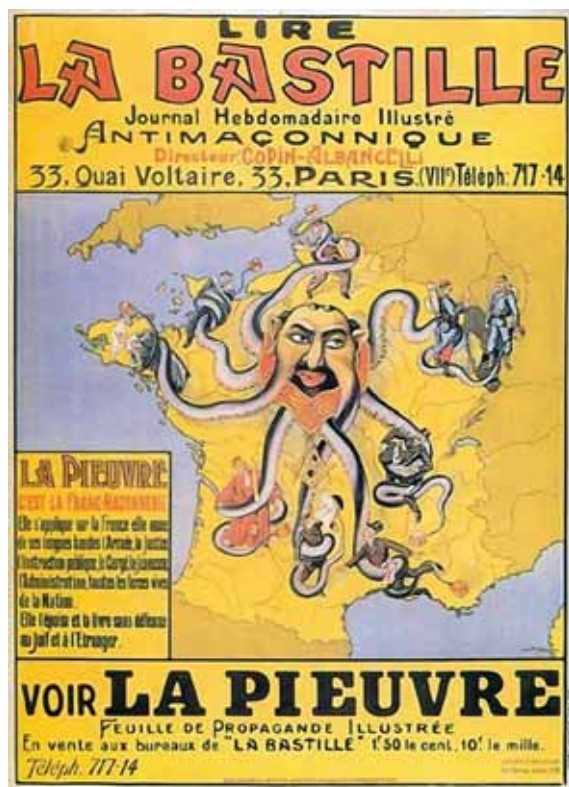
«Юмористический дипломатический атлас Европы и Азии». Рисунок опубликован в марте 1904 г. накануне войны между Россией и Японией. Основан на вышеупомянутой «Полукарикатурной карте военных действий (1877 г.)».

В тексте, в частности, говорится: «Чёрный спрут» — так недавно назвал Россию один высокопоставленный англичанин. Ибо чёрный спрут настолько алчен, что он простирает все свои восемь щупалец во всех направлениях и заглатывает всё, до чего может дотянуться. Но, как это иногда случается, его может поразить даже маленькая рыбка из-за его жадности... Достаточно сказать, что дальнейшее существование Чёрного спрута будет целиком зависеть от того, каков для него будет исход войны» Автор Кисабуро Охара.

Карта 1917 года Мориса Ньюмона: «Война – национальная индустрия Пруссии». Французский постер, показывающий военную экспансию Германии и Пруссии. Спрут в военном шлеме держит карту, на которой его щупальца охватывают всю Европу и Малую Азию.

Последний вариант ещё одного французского постера. Это антисемитский масонский спрут. Он изображает спрута с человеческой головой на фоне карты Франции

Антияпонский постер Пэта Кили (1944 г.): «Индийский океан должен быть свободным! Боритесь за это!» Он изображает японского спрута, лапы которого простираются до Индонезии

«Нет, Франция не станет колонией! Американцы – в Америку!» Рисунок необычен, т.к. американский спрут расположен не в Америке, а где-то в Атлантическом океане. Опубликовано французской компартией около 1950 г.

(Все материалы с сайта <http://vulgararmy.com>)

«Свои», обычно партии, находящиеся у власти, стремятся создать максимально позитивный образ страны, как для своих избирателей, так и для внешнего мира. Последнее призвано помочь проведению внешней политики и сделать страну привлекательной для инвесторов. «Чужими» же, в данном случае внутри страны, нередко могут выступать представители оппозиции, заинтересованные в смене правительства.

Образы «чужих» внутри страны

Советский плакат

Советский плакат

Белогвардейский плакат

Плакат Германии времен Гитлера

Плакат КНР

Образы «чужих» стран

Однако до создания негативного образа страны (к примеру, в ходе естественной политической борьбы за власть) дело доходит сравнительно редко. Это случается лишь в тех случаях, когда правящий режим является тоталитарным или авторитарным, и сместить его методами парламентской демократии оказывается невозможным. Тогда смена режима происходит в результате массовых революционных выступлений, либо военного переворота, либо, в крайнем случае, в результате внешней военной интервенции, как это произошло с тоталитарными режимами Германии, Италии, военно-авторитарным режимом Японии в ходе Второй мировой войны или с авторитарным режимом Саддама Хусейна в Ираке с помощью англо-американской интервенции.

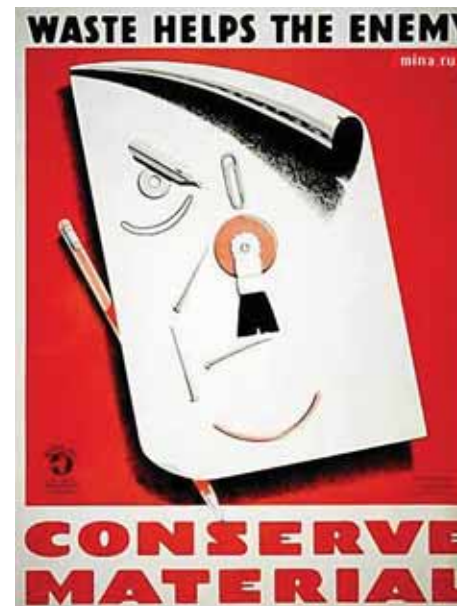
Во всех этих случаях создание негативного образа режима косвенно ведет к негативному восприятию образа страны. Цель этих действий — обеспечить внешнюю поддержку свержению диктатур. Внешний же образ «чужой» страны создается сравнительно редко и обычно является негативным. Это происходит в случае, если между странами происходит война или острый внешнеполитический конфликт, вроде «холодной войны», развернувшейся после окончания Второй мировой войны между СССР и его бывшими западными союзниками. В ходе войны максимально негативный образ противника создается, прежде всего, для населения своей страны. Пропаганда же на население враждебного государства обычно не направлена на создание негативного образа Чужой страны и Чужого народа в целом, поскольку в таком случае она не имела бы никакого эффекта.

В этой пропаганде упор делается на разделение народа и правительства, которое ведет войну, и которое, естественно, изображается в самых мрачных красках. В пропаганде же на иные страны, не вовлеченные в конфликт, создается образ врага, но с учётом его восприятия иностранцами он отличается от того, который создается внутри Своей страны.

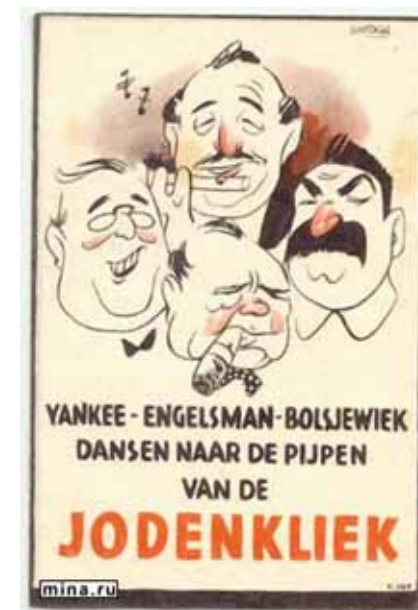
Во время межгосударственных конфликтов для внутреннего и внешнего потребления создается образ Чужой этнической общности как некультурной, жестокой, все члены которой наделены всеми мыслимыми пороками. Этот образ распространяется обычно на всех без исключения представителей другой национальности. Есть примеры и по созданию положительного имид-

Советский плакат

Плакат США

Плакат фашистской Германии

Кубинский плакат

Советский плакат

Плакат фашистской Германии

Плакат США

жа другой страны. Происходит это тогда, когда после долгих лет вражды прежний противник превращается в союзника.

Категорию «образ» можно использовать для обозначения устойчивой совокупности представлений, которые координируют и регулируют взаимодействие индивида с явлениями внешнего мира. Образ включён в систему жизненных отношений между человеком и миром. По-другому, образ — это *набор ожиданий*. В соответствии с ним усматриваются, отбираются, группируются и комментируются факты. В этом случае образ играет роль структурного принципа, который гарантирует целостность всей системы восприятия. Образ размещается в тех глубинах индивидуального, группового и корпоративного сознания, которые обозначаются понятиями «менталитет» и «архетипы».

Менталитет — это мироощущение, мировосприятие, определяющееся народно-национальными обычаями, укладом и строем жизни, мышлением, нравственностью.

Архетип (греч. *archetypos*) — это первообраз, дословно «древнейший образец», способ организации психики посредством форм, переходящих из поколения в поколение.

Менталитет и архетип являются центральными понятиями в аналитической психологии, они соединяют образы и эмоции. Согласно швейцарскому психологу К. Юнгу, они представляют собой структурные элементы человеческой психики, которые скрыты в «коллективном бессознательном». В этой категории содержится что-то наподобие генетического кода человечества, некая врождённая психическая константа его развития, источник психической энергии (3).

По мнению американского психолога Дж. Келли, человек судит о своём мире с помощью понятийных систем или моделей, которые он создаёт, а затем пытается приспособить к объективной действительности. Приспособление может быть удачным или неудачным. Но без таких систем мир крайне сложно осмыслить. Данные системы или модели становятся личностными конструктами. *Личностный конструкт* — это идея или мысль, которые используются для того, чтобы осознать или интерпретировать, объяснить или предсказать свой опыт (4). Система конструктов необходима человеку для создания непротиворечивой картины мира. При этом люди одной культуры интерпретируют свой опыт почти одинаково. Почему это происходит?

Роль стереотипов

В создании образов исключительно важную роль играют *стереотипы*, использование *стереотипного мышления* людей. Без него, как считают психологи, трудно воспринимать окружающий мир. *Стереотип* (речь идёт о социальном стереотипе) – *схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте. Они обычно эмоционально окрашены и обладают большой устойчивостью. Стереотип выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившихся под влиянием социальных условий или опыта; составная часть установки.*

На протяжении многих десятилетий в само понятие «стереотип» вкладывалось исключительно негативное содержание. Он был синонимом устаревших и предвзятых представлений, связанных с предрассудками. Поэтому часто можно услышать, что развитое общество должно работать над преодолением сложившихся стереотипов, так как они отрицательно влияют на отношения между странами и народами.

Сами по себе стереотипы не хороши и не плохи. В принципе надо стремиться очищать стереотипы от тех деталей, которые противоречат действительности. Однако быстро сменить стереотип невозможно. Даже при помощи самых мощных средств, например, с помощью телевидения. Попытка же агрессивно и быстро навязать новый стереотип может вызвать обратную реакцию в виде стремления сохранить прежний стереотип, даже если он вопиюще противоречит действительному положению вещей. Создать стереотип, полностью отвечающий действительности, никому еще не удалось.

По всей вероятности, человеческая психика имеет потребность в сохранении некоторых стереотипных черт, независимо от их истинности. Главное в стереотипе – это его устойчивость, а не соответствие истине. В большинстве случаев вообще нельзя с уверенностью сказать, в чем он соответствует, а в чем не соответствует действительности.

По мнению американского социолога Уолтера Липпмана, который в 1922 году ввел сам термин «стереотип», человек, пытаясь постичь окружающий мир, создает в своей голове картину тех явлений, которые непосредственно никогда не наблюдал. Позднее, когда он непосредственно сталкивается с данными яв-

лениями, сложившийся стереотип все равно влияет на их восприятие. Человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает образ тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Ясное представление о большинстве вещей складывается еще до того, как с непосредственно с ними происходит столкновение в жизни.

Такие представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума и существующих в данном обществе традиций. В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение. Мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура. И мы склонны воспринимать эту информацию в форме стереотипов (5).

А если личный опыт человека противоречит стереотипу? В этом случае большинство людей либо просто не замечают этого противоречия, либо считают его лишь некоторым исключением, подтверждающим правило. Только интеллектуально продвинутые люди при столкновении стереотипа с реальностью, изменяют свое восприятие окружающего мира. Даже если человек сам непосредственно сталкивается с данным явлением (например, знакомится с представителем другого народа или живет какое-то время в другой стране), существующий стереотип сильно влияет на его восприятие. А вот на преодоление тех его черт, которые не отвечают действительности, все равно требуется определенное время. В ряде случаев человек предпочитает оставаться в рамках стереотипа, сознательно игнорируя те черты реальности, которые ему противоречат, или, убеждая себя в том, что они имеют лишь второстепенное значение и не должны кардинально менять сложившийся образ.

Стереотипы экономят мыслительные усилия человека. Они позволяют воспользоваться готовым клише восприятия того или иного явления, освобождают от необходимости дополнительных мыслительных усилий для формирования собственного мнения. В условиях современного информационного взрыва человек не имеет физической возможности самостоятельно изучить все значимые для него явления. Объем информации растет значительно быстрее, чем растут возможности, в том числе с помощью сверхмощных компьютеров, для обработки новой информации. Не говоря уже о том, чтобы ее усвоить и активно использовать.

Поэтому легче полагаться на существующие стереотипы. Однако это открывает большие возможности для манипуляции сознанием, особенно со стороны тех, кто владеет СМИ.

Кроме имагологов, стереотипы изучают психологи, социологи, социальные (культурные) антропологи, историки, литературоведы и лингвисты. Есть научное направление, которое соотносит формирование политической культуры и стереотипы восприятия, роль мифологического сознания, образ врага в условиях социокультурного кризиса (6).

Выход на психологическую основу (когнитивную психологию) имеют и работы, в которых изучаются рациональные элементы политического сознания. Утверждается, что нельзя понять политическое сознание без обращения к глубинным психологическим основаниям, без изучения природы бессознательно (7). Стереотипы фиксируют стандартное для каждой из существующих культур отношение к ценностям общества. Психологи подчёркивают двойственность стереотипа как одну из основных его характеристик. С одной стороны, стереотипы выступают как неререфлексируемые способы решения проблемы в рамках социальной группы, с другой, они выступают как социотипическая характеристика личности, проявляющаяся в столкновении с другой культурой (8).

Не утратила своего значения и концепция психологического развития человека. В разработке культурно-исторической теории она основывается на опыте гештальт-психологии (Gestalt, нем. – образ, структура, целостная форма), французской психологической школы (прежде всего, Ж. Пиаже), а также структурно-семиотического направления в лингвистике и литературоведении («формальная школа») (9). Несмотря на то, что указанная теория традиционно использовалась отечественными учёными при изучении детской психологии, она имеет универсальное значение. Согласно этой теории, главная закономерность развития психики состоит в *интериоризации* (принятие информации в свой внутренний мир) структуры его внешней, социально-символической (т.е. опосредованной знаками) деятельности. В итоге прежняя структура психических функций как «натуральных» изменяется – опосредствуется интериоризированными знаками. Психические функции становятся «культурными».

Внутренние и внешние этнические стереотипы

Образы народов также именуется национальными или этническими стереотипами (греч. *ethnos* – народ, *stereos* – твердый, *typos* – отпечаток). Различают эндо (внутренние)- и экзо (внешние) этнические стереотипы.

Эндоэтностереотип – это то представление о своем народе, которое свойственно ему самому.

Экзоэтностереотип – это то представление о данном народе, которое свойственно другим народам.

Каждый народ имеет свое устойчивое бытовое представление о других народах на уровне обыденного сознания.

Русский плакат начала русско-японской войны

Посидим у моря, подождем погоды

Дозволено цензурою. Москва, 28-го февраля 1904 г.

Джон Буль (Англия) и Дядя Сэм (САСШ) толкают японского микадо на войну с Россией. Порт-Артур обороняет «типичный» русский казак, зажав под мышкой крепостное орудие

Ниже стихи:

*Посидим у моря, подождем погоды!
Вишь, — какие страшные уроды
виднеются из-за японской спины;
Должно-быть, это — его опекуны?..
Заморские покровители!..
Покурить, господа, не хотите-ли —
нашей русской махорочки,
что виднеется на горочке!..
А это — тебе, Яполец, игрушка —
наша Российская пушка!..
Ну, скорей — чтоль начинай,
к нам на сушу вылезай!
Сойдемся, — брат, по чести;
а все-таки я посижу на этом месте!
Докажу желтолицым врагам,
что Бог на помощь нам!..
Заступником!!!*

Автор не известен (в журнале не указан)

Время создания 1904 год

Источник: Российский исторический журнал «Родина». 2007. № 11. С. 65.

Об англичанах принято говорить, что они невозмутимы в любой, самой опасной ситуации.

О немцах, что они пунктуальные.

О французах, что они влюбчивы и легкомысленные.

О китайцах, что они трудолюбивы.

Мы говорим «типичный американец», «типичный англичанин», «типичный русский», имея в виду определённый набор свойств, опирающийся на сложившийся в данный момент национальный стереотип. Таким образом, национальные стереотипы, являясь собирательными, условными образами, отражают этнические и культурные особенности народа, специфику национальной психологии и традиции обоих народов, как того, в отношении которого создается стереотип, так и того, который данный экзостереотип создает.

Многие этнические стереотипы, бытующие в современном человеческом сознании, существует уже на протяжении не-

Хотя Жорж Биго, француз, автор данной серии комиксов, несколько лет прожил в Японии, он обычно изображает японцев в нелестном свете. В этих рисунках Англия и Соединённые Штаты подталкивают японского воина напасть на Россию (верхний рисунок). Япония, волоча за ногу Китай, попирает Корею, чтобы добраться до России (в центре), а затем Россия и Япония борются за обладание притягательной Манчжурией (внизу). Разительный контраст между мужественным и красивым русским и мелким слабаком японцем типичен для изображения японцев ещё до начала войны

Образы русских, англичан, американцев, японцев и китайцев во французских открытках

скольких десятилетий и даже нескольких веков. Ещё в 1822 году А.С. Пушкин определил свойства народности:

«Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Фактически здесь описаны свойства этнического стереотипа. Образ мыслей и чувствований составляет глубинный культурно-психологический склад народного мышления. Он менее осязаем, но от него труднее всего избавиться. Обычаи, поверья, привычки, наоборот, лежат на поверхности. Они подвержены гораздо более быстрому историческому переменам.

Эндоэтностереотипы, как правило, в целом позитивны, хотя отдельные несущественные недостатки в портрете собственного народа могут быть вполне допустимы, а иногда даже выходят на

первый план. А вот экзоэтностереотипы могут быть как преимущественно позитивными, так и преимущественно негативными. Это зависит как от исторической памяти, так и от современного характера отношений между странами и народами.

Этнические стереотипы в быденном языке и в научной литературе часто называют *национальными характеристиками*. Эндоэтностереотипы часто идеализируют нравственные качества своего народа. Экзоэтностереотипы, наоборот, искажают образ другого народа из-за незнания его обычаев и особенностей быта. В большинстве случаев невозможно проверить, насколько черты того или иного этнического стереотипа соответствуют действительности, присущи ли те или иные черты национально-

го характера всем представителям данного народа, их большинству или меньшинству.

Например, утверждение, что немцы (русские, китайцы, англичане и т.д.) — пьяницы, легко проверяется статистикой потребления спиртного на душу населения жителями той страны, где этот народ составляет большинство, и ее сравнением с аналогичной статистикой для других стран и народов. А вот как проверить, добрый ли данный народ или злой, трудолюбивый или ленивый, гостеприимный или скупой? Очевидно, что данные качества не могут быть свойственны всем представителям данного народа. Ведь в каждом народе есть люди добрые и злые, трудолюбивые и ленивые. Объективных критериев определения, каких людей больше, равно как и критериев того, кого считать добрым, злым, трудолюбивым или ленивым, не существует. И уровень экономического развития страны, в частности, в показателях душевого ВВП (Валового Внутреннего Продукта), нельзя считать показателем высокого уровня экономики данного народа. Слишком многое зависит от особенностей и уровня социально-экономического развития страны, наличия природных ресурсов и других факторов. Можем ли мы определить, например, кто более трудолюбив, средневековый французский крестьянин или современный американский клерк?

К национальному характеру обычно относят уникальные психологические особенности данного народа (нации). Однако объективно можно установить только тип темперамента, свойственный большинству представителей того или иного этноса. Черты же национального характера — это всего лишь этноэндоэтностереотип либо этноэкзоэтностереотип. В то же время, если некоторые черты национального характера устойчиво повторяются не только в эндоэтностереотипе, но и в целом ряде экзоэтностереотипов данного народа, то можно с большой долей вероятности предположить, что эти черты действительно являются частью данного национального характера. При этом, однако, нельзя исключить, что большинство экзоэтностереотипов либо отражают эндоэтноэтностереотип, либо являются производными от одного из экзоэтноэтностереотипов, которые ранее других сформировались у одного из народов, а потом были заимствованы другими.

Первое эмпирическое исследование этнических стереотипов было проведено в 1933 году в США среди 100 студентов Принстонского университета. Они предложили выбрать из списка

Образ русского в Юрмале
Рисунок из газеты *Atmoda*
(«Пробуждение»), 1990 г.

84 личностных черт по пять наиболее характерных для десяти этносов и этнических групп: белых американцев, афроамериканцев, англичан, ирландцев, немцев, итальянцев, евреев, китайцев, японцев, турок. Обнаружилась высокая степень согласия в приписывании некоторых черт тем или иным этническим группам. Например, 84% испытуемых считали, что афроамериканцы суеверны, 78% – что немцы способны к наукам и т.п. (10).

В начале 1950-х годов по инициативе ЮНЕСКО было проведено широкомасштабное исследование с целью определить:

- 1) как представители одной страны воспринимают народы других стран;
- 2) какие факторы определяют их восприятие.

Для опроса были выбраны те страны, где в населении резко преобладают представители одного этноса. Это – Австралия, Англия, Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Норвегия, США. Таким образом, полученные данные можно было интерпретировать как этнические стереотипы, характерные для представителей данного народа: англоавстралийцев, англичан, американцев, норвежцев и т.д. Для опроса не годилась, например, Бельгия, где два основных народа, фламандцы и валлоны, имеют почти одинаковую численность. Участникам опроса предлагалось выбрать из 13 определений те, которые, по их мнению, характеризуют русских, американцев, англичан, французов, китайцев и их самих. Разница между положительными и отрицательными ответами фиксировалась в виде так называемого «знаменателя дружелюбности» (11).

Этнические стереотипы также выявляются на основе анализа прессы и художественной литературы. Следует отметить, однако, что этнические стереотипы определяются, главным образом, посредством проведения социологических опросов. Респондентам предлагается выбрать из набора характеристик те, которые наиболее подходят для того или иного народа. В редких случаях респондентам позволяют дать собственные характеристики народам, не предлагая им заранее никакого списка. Ясно, что в первом случае социологи, так или иначе, сами влияют на формирование стереотипов, задавая определённые клише.

Опрос, проведенный в июне 2005 года российским Центром межэтнического взаимодействия «Диалог» среди 505 нижегородских студентов, главным образом, русских, которым предлага-

лось назвать первую пришедшую в голову ассоциацию, возникающую при упоминании каждой из 10 национальностей, дал такие результаты:

- русских считают, в первую очередь, алкоголиками,
- украинцев – любителями сала,
- евреев – иудеями, хитрыми и жадными,
- азербайджанцев – торговцами на рынке, прежде всего арбузами,
- с чеченцами ассоциируются война и боевики,
- с татарами – ислам и татаро-монгольское иго,
- цыган называют кочевниками, живущими в таборе,
- чувашей наградили нелестным эпитетом бестолковый,
- удмуртов почему-то самая значительная часть опрошенных (20%) считает оленеводами, живущими в чумах на севере,
- курдов-йезидов связали в первую очередь с Кавказом, а не с Курдистаном, и назвали беженцами и борцами за свободу (12).

В целом в стереотипах преобладали негативные или нейтральные характеристики. Что показательно, отрицательной оказалась главная черта этноэндостереотипа – русских. Положительных характеристик почти не было. Получается, что к Своим, по крайней мере, на уровне стереотипов, русские относятся так же плохо, как и к Чужим.

Следует учитывать, что одни и те же качества разными народами в разные времена оценивались по-разному. Например, немецкий практицизм самими немцами оцениваемый, безусловно, положительно, русскими еще и в XIX веке оценивался скорее отрицательно. Наоборот, русская бесшабашность, воспринимаемая русскими скорее как положительная черта, у европейцев вызывала, как правило, отрицательные эмоции.

Механизмы формирования стереотипов, в том числе этнических, изучены недостаточно. Ведь они формируются на подсознательном уровне. И, как мы уже говорили, главную роль в формировании стереотипов играет телевидение, киноиндустрия, печатные СМИ. Сейчас к ним присоединился и Интернет, который нередко распространяет стереотипы не на один, а сразу на несколько народов, которые имеют общие элементы истории и культуры и воспринимаются как нерасчлененное целое.

«Говорит капитан воздушного судна. Я приветствую вас на борту рейса № 451, который направляется, кажется, в Свердловск»

Естественно, правительства почти всех стран заинтересованы, чтобы их страна и народ имели позитивный имидж в мире. Однако целенаправленная кампания на государственном уровне по созданию позитивного облика страны и народа не могли проводиться раньше конца XIX века. Тот же Милош Кундера, к примеру, утверждает:

«Философы могут убеждать нас, будто безразлично, что думает о нас мир, что действительно лишь то, каковы мы на самом деле. Но философы ничего не смыслят. Поскольку мы живем с людьми, мы не что иное, как то, за кого люди нас принимают. Думать о том, какими нас видят другие, и стараться, чтобы наш образ был по возможности более симпатичным, считается своего рода притворством или фальшивой игрой. Но разве существует какой-нибудь прямой контакт между моим и их Я без посредничества глаз? Разве мыслима любовь, если мы не озабочены тем, каков наш образ в мыслях любимого? Когда нам становится безразлично, каким нас видит тот, кого мы любим, это значит, мы его уже не любим... Наивная иллюзия думать, что наш образ лишь видимость, за которой скрыто наше Я как единственно ис-

тинная сущность, независимая от глаз мира. Имагологи с крайней циничностью открыли, что это как раз наоборот: наше Я лишь простая видимость, неосозаемая, невыразимая, туманная, тогда как единственная реальность, даже слишком легко осязаемая и выразимая, это наш образ в глазах других. И что самое худшее: ты не властелин этого образа. Поначалу ты стремишься сам нарисовать его, затем хочешь хотя бы влиять на него и его контролировать, но все тщетно: достаточно одной злонамеренной формулы, чтобы тебя навсегда превратить в жалкую карикатуру...» (13).

Зверское убийство полковником российской армии Юрием Будановым чеченки напоминает насилие нацистской армии против жителей России во время Второй мировой войны.

Рисунок из газеты Lauki Avize («Сельская газета»), 2001 г.

Итак, образами стран и народов занимается наука имагология. Она изучает образы не только стран и народов, но и, в принципе, любых товаров. Таким образом, как это ни парадоксально, образ страны или народа (этнический стереотип) превращается в товар. В зависимости от заказчиков, этот образ может быть как положительным и отрицательным, однако его конструирование и последующее бытование зависят отнюдь не только от воли заказчика, но и от непредсказуемых особенностей человеческого подсознания и от опыта общения народов на протяжении длительного времени.

Примечания:

1. *Кундера Милош*. Бессмертие. Роман. СПб., 2001. С. 144.
2. Там же. С. 145.
3. См.: *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб., 1997. С. 438.
4. Там же. С. 450.
5. *Lippman Walter*. Public Opinion. N.Y., 1950. P. 81.
6. См., например: *Следзевский И.В.* Ментальные образы в международных сопоставлениях и моделировании глобального будущего // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4. С. 69–85. *Следзевский И.В.* Образ России как смысловой конструкт (Семантическая составляющая «главного русского спора») // *Общественные науки и современность*. 2007. № 4. С. 93–104.
7. См., например: *Кожемяков Ю.Я., Сергеев В.М.* Прогнозирование политического развития: особенности разработки динамических моделей // *Социологические исследования*. 1981. № 1.
8. См.: *Асмолов А.Г.* Психология личности. М., 1990.
9. См.: *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения (Обезьяна. Примитив. Ребенок). 1-е изд. М.; Л., 1930; 2-е изд. М., 1993.
10. *Katz D., Braly K. W.* Racial stereotypes of one hundred college students // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. Vol. 28. P. 280–290.
11. См.: *Кон И.С.* Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков // *Новый мир*, 1966, № 9.
12. С чем у россиян ассоциируются евреи, украинцы, татары? // *Новые известия*. 2005, 26 июля.
13. *Кундера Милош*. Бессмертие. С. 161.

ТЕМА I**ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗОВ****Лекция 2****Генезис образов Своего и Чужого**

Как и когда возникают образы? Как складывается противостояние по линии Свой–Чужой? Каковы причины такого противостояния? Какие факторы влияют на его развитие?

Этнические стереотипы одной из важнейших своих задач имеют четкое отделение Своего от Чужого. Противостояние Свой–Чужой существует, возможно, почти столько же лет, сколько существует человечество. Разделение людей на племена, роды и семьи положило начало этому противостоянию, обусловленному соперничеством в борьбе за ресурсы выживания. Позднее появилось разделение человека на расы, а потом и на языки и этносы (первоначально языковое и этническое деление совпало). При этом сегодня расовое разделение осознается порой более глубоко, чем разделение этническое. Например, афроамериканцы являются субэтносом (этнической группой) американцев. По существу они образуют с белыми американцами один народ, практически не отличаясь от них по языку и имея с ними общую культуру. Однако браки между белыми американцами и афроамериканцами — явление гораздо более редкое, чем браки белых американцев с немцами и поляками — представителями других народов.

Между прочим, американские расисты традиционно утверждали, что негры стремятся в первую очередь к равенству в сфере сексуальных отношений с белыми, и оправдывали расовую дискриминацию опасениями, что их жены и дочери тогда, не дай Бог, будут иметь секс с неграми. В действительности же для афроамериканцев на первом месте по значимости стояла экономическая дискриминация, на втором месте — юридическая, на третьем месте — политическая, на четвертом — стремление к равенству в сфере общественного обслуживания, на пятом — право на вежли-

вое и уважительное отношение со стороны белых, и только на шестом месте — право на сексуальные отношения с белыми (1).

После окончания Второй мировой войны в связи с подъемом движения за права афроамериканцев на первое место выдвинулась проблема юридической, а на второе — политической дискриминации. Сексуальное равноправие же по-прежнему осталось на последнем месте. Это, в частности, свидетельствовало о том, что предубеждение существовало и существует также и со стороны негров по отношению к белым, что также объясняет незначительное число межрасовых браков и тогда, когда всякая дискриминация была отменена.

Функции противостояния Свой—Чужой

С помощью этого противостояния люди, прежде всего, упорядочивают собственный жизненный опыт. На протяжении веков создается не только материальный мир, но и мир человеческих взаимоотношений. Они регулируются обычаями, традициями, законами и нормами, относительно уникальными для определенных национальных и культурных сообществ. А при контакте с прежде незнакомой культурой её носитель автоматически определяется как Чужой, причём преимущественно с негативной окраской. В России, например, сейчас сугубо негативный образ Чужого существует не только по отношению к иностранцам, но и по отношению к выходцам из ряда российских регионов, особенно кавказских.

В памяти каждого формируется *три образа*:

- личный образ, т.е. тот образ, в котором человек видит самого себя;
- образ Своей общности — семейной, этнической, социальной;
- образ Чужого — народа или социума.

Чем больше эти три образа разнятся между собой, тем больше проблем возникает в отношениях между людьми. Если личный образ сильно отличается от образа Своего, то возникает конфликт индивидуума со своим обществом. Острота этого конфликта зависит от степени расхождения стереотипных представлений о себе и Своих. А вот если прямо противоположными оказываются стереотипы Своего и Чужого, то это создает почву для конфликта, в результате которого такое противостояние ещё больше усиливается.

В процессе осознания людей себя отдельным этносом, отличным от других, происходит противопоставление по линии «мы» — «они». Это видно, в частности, при сравнении названий, которые народ дает самому себе и получает от других народов. Так, самоназвание немцев — deutsch — означает люди. Для русских же «немцы», в первоначальном значении, «немые», т.е. не говорящие по-русски. Первоначально «немцами» называли всех иностранцев, и только в XVI веке это название закрепилось за выходцами из Германии, составлявшими самую многочисленную иностранную колонию на Руси и, в частности, в самой Москве, где они населяли так называемую Немецкую слободу.

Социологами давно подмечено, что при ответах на вопросы, касающиеся образа Своего, респонденты в большей мере ориентируются на конкретных людей из числа своих знакомых и их вполне реальные жизненные ситуации. При ответах на аналогичные вопросы относительно образа Чужого они ориентируются, прежде всего, на существующие стереотипы, даже если у них есть знакомые представители данного народа.

В многовековом диалоге между различными народами следует различать реальные дипломатические, политические, экономические и культурные контакты и культурную рефлексию по поводу этих контактов. Именно в процессе рефлексии формируется образ Чужого и Своего.

Образы Чужого, как правило, имеют реальные основания в историческом прошлом и настоящем. Однако отбор свойств для конструирования образа задается современной конъюнктурой. Этнический стереотип ориентируется на некий идеальный образ народа, к которому обычно приближается образ «своего» народа. Образ же «чужого» народа может быть нейтрален по отношению к идеалу или, в случае непосредственного военного столкновения, превращаться в абсолютный антиидеал.

В народной картине мира существует Своё и Чужое пространство, которое населяют человеческие существа и демонические персонажи фольклора. Она признает наличие Своего и Чужих языков, традиционных обрядов и укладов жизни. Чужой может быть плохим или хорошим, но он в лучшем случае может быть только Иным, но не своим.

В древности и Средневековье этнические стереотипы основывались на образах традиционной культуры, имеющих фольклорно-мифологическое происхождение. В то же время, этот сте-

реотип — всегда значительно обобщенный и упрощенный образ Своего или Чужого.

Этноцентризм

Люди неизбежно воспринимают и оценивают чужие обычаи, традиции, формы поведения, прежде всего, сквозь призму своих собственных обычаев и традиций, знакомых им с детства. Это происходит помимо их воли, на подсознательном уровне.

Каждый народ пытается осознать собственную уникальность, своё место в истории и культуре. На основе этого формируется его *идентичность*. Люди знакомятся не только с письменными источниками, фиксирующими исторические факты, не только с материальными памятниками своей и чужих культур, но и являются носителями (иной раз бессознательно) фольклорно-мифологической памяти, религиозных верований и национальных традиций духовной культуры. В народной культуре отношение к представителям других этносов, как правило, *этноцентрично*. Свои традиции, религия, обычаи и, главное, язык считаются единственно «правильными» и «истинными». Подобный этноцентризм на подсознательном уровне свойственен всем народам мира и является неотъемлемой частью их идентичности.

Фольклорно-мифологическая трактовка образа Чужого, в свою очередь, зависит от того, как воспринимается представитель иного этноса. Если он несёт опасность, то он отвергается. Если этого нет, то Чужой может быть принят в Своё общество, на него могут распространяться существующие обряды, обычаи, нормы и законы, он может принять господствующую в данном обществе религию и выучить язык.

Уподобление Чужого зооморфной нечистой силе может иметь глубокие психологические корни в самой ранней эпохе первобытности. В истории человеческой культуры есть момент, когда «невыделение из природы» сменяется противопоставленностью ей, а фигура животного — именно в силу его «партнёрской» близости к человеку и морфологического сходства с ним — способна породить жуткий демонический образ «чужого в своём»: природного, звериного. Это проступает из-под человеческой личины в виде хвостов и копыт, которые тем страшнее, чем привычнее в повседневной жизни. Согласно народным поверьям, демонические персонажи отличаются чрезвычайной похотливостью и охотно вступают в любовные отношения с чело-

веком, что, как правило, имеет для жертвы самые дурные последствия (2).

В славянской традиции как отличительные признаки Чужого расцениваются веснушки, и рыжий и черный цвет волос. Иногда Чужим приписывают некоторые звериные черты, например, наличие небольшого хвоста. Этот же признак может быть также соотнесен с нечистой силой. Чужим обычно приписывают склонность к магии и колдовству, которые способны принести вред. Неслучайно в древности Чужие в мифах наделялись нечеловеческими или не вполне человеческими чертами, дабы яснее отличить их от Своих. Отсюда — предания о людях-великанах, о людях с песьими головами, одноглазых циклопах и даже о племенах амазонок. Чужих в мифах обычно наделяли длинными и грязными волосами, дурным запахом, им приписывали людоедство. Позднее же эти мифические черты распространяли и на вполне реальные народы.

Чужие обычаи кажутся странными, нелепыми. И это вполне естественно. Русскому и финну покажется странным целоваться прилюдно на улице, что вполне естественно для итальянца или француза. Те, в свою очередь, могут найти русских или финнов чересчур холодными, неулыбчивыми. Подобные различия вытекают не только из различий темпераментов, но и из различий и всего прошлого культурного опыта. Проблема возникает лишь тогда, когда неприятие или настороженное отношение к чужим обычаям перерастает в устойчивую негативную психологическую установку по отношению к данному Чужому, становится этническим предрассудком или предубеждением.

На всех уровнях мифологизация образа «чужого» сочетается с «бытовым» знанием о соседях, основанном на повседневном общении. Этнические стереотипы способствуют интеграции этнического сообщества, сплачивает этнос по отношению к Чужим. При встрече же двух цивилизаций каждая из них пытается поставить другую в контекст своей собственной истории, найти Чужому нишу в собственной исторической и религиозной традиции.

В процессе контакта с незнакомой культурой носитель этой другой культуры сам воспринимается как Чужой. Своя культура и обычаи воспринимаются как естественные, а чужие — как неестественные, нарушающие Богом данный порядок вещей. В значительной мере это касается пищи. Французы едят лягушек, китайцы и корейцы — собак, китайцы, японцы и корей-

цы — трепангов, жители Индонезии — саранчу и других насекомых. Образ Чужого часто приспосабливается к нуждам и интересам Своего, чтобы оправдать завоевание Чужого, его порабощение, эксплуатацию или подчинённое положение в Своем обществе.

Линии различия

Различия между Своим и Чужим проходят, прежде всего, по линии расы, языка, этнической и культурной принадлежности.

Расовые различия, как правило, определяют формирование негативного образа Чужого уже на уровне индивидуального и коллективного бессознательного, и мало зависят от правительственных и иных централизованных усилий по формированию положительного образа Чужого. Следующим по уровню влияния на формирование образа Чужого является *язык*, который указывает и на иную этническую принадлежность Чужого. В тех случаях, когда два народа говорят на одном языке, отношения между ними обычно складываются как достаточно благожелательные.

В качестве примера можно привести взаимоотношения народов, говорящих на английском языке, или взаимоотношения между немцами, австрийцами и германо-швейцарцами. Исключение происходит тогда, когда соседние народы говорят на одном и том же языке, но придерживаются разных вероисповеданий. Известна острая вражда, нередко приводившая к кровопролитию, между пенджабцами-сикхами, пенджабцами-индуистами и пенджабцами-мусульманами.

Близкие по языку народы склонны создавать более позитивные образы Чужого, тогда как по отношению к народам, которые говорят на языках, принадлежащим к другим языковым группам и семьям, при прочих равных условиях, создаются более негативные образы.

На образ Чужого еще более резко влияют *религиозные и конфессиональные различия*. В языческой древности они, как фактор отчуждения, не играли большой роли. Тогда верования и любые проявления религиозности были тесно связаны с этнической принадлежностью и самостоятельного значения почти не имели. Только с появлением мировых религий противостояние по религиозной линии начало набирать силу. Речь идёт о противостоянии христианства и ислама, противостоянии между различными направлениями внутри христианства и ислама, противо-

стоянии ислама с буддизмом и местными азиатскими религиями, преследованиях иудеев в христианских и мусульманских странах. Нередко проходили кровопролитные войны между соседними народами или гражданская война внутри одного народа. Можно вспомнить, например, религиозные войны между католиками и протестантами (гугенотами) во Франции XVI—XVII веков.

Сегодня в рамках борьбы с международным терроризмом противостояние ислама и христианства еще больше актуализируется. Для мусульман образ Чужого становится образом христианина вообще и наделяется атрибутами нечистой силы, что вполне вписывается в религиозное мировосприятие подавляющего большинства мусульманского населения. Между тем, в мусульманской традиции Чужого, в отличие от Чуждого, следует просветить и увлечь в ряды «уверовавших», но без применения насилия. Однако при этом необходимо жёсткое культурное обособление Своего от Чужого. Также и традиция исламской взаимопомощи требует, чтобы человек сначала помог Своим и лишь потом Чужим. Такой жёсткой последовательности нет в христианской традиции. Христиане для мусульман всё больше превращаются из Чужих в Чуждых. Последние же есть порождение сатаны, и в борьбе с ними допустимы все средства.

Европейский образ жизни, основанный на прогрессе технических средств, также осознается как нечто Чуждое, враждебное исламу. В христианских же странах, где нет разделения между Чужим и Чуждым, образ Чужого всё больше становится образом террориста-мусульманина.

Географический фактор также влияет на формирование образа Чужого. Если речь идёт о соседнем народе, но отделённом серьёзными географическими барьерами — труднопроходимыми горами, пустынями, широкими реками, то контакты с ним вплоть до сравнительно недавнего времени были затруднены, что делало его образ как Чужого довольно неконкретным. Если же географических барьеров не было, в пограничных областях с давних пор образовывались большие группы смешанного по этническому составу населения. Образ Чужого в этих условиях становился вполне конкретным, но если между представителями двух народов в пограничных областях складывались недружественные отношения, то этот образ становился негативным. Чем теснее становится контакт между народами, тем более усложня-

ется и наполняется конкретным содержанием образ Чужого или Иного.

Географический фактор играл существенную роль в формировании национальных образов в ряде регионов мира вплоть до середины XX века. В дальнейшем развитие транспортного сообщения, распад колониальной системы и массовые миграции населения из бывших колоний в метрополии во многом уничтожило действие географического фактора в традиционном смысле слова. Теперь стереотипы Чужого в значительной мере определяются на основе иммигрантов из этой страны, поселившихся в стране Своего. Возникающий образ Чужого при этом носит резко негативный характер, так как местным населением мигранты чаще всего воспринимаются как конкуренты в борьбе за рабочие места, вне зависимости от того, имеет ли место такая конкуренция на самом деле. Один из примеров этого – выходцы из Средней Азии в современной России. Вообще, чем больше отличаются друг от друга народы по культурно-бытовому и хозяйственному укладу, тем больше негативных черт приобретает образ Чужого, тем труднее становится народам понять и принять друг друга.

Взаимовлияние культур

Между «своей» и «чужой» культурой может происходить процесс аккультурации. *Под аккультурацией понимают взаимное влияние разных культур, когда все или часть представителей одной культуры (реципиента) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора).*

Обычно аккультурации подвергаются иммигранты, прибывшие в страну массовой иммиграции. Результатом аккультурации как двустороннего процесса, влияющего на обе группы, может стать как восприятие чужой культуры, так и возникновение реакции отторжения, когда группы иммигрантов стремятся замкнуться в мире своей религии и культуры.

На процесс аккультурации иммигрантов и их интеграции в принимающие общины влияет сложившийся уровень восприятия иммигрантов, уровень их образования, способность найти свою социально-экономическую нишу, а также способность усвоить язык и некоторые основные обычаи страны пребывания, необходимые для интеграции в профессиональном и бытовом отношении. По наблюдениям психологов и антропологов,

первое поколение иммигрантов ещё воспринимает принимающее общество как Чужое. Второе поколение ещё помнит о прежних этнокультурных ценностях, но противопоставляет им в качестве Своих уже новые культурные ценности. Третье же поколение иммигрантов в лучшем случае помнит о своём этническом происхождении, но прежняя этническая культура для них уже, безусловно, Чужая.

В то же время отдельные иммигрантские группы, в случае если они значительно отличаются от основного народа принимающей страны в языковом, религиозном и культурно-бытовом отношении, в течение длительного времени (на протяжении двух-трёх поколений и даже больше) остаются лишь интегрированными в принимающее общество. Они сохраняют язык, основные культурные ценности прежней родины и воспринимают язык и культуру принимающей страны лишь в минимально необходимом объёме для бытовых и деловых целей. В США, например, такая длительная интеграция характерна для китайцев и выходцев из латиноамериканских стран. В этом случае получается ситуация Чужого в Своем или Своего в Чужом, в зависимости от степени адаптации иммигранта к условиям принимающей страны.

Такая ситуация создает проблему двойственной идентичности и, соответственно, двойственности, размытости для иммигрантов образа Своего и Чужого.

Итак, образ Чужого бывает разным на протяжении истории человечества. Его противопоставление образу Своего изменяется в зависимости от необходимости борьбы за ресурсы и характера взаимоотношений между двумя народами. Образ Чужого может быть нейтральным или отрицательным. Степень отрицательности образа зависит от остроты межрасовых, межконфессиональных, межэтнических и межгосударственных противоречий.

Примечания:

1. См.: *Кон И.С.* Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир. 1966. № 9.

2. См.: *Неклюдов С.Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: От народных верований к литературе. М., 1998.

Лекция 3

Этнические стереотипы, национальный характер и ксенофобия

Как влияют негативные этностереотипы, национальный характер на развитие ксенофобии в обществе? Какие факторы способствуют распространению ксенофобии?

Уже говорилось о том, что непонимание Чужого основывается на том, что два народа всегда имеют разную сумму знаний, разные обычаи и традиции. Даже одинаковые качества национального характера, например, трудолюбие, влюбчивость или храбрость у разных народов наполняются разным содержанием. Точно также одни и те же понятия в экзо- и эндо- стереотипах, касающиеся одного и того же народа, могут иметь разное содержание. Точно так же одни и те же жесты в разных культурах могут иметь прямо противоположное значение.

Например, для русского, как и для большинства европейских народов, кивок головы вперед на языке жестов означает согласие, а кивок головы из стороны в сторону — возражение. У болгар же, наоборот, кивок головой вперед означает возражение, а кивок из стороны в сторону — согласие.

Все народы в мире обладают тремя видами знаний.

Первый вид знаний называется общечеловеческим и свойственен всем людям на земле. Все они знают и однозначно понимают, что такое солнце, небо, Луна, вода, воздух и т.п.

Второй вид знаний может быть назван региональным. Жители тропиков могут не знать что такое снег, а жители северных широт, в свою очередь, могут не иметь никакого понятия, как выглядит и какого вкуса плод манго.

Третий вид знаний относится к знаниям специфически национальным (этническим). Они являются уникальными и свойственными только данной национальной (этнической) культуры. Только эти знания позволяют правильно расшифровать свойственные данной культуре стереотипы.

Так же и иностранный язык предпочтительнее изучать в тесной связи с реалиями связанных с ним стран и культур, иначе невозможно достичь точного перевода на этот язык слов и образов родного языка, равно как и точно перевести на этот последний иностранные слова и выражения. Многие явления в национальной культуре непосредственно связаны с произведениями

литературы и искусства, без знания которых понять их оказывается невозможно.

Национальный характер

Несмотря на индивидуальность характера отдельной личности, и исследователи, и общественное мнение обычно рассматривают некоторые общие черты характера некой этнической группы в качестве национального характера. Напомним, что под *национальным характером* подразумевается *стереотипный набор качеств, приписанных одному народу им самим, а также другими народами, как враждебными, так и дружественными*. В него включают: самосознание, привычки, вкусы, традиции, связанные с национальными чувствами, национальную культуру и быт.

Интересно, к примеру, проследить изменение значений одних и тех же национальных имён в течение времени и в различных культурах. Так, имя Михель в честь небесного покровителя Германии архангела Михаила было очень популярным среди немцев в Средние века и стало нарицательным. Выражение *der deutsche Michel* встречается впервые в письменных источниках 1541 году, как синоним обыкновенного немца во вполне положительном смысле. Однако уже в XVIII веке это имя в качестве нарицательного приобрело негативную коннотацию и стало употребляться в значении «дурак, простофиля».

В свою очередь, в русских народных сказках имя Иван обычно подразумевает дурака. Между тем, во Второй мировой войне русские солдаты использовали имя «Фриц» в качестве нарицательного обозначения всех немцев, тогда как в Германии это имя в нарицательном смысле никогда не использовалось. В свою очередь, немцы называли русских «Иванами», используя это имя в качестве нарицательного, но без присущего ему в русском фольклоре значения «дурак, простофиля».

Весьма рельефно характер выявляется в так называемых «международных» анекдотах, где представители разных наций, поставленные в одинаковые стандартные ситуации, ведут себя в соответствии с существующими представлениями об основных чертах их национального характера. Характерным является следующий британский анекдот: рай там, где повара — французы, механики — немцы, полицейские — англичане, любовники — итальянцы, а организуют всё швейцарцы. А ад там, где повара — англичане, полицейские — немцы, любовники —

швейцарцы, механики — французы, а организовано всё итальянцами.

Тот или иной образ сейчас создается преимущественно с помощью визуальных средств. Вплоть до начала XX века главную роль играли карикатуры и комиксы, а затем, вплоть до середины XX века, ведущая роль перешла к кинофильмам и радио. Неслучайно еще в 1900 году русская газета «Новое время» отмечала:

«Карикатура есть наилучший способ представить конкретно какую угодно отвлеченную идею и внушить ее толпе, недоступной отвлеченностям. Она дает понять глазам образ того, идею чего ум едва ли уразумел бы без этой наглядности» (1).

Французская открытка времен русско-японской войны

У нас в стране очень любят цитировать слова русского поэта Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить».

Можно согласиться и с мнением о том, что на уровне бытового сознания существование у каждого народа национального характера не вызывает сомнений, является как бы аксиомой. Особенно часто эта мысль возникает во время пребывания в чужой этнической среде. У наблюдателя невольно возникает вопрос: случайны ли эти особенности и отличия или они проистекают из одной общей и глубокой причины и коренятся в особой природе данного народа, его особом национальном характере? Может быть, поняв этот характер, мы без труда поймём все особенности данного народа? Национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа, и даже его истории (2).

Однако многие иностранные наблюдатели пытаются рационально объяснить особенности нашей страны и народов, живущих в ней. Известный китайский журналист Ван Сяньцзюй, проработавший в России свыше десяти лет, выделил следующие признаки российского национального характера.

1. *Мощный творческий потенциал.* История цивилизации России насчитывает 1300 лет. И эта история отмечена появлением множества высокоодарённых людей. Среди них учёный с энциклопедическими знаниями Ломоносов; Менделеев, открывший периодический закон химических элементов; отец «ракеты» Циолковский; корифей литературы Толстой; замечательный композитор Чайковский и другие выдающиеся люди. Это вызывает у русских чувство превосходства. И даже в какой-то мере — зазнайства.

Илья Глазунов. Сто веков

2. *Мужество, стремление к победе.* Противниками России были монголо-татары, турки, французы и немцы, шведы и японцы. И почти во всех войнах русские побеждали. Предки россиян завоевали для своих потомков огромную территорию. Но история последних лет показала, что если кто-то не хочет жить с ними в одном государстве, Россия спокойно отпускает их «на волю». Так было, например, с Украиной, государствами Центральной Азии и Южного Кавказа.

3. *Стремление к лидерству в мире.* С 1453 года, после падения Константинополя, Москва пытается играть ведущую роль в православном мире.

Иванов В.С., 1941

5. *Повышенная возбудимость, недуманная поспешность в действиях.* «И какой же русский не любит быстрой езды...». Эту фразу писателя Николая Гоголя русские любят повторять, сидя за рулём. Россияне действительно спешат решить свои проблемы. Обстрел из орудия здания своего Парламента в 1993 году, скоропалительно начатая война в Чечне в 1994 году — во всём этом сказалась излишняя торопливость. Россияне не любят вести трудные, длительные переговоры. Им часто по душе быстрое решение, которое даёт применение военной силы.

4. *Небрежность в малых делах и собранность — в больших.* В обычное время кажется, что русские беспечны. Однако, когда решается судьба страны, русский безо всяких колебаний смело вступает в борьбу, проявляя дух бесстрашия. До сих пор никому не удавалось сломить русскую нацию другим нациям, а сама она способна, кажется, одолеть любого врага.

Российская политика в Болгарии, 1886 г.

«Наши силы неисчислимы». Корецкий В.Б., 1941

«Дамоклов меч». Ваганов А.Г., 1996

6. *Однобокий способ мышления.* Если, к примеру, русские отрицают Сталина, то полностью. Если отрицают социализм, то не хотят видеть в нём ничего хорошего, всё воспринимается только в мрачном свете. В том числе и компартия, которая руководила страной более 70 лет.

Веселый союз. 1989

7. *Любовь к крайностям и противоречивость.* Это, пожалуй, самые главные особенности русского человека. Он может восхитить своей образованностью, интеллектом. Но он может вызвать разочарование ленью, любовью к выпивке, беспечным отношением к своим обязанностям.

Чистый двор, чистый подъезд! 2007

8. *Чувство юмора.* Не в характере русских молча сидеть за едой. Встретятся два русских и сразу же начинают рассказывать анекдоты. Чувство юмора, присущее россиянам, возможно, связано с их романтическим характером. А также с высокой степенью образования, культурного воспитания. В последние годы жизнь русских была достаточно трудной. Однако без юмора, говорят они, жизнь вообще теряет смысл.

Член правительства. 1990

9. *Чувство собственного достоинства.* Если даже по неосторожности русского задеть, он не даст себя в обиду. Российскому народу в целом не свойственно прекло-

няться перед иностранщиной, он не раболепствует. Но временами чувство собственного достоинства превращается в слепую заносчивость. Появляется убеждение, что русским в мире уготована какая-то особая роль.

10. *Освобождение от гнёта.* После распада Советского Союза в 1991 году произошли резкие изменения в характере россиянина. Собраться с силами и вновь начать готовиться к бою за могучее государство — это, может быть, самое горячее желание. Признание своих ошибок, совершённых в прошлом, способствовало самопознанию русских. Развитие рыночной экономики, завоевание свободы освободили сознание от предрассудков. Не связанные идеологически, но также и моральными принципами, они поступают теперь, как кому заблагорассудится (3).

Конечно, не со всеми оценками можно согласиться. Но многое подмечено точно.

Перечисленные признаки контрастируют с результатами опроса большой груп-

Россия воспрянет. Совр. художник

Восстановим разрушенное! 2007

пы средних американцев об их отношении более чем к десятку народов. Среди этих народов были три, которые никогда не существовали на свете. Однако все эти три не существующие народа получили единодушные отрицательные характеристики. Абсолютно незнакомые названия указывали на абсолютную чуждость этих вымышленных этносов американцам, и поэтому они воспринимались крайне негативно (4).

Малые этнические группы, и в особенности те из них, которые в прошлом или в настоящем подвергались этнической или расовой дискриминации, обнаруживают большую степень внутригрупповой солидарности и взаимопомощи, чем большие нации. Дискриминация сама по себе способствует такому сплочению. Предубеждение большинства создает у членов такой группы острое ощущение своей исключительности, своего отличия от остальных людей. Свойственная же таким меньшинствам групповая солидарность неизбежно приобретает негативную коннотацию по отношению к ним.

Этнические предубеждения ограничивают сферу общения между представителями разных этносов и мешают установлению между ними доброжелательных отношений, ведут к взаимному отчуждению, порождая новые проблемы. В то же время диалог народов и цивилизаций, в какой бы форме он ни происходил, — в форме войны, противостояния, конфликта или в форме сотрудничества и взаимовлияния, он всегда происходит в рамках познания разных культур.

Что такое ксенофобия и когда она зародилась?

*Под ксенофобией (от греч. *xenos* — чужой, посторонний, и *phobos* — страх) понимают негативную психологическую установку, выражающуюся в иррациональном страхе и ненависти к людям иного народа, расы, веры, выходцам из других регионов и социальных групп.*

В то же время, ксенофобия нередко оправдывает враждебное отношение вполне рациональными свойствами. Создаются некоторые правдоподобные свойства, либо гипертрофируются реально существующие. Ксенофоб резко делит мир и не признаёт полутонов. Отрицательные черты отдельных людей переносятся на всю общность и становятся основанием для презрительного и враждебного к ней отношения.

Ксенофобами, как правило, становятся выходцы из наименее обеспеченных и маргинальных слоев общества, проигрывающие социальную конкуренцию в разных обществах.

Ксенофобии подвержены люди с невысоким уровнем интеллекта, а также подростки, у которых ещё не сформировалась жизненная позиция, и у которых негативный стереотип формируется под влиянием взрослых.

Нередко ксенофобией заражены и сотрудники правоохранительных органов, которые предпочитают квалифицировать преступления на почве расовой, национальной или религиозной ненависти как обыкновенное хулиганство.

Естественно, что ксенофобия вызывает ответную реакцию, люди замыкаются в своих общинах и стремятся ограничить к минимуму своё общение с иной культурой. Всё это ведет к росту межэтнической напряженности. Нежелание понять другую культуру ведёт к ксенофобии и расизму, и эти чувства быстро становятся общими для обеих групп. В случае же, если ксенофобия становится государственной политикой, дело может закончиться депортацией или геноцидом других этносов.

По поводу вопроса о времени зарождения ксенофобии мнения исследователей расходятся. Одни полагают, что она возникла тогда, когда возник человек разумный. Другие, наоборот, считают, что на заре бесписьменной человеческой истории конкуренция между популяциями не была ещё столь велика, племена не так часто сталкивались друг с другом, а тем более с племенами иной расы, и объективных основ для ксенофобии еще не было. Здесь можно заметить, что в Европе первые европеоиды несколько тысяч лет сосуществовали с другими разумными гоминидами, неандертальцами, не уступавшими им по уровню интеллекта и социального развития, но резко отличавшихся по физическому облику. Однако до сих пор не найдено никаких свидетельств, что между европеоидами и неандертальцами были какие-либо столкновения.

Возникновение ксенофобии относится к тому периоду, когда возникли разные языки, и возросла численность человеческих популяций в обитаемых районах Земли. Затем она была усилена возникновением различных религий, особенно мировых.

Русский писатель-эмигрант Василий Янковский, большую часть жизни проживший в Париже, справедливо утверждал:

«Прискорбно, что даже Герцен, проживший всю зрелую жизнь на Западе, все же ругал европейцев за мещанскую скупость, узкую методичность, за умеренность и расчётливость. В самом Герцене было много ямщичьего удалства, как, впрочем, и в жандармах, увозивших его на тройке в Пермь или Вятку... Несомненно, что лучшие русские западники во главе с Герценом единодушно отталкивались от мнимой европейской скупости. И это доказывает, что они не поняли многого на чужой стороне, проживая там знатными иностранцами. “Широта и размах” в аграрной, нищей, крепостной России вселяли радость в сердца изгнанников; даже противники славянофилов начинали верить, что православный Восток еще скажет этим “лавочникам” последнее спасительное, христианское слово, которое прозвучит убедительно, несмотря или вопреки свисту вдохновенных отечественных кнутов и шпицрутенов». Янковский приводил следующий характерный пример:

«Когда в Англии я впервые услышал от джентльмена, покупавшего в лавке трубку: “Нет, это слишком дорого для меня. I can’t afford it...” — я вздрогнул и покраснел от стыда: подумайте, при даме сознался в своей неполноценности! Нам с детства внушали, что порядочный кавалер может себе позволить все! Деньги не помеха, если нужно — украдет, убьёт» (5).

Этот пример доказывает, что для успешных контактов даже человеку, много лет прожившему в другой стране, надо хорошо знать не только язык, но и культурно-бытовую среду другого народа. Однако как раз те культурно-бытовые элементы, которые прямо противоречат тем, что приняты у себя на родине, усваиваются особенно тяжело.

Именно этнические стереотипы, устанавливая жесткие границы между культурными мирами, мешают их взаимопроникновению. Этому можно противопоставить лишь формирование ценностных установок на диалог и взаимодействие этнических и конфессиональных сообществ. Данной цели могут служить фольклорные и этнографические экспедиции, выставки, обмен музейными экспозициями, театрально-концертная деятельность, демонстрация фильмов, перевод литературы.

Факторы возникновения ксенофобии

Важную роль в появлении ксенофобии играют политические элиты. Наиболее действенной формой политических манипуля-

ций массовым сознанием оказывается, к примеру, упаковка реальных и мнимых обид и «образа врага» в этническую оболочку (6). Образ врага нередко используется для консолидации народа. В России в этом качестве нередко использовался в последние годы образ США. В 1990-е годы и в 2001–2002 годах, по данным ФОМ и ВЦИОМ, более половины россиян положительно относились к США, а отрицательно, соответственно, 13% и 20%. В 2006 году дружественной страной назвали США только 5% опрошенных. Врагом же сочли Америку 37% опрошенных. Только 22% опрошенных сочли влияние США на Россию положительным, а отрицательным — 58% (7).

В то же время, по данным исследования Левада-центра, 72% респондентов положительно оценивают экономическую систему США, тогда как китайскую — 67% респондентов, а российскую — всего лишь 30% (8).

По данным ВЦИОМ, в 2006 году 40% опрошенных назвали НАТО врагом, тогда как не согласились с этим мнением 34% (9).

Образ врага усиливает патриотические чувства и делает общество более управляемым. В условиях кризиса у людей возрастает тяга обрести чувство защищенности в составе группы, этнической, культурной или социальной. Как показывает исторический опыт, образ врага для групповой идентификации оказывается эффективнее, чем положительные образы.

Факторами распространения ксенофобии являются также степень социального расслоения в обществе, наличие в нем маргинальных элементов, государственная пропаганда национальной исключительности, появление экстремистских партий и групп, действие или бездействие власти в борьбе с проявлениями ксенофобии. Возникновению ксенофобии способствуют как культурные и психологические, так и социальные и экономические факторы.

Вот, к примеру, взятая из Интернета, пародия на негативный стереотип народов Прибалтики у русских в советское время:

«Прибалты живут в Прибалтике. Они все фашисты, по-русски не говорят. Если спросишь у прибалта, как пройти на вокзал, он делает вид, что не понимает. Или нарочно объясняет неправильно. Прибалты тихие и вежливые. У них темперамента нет. А женщины развратны. Прибалтам разрешается слушать джаз и рок. У прибалтов хорошее пиво. Они его пьют в специальных пивных барах со специальными пивными коржиками. Прибалты

любят порядок. У них всюду чистота. Когда прибалт видит, как русские бросают мусор, он начинает шипеть что-то по-прибалтийски. Прибалты очень гостеприимны. Они живут на хуторах. Там у них своё хозяйство, никто не пьёт, а по воскресеньям все ходят в костел. Со снабжением у прибалтов — не так как у нас. У них со снабжением хорошо. Молочные продукты в ассортименте, всякие сырки в шоколаде, колбаса. Прибалты все ездят на машинах по дорогам. У них дороги в отличном состоянии. В войну прибалты были против нас, а потом Сталин прибалтов всех сослал в Сибирь. Поэтому потом прибалтам разрешили слушать джаз и рок. Но все-таки иногда прибалты убегают за границу на лодках» (10).

Здесь отдельные положительные черты стереотипа призваны лишь отделить главную отрицательную черту — будто бы существующую ненависть прибалтов к русским и ко всему русскому. Даже такие положительные черты, как хорошее пиво, хорошие пивные, хорошее снабжение мясными и молочными продуктами, возможность слушать джаз должны подчеркнуть (а в пародии все черты стереотипа выступают особенно резко) то, что всё это отсутствовало в советской России. Наличие же у прибалтов всех этих благ цивилизации должно было, по логике данного стереотипа, лишь усиливать ненависть русских к прибалтам.

Чем обусловлена русофобия?

То же самое относится и к русофобии. Сам термин был произнесен в «застойные» 1980-е годы выдающимся советским математиком Игорем Шафаревичем в его широко известной одноимённой книге. До этого историки, этнологи, психологи не раз говорили о том, что XX век, вопреки всем интернационалистским ожиданиям, стал веком национализма. Глобализация истории привела к тому, что взаимная притирка народов приобрела нетерпимые и взрывоопасные формы, которым ни просвещение, ни цивилизация не могут ничего противопоставить. В этом контексте книга «Русофобия» Шафаревича не просто стала очередным манифестом антисемитизма, но и поставила в повестку дня вопрос о феномене взаимной ненависти народов в определяющем факторе российской мировой истории в XX веке (11). Шафаревич по-своему подтолкнул процесс модернизации русского национализма.

«Особость» и «порочность» русского поведенческого архетипа, принципиально отличного от западного, обосновывает и американский профессор Ричард Пайпс (12). Пайпс и Шафаревич словно сиамские близнецы, которые отлично осознают, что друг без друга существовать не могут. Их полемика не случайно ограничивается еврейской русофобией. Однако нынешние «патриоты» забывают, что объём геополитических противоречий России с германским и мусульманским мирами был куда более существенным и исторически протяжённым, чем с еврейским.

Всегда ли принимал Россию Восток? Любопытное совпадение: в 1976 году Ричард Пайпс, а также независимо от него Элен Карер'д Анкос (Франция, которую никак нельзя заподозрить в русофобии) предсказали развал СССР, но связали это с исламским фактором (13). По их мнению, внутренняя несовместимость православия и ислама в сочетании с ростом народонаселения на Востоке должны были обернуться русофобским взрывом. Правомерно тогда спросить: существует ли мусульманская (азиатская) русофобия? Столкновение Руси-России с Востоком (в отличие от взаимоотношений с иудаизмом) было изначально конфликтно и культурно. «Мягкая» аграрная колонизация восточных славян на восток была прервана «татаро-монгольским игом». Оно приучило россиян к смирению перед властью. Империя выработала своеобразный опыт сдерживания этнофобии. Этот опыт учитывал следующие моменты: завоёванные «отсталые народы» склонны воспринимать «поработителя» вовсе не как этнического врага, а как феодального сеньора. Народы, стоящие

«Газават». Островский В.И. 2000

на более высокой ступени цивилизационного развития, представляют куда большую угрозу для империи. Преодолевать их отчуждённость можно лишь путём особых привилегий их «верхам». Равновесие в империи может и должно достигаться этническим профессионализмом, т.е. включением всех народов в имперское «разделение труда» в соответствии с их хозяйственными и культурными традициями. Патернализм и веротерпимость — лучшая основа для этнофилии. Даже при этих условиях вспышки этнической розни не являются проявлением этнофобии, а лишь обычной «притиркой» народов друг к другу.

Итак, русофобия — это тот обусловленный конкретными политическими интересами и ценностными ориентациями западной элиты «негативный угол зрения», под которым ею интерпретируется российская проблематика. Безусловно, в некоторых случаях русофобия может вести к намеренному искажению образа России в зарубежных средствах массовой информации. Однако значительно более характерным её проявлением являет-

Американский плакат периода «холодной войны»

ся не прямолинейная дезинформация, а субъективная расстановка акцентов в освещении объективной реальности. Речь идёт скорее не об искажении фактов, а о тенденциозности в их отборе, когда особое внимание уделяется тем аспектам российской жизни и политики, которые в наибольшей степени согласуются с соответствующей (анти-русской) точкой зрения.

Подводя итоги, подчеркнём, что смысловая структура «языка вражды» может быть закодирована множеством способов. Эти способы выбираются как на интуитивном уровне, в соответствии с определёнными штампами, так и вполне осознанно, под пристальным контролем цензора: государственного, общественного, корпоративного. Различные исследования показывают, что агрессия, к примеру, в СМИ проявляется не только через употребление дискриминационной лексики, но и через подбор специфической тематики, провоцирующей интолерантные образы, а также через специфическое комментирование. Что касается тематики, то наибольшее количество текстов с интолерантной интенцией связано с политикой, экономикой, социальной проблематикой и спортом. Выбирая тему своего будущего выступления, журналист, к примеру, изначально стремится к такому событию, такому сюжету, который несёт в себе мощный заряд конфликта, легко обеспечивающего разделение его участников на «хороших» и «плохих». Кстати, в 1990-е годы возникла ситуация, когда, к примеру, даже Джеймсу Бонду не с кем было сражаться. Когда врагом были русские — это был, по крайней мере, достойный противник. Когда же появились какие-то маньяки, которые хотят уничтожить мир, Северная Корея, всем стало неинтересно. Правда, в последнее время Россию снова стали изображать в качестве противника Соединённых Штатов и Запада, и сразу Джеймс Бонд «заиграл», у него появились новые ресурсы, а значит, есть спрос на образ врага в лице России на Западе. По всей видимости, это мобилизует Запад, позволяет ему держаться единым строем, помогает кому-то строить политические карьеры.

Примечания:

1. Новое время. 1900. 10(22) февраля. С. 3.
2. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М., 1982. С. 7.

3. См.: Аргументы и факты. 2000. № 3 (Международное издание).
4. См.: *Кон И.С.* Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир, 1966, № 9.
5. *Янковский В.С.* Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. Цит. по: *Давидсон А.Б.* В поисках Туманного Альбиона и Туманного Петербурга // Россия и Британия. М., 2000. Вып. 2. С. 19.
6. См.: *Паин Э.А.* Традиционализм – национализм – ксенофобия // Этнопанорама. 2004. № 1. С. 11–18.
7. Россияне об Америке и об американцах. Комментарий, 11.09. 2003 г. // База данных ФОМ (<http://bd.fom.ru/report/map/articles/bavin/ra030906>).
8. Геопроект: Китай. Комментарий 21.06.2001. База данных ФОМ (http://bd.fom.ru/report/cat/count/_china/dd012232).
9. Восприятие НАТО населением России. Аналитический отчет на основе социологических исследований, проведенных по заказу Информационного бюро НАТО в РФ. М., 2006. С. 28.
10. *Лейбов Р.* Прибалты живут в Прибалтике. 2000 г., февраль (http://www.ruthenia.ru/r_lj/11-7.htm).
11. См.: *Шафаревич И.Р.* Русофобия // Соч. в трех томах. Т. 1. М., 1994.
12. См.: *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. Перевод с англ. М., 2004.
13. См.: *Анкос Карер'д Э.* Незавершённая Россия. Перевод с франц. М., 2005.

Литература к введению и теме I:

- Белова О.В.* Чужие среди своих. Славянский образ «инородца» в приметах и легендах // Родина, 2001, № 1.
- Белянин Е.Н.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
- Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976.
- Вундт В.* Проблемы психологии народов. СПб., 2001.
- Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И.* Российские СМИ. Как создаётся образ врага. М., 2008.
- Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М., 1982.
- Ефименко А.В., Шевцов В.В.* Образ чужого в европейской культурной традиции // Материалы научных конференций студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ. 1998–2001 гг. Томск, 2001.

- Кабакчи В.В.* Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб, 2001.
- Когнитивная психология. Отв. ред. Ломов Б.Ф. М., 1986.
- Кон И.С.* Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир, 1966, № 9.
- Копелев Л.З.* Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994.
- Кордуэлл М.* Психология. А-Я. Словарь-справочник. М., 2000.
- Кроз М., Ратинова Н.* Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М., 2005.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Учёные записки Тартуского университета. Вып. 414 (Труды по русской и славянской филологии). Т. 28.
- Мальцева Д.Г.* Германия: страна и язык. Лингвострановедческий словарь. М., 1998.
- Неклюдов С.Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: От народных верований к литературе. М., 1998.
- Павловская А.В.* Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 1.
- Петухов Л.* Образ чужого: Джон Буль и русская политическая сатира периода англо-бурской войны // Историк и художник, 2007, № 1 (11).
- Сахурия И.Д.* О роли религиозного фактора в формировании Образа Чужого // Современная Россия и мир: альтернативы развития, этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Трепавлов В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
- Шеремет В.И., Зеленина Л.В.* Ислам и христианская Европа. Экскурсы в развитие взаимных представлений // Вестник РАЕН. 2006. Т. 6. № 2.
- Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
- Янковский В.С.* Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983.

ТЕМА II

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ РОССИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ

Лекция 4

Киевская Русь, Московия и Российская империя

Что знали за рубежом об исторической Руси, начиная с момента первого упоминания о ней в письменных источниках и до революции 1917 года? Как изменялся образ Руси и России в зависимости от внешнеполитических обстоятельств и от внутренних процессов? Какое влияние на имидж страны оказывали контакты между россиянами и иностранцами, взаимное влияние культур, заимствование элементов западноевропейской культуры?

Когда мы говорим о восприятии России в мире, то, прежде всего, имеем в виду те её устойчивые образы, которые сложились в западном мире. В этот мир входят Европа, США, британские доминионы, Израиль. Что же касается остального мира, то там какие-то сведения о России в более или менее значительном объёме стали поступать лишь в конце XIX века. Именно к этому времени относится формирование определённого образа России в Японии и Китае. В большинстве же других стран этот образ формируется только после Второй мировой войны.

Справедливо утверждается, что как ни велики были бы усилия по формированию образа страны и сколь ни могущественны были бы организации, которые этим занимаются, всё-таки образ создается стараниями конкретных людей в головах вполне реальной целевой аудитории (1).

Первые сведения о Древней Руси

Первоначально образ Руси создавали хронисты, которые встречались с немногими представителями этого государства, посещавшими Западную Европу. Позднее пришло время западноевропейских путешественников, посещавших Русь по торго-

вым и дипломатическим делам и оставившим свои записки. А вот более или менее массовые контакты европейцев с русскими начались только в XVIII веке.

Устойчивое восприятие нашей страны стали формироваться на Западе вскоре после создания древнерусского государства. В 839 году в Бертинских анналах было отмечено прибытие в Ингельгейм к франкскому императору посольства «от народа Рос», государство которого, возглавлявшееся «каганом Росов» (титул был заимствован у хазар), располагалось где-то на пути из варяг в греки. Послы возвращались из Византии и просили пропустить их через территорию империи франков, так как прямой путь на родину им преграждали печенеги. Однако император, быстро выяснив, что послы являются шведами, т.е. теми же норманнами, перед набегами которых тогда трепетала вся Западная Европа, заподозрил в них лазутчиков и распорядился задержать (2). Так что первые ассоциации, связанные с Русью, оказались у западноевропейцев негативными.

В дальнейшем Русь стала регулярно фигурировать в западноевропейских источниках только с XI века. В ней видели соперника, прежде всего, Литва, Польша и Ливонский орден, а позднее – Швеция.

Западные европейцы также заимствовали данные о Руси из византийских источников. Например, в Западной Европе оказалась Брюссельская хроника – византийская летопись конца XIII века, где содержалось описание окончившегося неудачей похода Руси на 200 кораблях на Константинополь 18 июня 1260 года. Тогда Русь с невероятной жестокостью разгромила окрестности византийской столицы. Уже письмо от 28 сентября 865 года римского папы Николая I византийскому императору Михаилу III содержало упоминание о недавнем разграблении окрестностей Константинополя язычниками. А венецианский посол Иоанн Диакон, бывший в конце X века в Константинополе, утверждал, что кораблей было 360, и прямо называл Русь норманнами (3). В целом на Западе складывалось представление о Руси как об агрессивном и варварском народе.

Такие же представления о Руси (руссах) существовали и на арабско-персидском Востоке. В 944 году отряд русов захватил персидский город Берда на Каспии. Это событие отразилось в труде историка Ибн Мискавейха. Он писал: «Слышал я от людей, которые были свидетелями этих русов, удивительные рассказы о

храбрости их и о пренебрежительном их отношении к собранным против них мусульманам» (4). А персидский поэт Низами так запечатлел русов в поэме «Искандер-наме», созданной в начале XIII века: «Рус, жадный к битвам...пустился в море и на палубах своих судов совершил вторжение... Этот народ опустошил всю территорию Берда... Это нечто иное, как разбойники, подобные волкам и львам. Они никогда не предаются веселию пиров... Они овладевают странами и покоряют города...» (5).

До XV века Русь, довольно часто посещавшаяся купцами с Востока, была почти закрытой страной для Запада. Западные купцы и другие путешественники попадали в Московию по большей части случайно и с риском для жизни. Большинство русских княжеств не представляло торгового интереса для европейцев в XI–XIII веках, а потом они оказались под властью враждебных Европе монголов. Исключением были довольно тесные торговые связи Великого Новгорода с городами и государствами Севера Европы, но они по большей части относились уже к XIV–XV векам.

При формировании европейского взгляда на Россию больше внимания уделялось тем чертам, которые отличали её от Европы. А таких черт было немало. В сравнении с Европой и Азией Россия не знала долгой и изощрённой культурной традиции. У нас отсутствуют сопоставимые с ними накопления овеществлённого труда. Сравните, к примеру, Нотр-Дам с Кижами. Сравните церковно-монастырскую интеллектуальную и даже ремесленно-художественную продукцию средневековой России и средневековой Европы. Российское православие – религия без теологии, сплошная литургия. Отсутствуют сильные коллективные или корпоративные агентуры – города, автономная церковь, цеха, сословия. Нет ничего, кроме институтов насилия самого простого типа – военно-покорительных княжеских дружин, воспроизводящих по мере их стабилизации (по большей части краткой) порядки патриархальной «большой семьи» (6).

Россия рядом с остальной Европой к концу XVII века почти то же самое, что варварская кельто-германская Европа рядом с Римом в эпоху его расцвета.

Различие Европы и России осознавалось и подчеркивалось на Западе на протяжении веков. Зарубежные наблюдатели, обращавшиеся к изучению российской истории, нередко были носи-

Карта Московии Антония Дженкинсона, 1562 г.

«Описание России, Московии и Татарии»

Слева сверху портрет царя Ивана Грозного и надпись:

«Иоанн Василий Великий, император России, герцог Московский»

телями принципиально иных цивилизационных ценностей, иных традиций и подходов к интеллектуальной деятельности. А от них, оставивших записки о своём путешествии на Русь, черпала сведения о России широкая общественность (7).

К примеру, в хронике поляка Яна Длугоша (создана около 1480 года) немало внимания уделяется истории русских земель, которая излагается главным образом по данным русских летописей. Но в этой хронике происходящее на Руси ставится в польский контекст. Длугош предложил новое толкование этнонима Русь, возводя его от прародителя Руса, который, в свою очередь, был потомком прародителя поляков Леха. Киев, по мнению Длугоша, был основан «польским языческим князем Кием. Упоминаемых Нестором полян, живших в районе Киева, хронист считал одним народом с польскими полянами (8). Одна из задач Длугоша состояла в том, чтобы дать историческое обоснование присоединения древнерусских земель к Польскому королевству. Этот акт восстанавливал древнюю связь между отдельными частями некогда единого народа.

И в дальнейшем отношение к России и русским в большой степени зависело от политической конъюнктуры. В случае если Московская Русь или Российская империя были союзниками того или иного западноевропейского государства, например, в войне против Наполеона, образ России и русских в общественном мнении очищался от негативных черт. В период же противостояния, например, в годы Крымской войны, наоборот, приобретал резко негативные, даже карикатурные черты.

Образ России, как и любой другой страны, никогда не был однородным и общим. Даже при общем негативном восприятии России в те или иные эпохи находились влиятельные люди, которые относились к России или нейтрально, или вполне положительно. К примеру, можно заметить, что в высказываниях автора «Хроники всего света» польского историка XVI века Вельского нет никакой вражды и неприязни к России и, наоборот, нередко проявляется симпатия к ней (9). Вельский сознательно смягчал слишком резкие отзывы и оценки России, взятых из трудов предшественников.

В рамках национальных историографий, вплоть до XVI века включительно, о других народах писали только в связи с историей своего собственного народа. Настоящий интерес к Руси в Европе возник только после падения Византии. В Москве, собиравшей вокруг себя восточнославянские земли, увидели потенциального союзника против растущей турецкой экспансии. Великий князь Иван III женился на проживавшей в Италии визан-

тийской принцессе Софье Палеолог, с которой приехало в Московскую Русь немало итальянцев и греков.

В связи с Ливонской войной в Польше, Швеции и других европейских странах возник острый и устойчивый интерес к Московской Руси, впервые попытавшейся вмешаться в большую европейскую политику и получить обширный выход к Балтийскому морю. Польша с конца XVI века стала главным ретранслятором образов России на другие страны Западной Европы. Польша служила теми воротами, через которые чаще всего западное влияние достигало России. Польские историки действительно привлекли внимание к истории русских земель, значительная часть которых оказалась в составе Речи Посполитой (10).

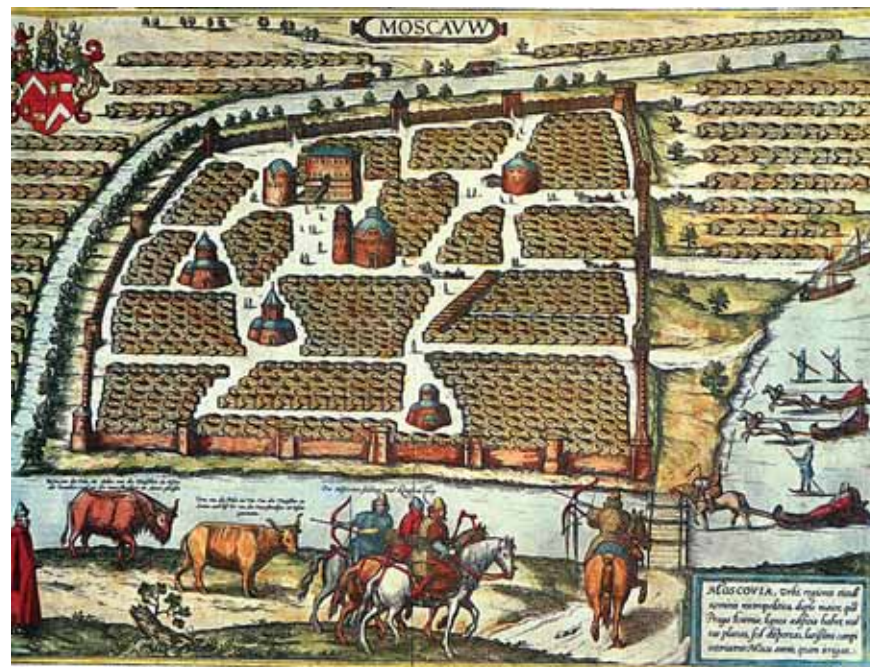
Первый русский историк В.Н. Татищев приписывал внимание польских историков к западным русским землям «коварству» поляков, будто бы стремившихся тем самым отделить «москвитов» (жителей Московской Руси) от «русских» (православного населения Литвы и Польши) (11). Это противопоставление остаётся актуальным вплоть до настоящего времени. Сейчас на древнерусское наследие в равной мере претендуют Россия и Украина. Причём каждое из государств не без оснований считает себя наследницей Киевской Руси. Многие историки и публицисты России и Украины искусственно удревляют возраст своих народов, называя население Киевской Руси соответственно русскими и украинцами. На самом же деле речь идёт об отдельном древнерусском этносе, сложившемся в XI веке, после того, как Русь приняла от Византии православие. Потомками этого этноса являются русские, украинцы и белорусы.

Рубеж XVI—XVII веков был тем переломным моментом, когда Западная Европа внезапно увидела на своих восточных окраинах вместо порабождённой татарами страны «быстро возмужавшую огромную империю во главе с Москвой» (12). По-настоящему же Европа познакомилась с Россией в эпоху Петра I, который в конце XVII века первым из российских самодержцев совершил большое европейское путешествие. В более или менее массовом количестве русские, представлявшие почти исключительно имущие классы населения, дворянство и крупное купечество, стали попадать в Европу уже при премирниках Петра.

О происхождении Руси

В европейской мысли большое внимание уделялось происхождению этнонимов «Русь» и «русские». Тем самым политики, историки и литераторы стремились определить происхождение народа. Так, обращаясь к происхождению названия «Руссия», посол австрийского императора Сигизмунд Герберштейн в начале XVI века писал: «Одни утверждают, будто она получила имя от некоего Русса (Russus), брата или внука Леха, князя польского, который якобы был и князем Руссов; по мнению же других, её имя происходит от одного очень древнего города, по имени Русс (Russum), недалеко от Новгорода Великого». Однако большинство полагает, что «Руссия получила название чрез изменение имени, от Роксолании. Но Московиты отвергают мнения лиц, утверждающих это, как несогласное с истиною, полагая, что их страна издревле называлась Россейя, как народ рассеянный или разбросанный; на это указывает и самое имя её». И далее Герберштейн со всей определённости подчёркивал: «В самом деле, Россейя на языке русских значит разбросанность или рассеяние, что истинно, об этом с очевидностью свидетельствуют разные народы, и доселе ещё перемешанные с жителями её, и различные области, повсюду смешанные друг с другом и взаимно пересекаемые. Далее, читавшим Св. Писание известно, что словом “разбросанность” пользуются даже и пророки, когда они говорят о рассеянии народов. Всё же находятся люди, которые почти на таком же основании выводят имя Руссов от Греческого и даже от Халдейского корня, именно от течения, по гречески “роус”; или, так сказать, от распыскивания по каплям, по-арамейски Resissaia или Ressaia» (13).

Руссия для Герберштейна была совокупностью всех древних восточнославянских земель, только в процессе исторического развития разделённых политическими границами. «Из государей, которые ныне повелевают Руссией, — подчеркивал он, — первый великий князь Московский, владеющий большей её частью, второй — великий князь Литовский, третий — король Польский, который ныне властвует и над Литвой» (14). Так австрийский посол прокомментировал раздел в XIV веке между Великим княжеством Литовским и Польским королевством западных земель Киевской Руси.

План Москвы Сигизмунда Герберштейна. II том издания «Города земного мира». Кёльн, 1588–1592

В этих же записках Герберштейна есть рассказы о живущих на севере Руси «людях с пёсыми головами», о «четвероруких людях», о «людях, умирающих на зиму и воскресающих весной». Последние мифологические примеры можно объяснить хотя бы тем, что Герберштейн ехал от Смоленска до Москвы три недели и встретил за это время только две несожжённые деревни, а количество трупов, валявшихся вдоль дороги, к концу путешествия уже перестало удивлять посла. Австрийский посол обратил внимание и на то, что в летописных известиях утверждается, что варяги жили где-то за морем, без указания, где именно. Сам он, будучи в Москве, безуспешно пытался получить ответ на этот вопрос. Исходя из того, что в древности Балтийское море именовалось также Варяжским, Герберштейн допускал, что Рюрик с братьями и дружиной могли выйти из Швеции, Дании или Пруссии.

Им была выдвинута и другая гипотеза, согласно которой Рюрик с братьями вышли из граничившей с Любеком Вагрии, которая якобы была населена вандалами, которые употребляли, по его представлениям, русский язык и имели русские обычаи и религию. То, что в действительности Герберштейн имел в виду вагров-славян, следует из его пояснения об употреблении ими «русского» (славянского) языка. Гипотеза Герберштейна повлияла на многих немецких и польских историков. Тогда же, в XVI веке, она была воспринята польским историком Стрыйковским, который считал вероятным, что на Руси «по причине общих границ» правили либо шведские, либо датские, либо прусские князья.

В XVII веке территория Московской Руси значительно возросла, прежде всего, за счёт включения Левобережной Украины — «Малой Руси». На Западе это усиливало право Московии быть «Руссией», «страной русов» (Russland) и правопреемницей Киевской Руси. Так, в 1695 году во втором издании трактата Людвига «Новая архонтология» к этой характеристике добавлен список «московских царей» от Рюрика, Игоря и Святослава до Петра I и его старшего брата Ивана V. Однако лишь к концу царствования Петра Россия стала частью системы европейских государств

и заняла место разгромленной в Северной войне Швеции среди великих держав.

В отношении Московского государства стали употребляться главным образом этнонимы «Россия» и «русские». Официальное употребление дипломатами и писателями наименований «Московия», «Московское государство» становилось всё более анахроничным, и российские власти требовали, чтобы их страну называли Россией. Так, в 1713 году А.Д. Меншиков требовал от русского посланника в Дании В. Долгорукова: «Во всех курантах печатают государство наше Московским, а не Российским, и того

Рюрик. Великий князь Новгородский в 862–879. Царский титулярник. XVII век

ради извольте у себя сие престеречь, чтоб печатали Российским, о чём и к прочим ко всем дворам писано» (15).

В 1742 году в «Лексиконе» Цедлера можно было прочитать о том, что «Россия (Russland, Rusland, Russia), или Москва, Московия (Moscau, Moscovia)» была названа крупнейшим государством Европы. В словаре «Русы или Росы» (Russi oder Rhossi) характеризовались как «могущественный сарматский народ, который выступил уже в IX веке и своими нападениями доставлял немало хлопот восточным императорам». После рассказов о походах русов/росов на Константинополь в статье отмечалось, что «этот народ подчинил себе большое количество других народов», хотя упоминания о нём до IX века отсутствуют (16). К тому времени Российская империя играла уже важную роль в системе европейских держав, с её влиянием считались, стремились узнать об этой стране как можно больше. Тем более что русская армия вскоре грозно заявила о себе на полях сражений Семилетней войны.

Польские, немецкие и другие западноевропейские историки-создатели образа нашей страны выделяли две Руси — Московскую и Польско-литовскую. Во «второй России», входившей по большей части в Великое княжество Литовское, русы, или православное восточнославянское население — прямые наследники Киевской Руси — составляли в середине XV века не менее 40% жителей княжества. Западнорусский (или старобелорусский) язык сохранял здесь статус государственного до исхода XVII века, когда был заменён польским. На протяжении XVII–XVIII веков практически вся «вторая Русь», за исключением Галиции, оказалась включена в состав Российской империи.

Можно выделить несколько этапов в истории «русской темы» в европейской историографии. Первый этап был связан с эпохой Киевской Руси, второй этап совпал с эпохой феодальной раздробленности Руси и татарской неволи, третий этап пришёлся на период формирования централизованного русского государства и русского самодержавия в XVI веке (17). Запад искал контактов с Россией в связи с перемещением торговых путей, возникновением турецкой угрозы, обострением межконфессионального противостояния в связи с Реформацией, и в процессе сближения формировался особый взгляд на русскую историю, существенно отличавшийся от исторических представлений восточнославянских интеллектуалов.

В свою очередь, немецкие историки, прибывшие в Россию в начале XVIII века, дали первую научную теорию происхождения древнерусского государства, с применением приёмов исторической критики. Эта теория, излагавшаяся в сочинениях на немецком и латинском языках, вскоре стала популярна в Европе.

Норманнская теория и споры вокруг неё

Норманнская теория импонировала европейцам потому, что утверждала тесную связь правящей на Руси династии с Европой. Г.Ф. Миллер, начав издавать в 1732 году «Sammlung russischer Geschichte», поместил там извлечения из списка Радзивилловской летописи, содержащей Повесть временных лет, предварив их небольшим вступлением. Там он, упомянув варягов, пояснил, что не считает это имя собственным. Не соглашаясь с теми, кто возводил его к древне-готскому Warg-Wolf (волк), Миллер настаивал, что варягами в IX–X веках именовали норманнов, «которые, возможно, так называли себя при первом прибытии на русский берег и, тем самым, дали повод тому, что в дальнейшем это слово, из-за незнания северного языка, рассматривалось как имя собственное» (18). В варягах он видел, прежде всего, выходцев из норвежского королевства, что подтверждается, по его мнению, обширными связями Руси с Норвегией в последующие столетия. Об этом много говорит Снорри Стурлусон (XIII век). В примечании к тексту летописи Миллер указал, что на Русь были приглашены три брата «варяжской национальности» — Рюрик, Синеус, Трувор. На самом деле норманнская теория в своей основе родилась ещё в XVII веке в Швеции, но общеевропейское распространение она получила только после трудов Миллера, Байера и Шлёцера, перенесших её на русскую почву. Из России она распространилась по всему миру.

В 1844 году немецкий историк, работавший в России, А.А. Куник, вновь приведший в пользу норманнской теории целый ряд лингвистических данных, а также новых фактов из истории славянских и северных древностей, назвал «первым норманистом» шведа Петра Петрея де Ерлезунда. Его книга «История о великом княжестве Московском» в 1614–1615 годах вышла в Стокгольме. В 1620 году она была переиздана в Лейпциге, но широкой известности в Европе не получила. Петрей первым утверждал, «что варяги вышли из Швеции...» (19).

Зарождение норманизма в шведской историографии XVII века было вызвано антирусской направленностью внешней политики Швеции того времени, претендовавшей на политическое господство в балтийском Поморье. Ещё в 1580 году в Стокгольме была разработана «Великая восточная программа», направленная на то, чтобы поставить «всю русскую внешнюю торговлю» под свой контроль. По словам Куника, в период времени, начиная со второй половины XVII столетия до 1734 года, шведы постепенно открыли и определили все главные источники, служившие до XIX века основой учения о норманнском происхождении варягов-руси. Именно они отождествили летописных варягов с византийскими «варангами» и «верингами» исландских саг, а слово «варяг» выводили из древнескандинавского языка. Скандинавскими также полагали имена первых русских князей. Указали они и на якобы существующую лингвистическую связь между именем «Русь» и названием части береговой полосы шведской области Упланда Roslagen, что напротив Финского залива. Искали и основу финского наименования шведов ruotsalainen в словах ro — «грести» и rodher — «гребец» (20).

Г.З. Байер ввёл в научный оборот Бертинские анналы и укрепил своим авторитетом крупного европейского ученого норманнскую теорию в русской науке. Он выдвинул тезис о том, что русские не умели создать даже своего государства, им его создали варяги — предки тех самых шведов, победой над которыми так кичатся русские. Байер писал, что варяги русских летописей были люди благородного происхождения из Скандинавии и Дании, которые служили на жалованье у русских, были их сподвижниками в войне, «сопроводителями их царей, сберегателями их границ», и что по ним русские называют варягами всех вообще шведов, норвежцев и датчан (21). Байер справедливо отрицал легендарную родословную русских царей, в допетровские времена возводившуюся к римскому императору Августу. Именно Байер первым начал высвобождение древнейшей русской истории из тумана начал.

Значительную роль в восприятии России на Западе сыграл другой немецкий историк А.Л. Шлёцер, многие годы проработавший в российских архивах. По его мнению, вне цивилизации осталась огромная территория, которую должны освоить славяне. Однако последние находились в состоянии своеобразной «спячки», пока их не «разбудили» норманны, сыгравшие в «тре-

твей волне цивилизации» роль катализатора. Норманны сами не имели высокой культуры, культурный импульс шёл из Царьграда через Древнюю Русь. Согласно Шлёцеру, возникновение в России монархии являлось классическим примером общественного договора. В «Изображении русской истории» Шлёцер дал следующую периодизацию русской истории:

- «Россия рождающаяся» — период от «призвания варягов» до смерти князя Владимира (862–1015);
- «Россия разделённая» — от смерти Владимира до установления ордынского ига (1015–1216);
- «Россия утеснённая» — от установления ордынского ига до Ивана III (1216–1462);
- «Россия победоносная» — от Ивана III до Петра I (1462–1725);
- «Россия цветущая» — с 1725 года (22).

Эта периодизация русской истории впоследствии закрепились в западноевропейской историографии.

Некоторые норманисты (в частности, Миллер) в дальнейшем отказались по политическим причинам от мысли о норманском происхождении Рюрика. По этому поводу Шлёцер заметил, что «обстоятельства... преобразили историю в политическую науку: почему и должно было часто приравниваться к политическим, хотя и бесполезным видам» (23). Действительно, антинорманизм в России всегда имел только политическое, а не научное значение, будучи со времён Ломоносова основой провозглаждающегося российского патриотизма.

Новые аспекты русской темы

В отличие от немецких коллег, историки-французы, писавшие о России, не ставили задачи беспристрастного и квалифицированного изложения материала. Вольтер ввёл термин «философия истории». По просьбе императрицы Елизаветы он согласился написать «Историю царствования Императора Петра Великого». Она была издана только в 1810 году Вольтер, конечно, не знал России и основывался только на документах, которые готовили для него Миллер, Ломоносов и другие историки. Шлёцер отмечал, что в книгу проникло «бесчисленное множество неверно описанных бессмертным поэтом происшествий», поскольку «по собственному Вольтеру признанию, известно, что ему не хотелось рыться в кипах получаемых им бумаг, почему, не

рассматривая, отдал их в Публичную библиотеку». Первым и весьма язвительным рецензентом Вольтеровой рукописи стал М.В. Ломоносов.

Ещё более негативную реакцию вызвали сочинения Ж. Кастера, П.-Ш. Левека, Н.-Г. Леклерка, Г. Сенака де Мельяна, К.-Л. Рюльера и других французских авторов, писавших об истории России XVIII века. Почти все эти сочинения были запрещены в России по политическим причинам.

В Англии Россию вплоть до XVIII века знали, главным образом, из трудов путешественников, а не историков. Поскольку в XVIII и первой половине XIX века Соединённое Королевство было самой развитой из западноевропейских стран в экономическом и политическом отношении, то российское влияние на эту страну оказалось минимальным. Торговые контакты были ограниченными, а отдыхать русская знать предпочитала во Франции и Германии. Среди русского дворянства в первой половине XVIII века преобладал немецкий язык. Правда, во второй половине века он был вытеснен французским. Английский же язык стал более или менее распространяться в России лишь с конца XIX века, но в гимназиях до 1917 года его так и не начали преподавать.

Неудивительно, что заимствований из русского в английском языке сравнительно немного — всего 67 слов. Наиболее распространёнными и используемыми в отрыве от русской истории и российских реалий оказываются такие слова, как *tsar*, *rogrom*, *apparatchik* и *intelligentsia*. Такой объём меньше, чем заимствования из японского, иврита, греческого или арабского, хотя немного превышает заимствования из португальского. Эта картина примерно отражает реальное экономическое, да и культурное значение России для Англии вплоть до середины XIX века.

Россия, официально открытая для Англии только в середине XVI века, то есть почти одновременно с открытием Америки, была страной, относящейся в географических представлениях англичан к категории суровых и северных. Экспедиция Ричарда Ченслора, благодаря которой началась торговля с Московской Русью, предпринималась как крайне опасное путешествие к замерзающим морям. Его назначением было преодоление английского торгового кризиса за счёт завоевания новых северных рынков. Записки Ченслора стали первым материалом для описания русских англичанами и, соответственно, для оформления базовых региональных мифов.

Ченслор делал упор на северную суровость Московии и московитов: «Я думаю, что под солнцем нет людей, способных к такой суровой жизни, какую ведут русские, — повторяет он несколько раз на протяжении своей книги. — Русские по природе способны к суровой жизни, как в путешествиях, так и на месте» (24). Обратил он внимание и на уникальные особенности собственности и власти. Даже при первом контакте, демонстрируя гостеприимство, русские, по свидетельству Ченслора, не могли обойтись без высочайшего дозволения: «Они добровольно предлагали новоприезжим гостям съестные припасы и не отказались бы от торговых сношений, если бы не чувствовали себя связанными религиозно соблюдаемым обычаем не покупать иностранных товаров без ведома и согласия своего короля». Ченслор с удивлением заключал: «В этой стране нет собственников». У крестьян ничего нет, все во власти Бога и Князя, тогда как англичане привыкли говорить: «Это во власти Бога и моей». Ценность свободы, как подчеркивал Ченслор, русские воспринимают иначе: «Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на свободе, если бы только там не было сильного битья. В тюрьме они получают пищу и питьё без работы, равно как и милостыню от благорасположенного к ним народа. На свободе же они ничего не получают» (25).

Англичанин обратил внимание на русскую плутоватость, оправдывая её крайне жестоким обращением с заключёнными: «Этот народ по природе склонен к обману, только сильное битьё обуздывает его». Отметил он и специфику русского отдыха: «Думаю, что нигде не бывает большего пьянства» (26).

Ченслор писал о Руси как о стране огромной, несметно богатой продуктами, людьми, товарами, могущественной в военном и государственном отношении. При этом условия жизни характеризовались им как нищета, бесправие и рабство. В то же время московитов английский путешественник описывал как сильных, бесстрашных, но покорных власти. Нигде прежде он не видел такого контраста роскоши и нищеты.

Те же образы, с особым упором на беспробудное пьянство, развивались и сэром Джеромом Горсеем, который прожил на Руси почти два десятилетия с 1573 по 1591 год. Этот предприимчивый купец составил первый русско-английский словарь. Русский язык он охарактеризовал как необычайно красивый, благозвучный и богатый. А вот у русских как народа он отметил типично варварские черты: урюмость, грубость нравов и одежды (27).

Литовченко А.Д. Иван Грозный и посол Горсей

Путешественник и географ Адам Олеарий в XVII веке беспристрастно записывал, что русские не знают свободы, зато хотят полной воли, но *svoboda* — это *libertas*, а *volia* — совсем не то же самое, что *voluntas*. Неудивительно, что ещё в начале XVIII века англичанин Ричардсон называл русских вслед за Олеарием «бородатыми детьми» (28).

По результатам Петровских реформ Россия радикально изменила свой образ в глазах западной цивилизации. Блестящие военные победы, статус морской державы, бурный промышленный рост, реформа всех институтов власти — вот далеко не полный перечень преобразований, сформировавших, в конечном счёте, имидж Российской империи, государства, без которого в дальнейшем была уже немыслима мировая политика.

С петровских времён резко возросло число иностранцев, посещавших Россию. Сотни и тысячи их оставались у нас на службе на длительное время. В европейских странах в то время бурно развивалось книгопечатание, быстро росла грамотность населения. Образ России теперь распространялся на гораздо более широкие круги европейского населения. Как правило, иностранные путешественники не знали русского языка, и сведения о

Нижний Новгород. Гравюра из книги Адама Олеария

России получали от представителей русской элиты, владеющей иностранными языками.

Характерно, что западные путешественники обращали внимание на архаичные обычаи и черты быта, которые в Западной Европе представлялись уже экзотикой.

В конце XVIII – первой половине XIX века в Западной Европе вышло несколько этнографических описаний России, с иллюстрациями, изображавшими представителей различных народов, населявших империю. Здесь можно назвать книгу «Россия, или Нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи» Жана Батиста Бретона, «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обык-

новений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» немецкого натуралиста и путешественника, академика Петербургской академии наук Иоганна Готлиба Георги, «Этнографическое описание народов России» немецкого учёного Густава-Теодора Паули и «Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи» Карла Рехберга.

Авторы этих книг подолгу жили в России, достаточно много путешествовали по империи и хорошо знали, что жизнь в провинции существенно отличается от той, которую можно наблюдать в Москве и Петербурге. Благодаря этим трудам, к середине XIX века в Европе утвердилось представление о России как о многонациональном государстве, населённом, в том числе, и азиатскими народами. Однако стереотип России по-прежнему относился только к русским как к титульной нации.

Французский журналист Жан Батист Жозеф де ла Мартиньер, известный под псевдонимом Бретон, писал о России в первой четверти XIX века, выделял два основных предмета русской культуры – водку и топор. Он утверждал: «Русские – люди с самым крепким в мире здоровьем. Если бы не их пагубное пристрастие к водке, они жили бы так же долго, как библейские патриархи». По мнению де ла Мартиньера, «топор – это любимый инструмент русских». Он слышал рассказы, будто русские способны выполнить топором самые тонкие столярные работы, и заключал: «Если бы крестьяне вдруг научились писать, то наверняка чинили бы перья топорами». Французский журналист

«Внешность у казака очень воинственная. Суровый взгляд, сдвинутые брови, густые усы, годная осанка и величественная поступь – все это придает ему крайне внушительный вид. В бое казаки отличаются исключительной свирепостью и жестокостью. На картине изображен казак, убивающий турка» (том 3, стр. 164).

Казак, убивающий турка.
Рисунок из книги Бретона

обратил внимание и на русские бани, полагая, что «из-за частых парных бань дворяне и богатые люди подвержены множеству болезней, которые укорачивают их жизнь» (29). Писавший в одно время с де ла Мартиньером баварский посланник в России Карл Рехберг, наоборот, особенно восхищался русской баней, которую, со ссылкой на летопись Нестора («Повесть временных лет») он назвал «древнейшим русским обычаем». Рехберг утверждал: «Русские часто проводят в банях больше двух часов, по-

вторяя помногу раз одни и те же действия. Многие натираются луком, чтобы лучше потеть...» (30).

В 1829 году в Петербург приехал в роли военного наблюдателя в связи с начавшейся русско-турецкой войной англичанин Джеймс Александер. Знакомство с российской действительностью, личные впечатления нашли отражение в записках Александера, которые английский путешественник вёл в Петербурге, Москве, Крыму и Болгарии. Он решил опубликовать их, чтобы убедить читателей в том, что представления о России большинства иностранцев, и в том числе англичан, превратны. Отсюда авторская ирония по поводу тех

Рисунок из книги Рехберга

путешественников, которые едут в чужую страну с предвзятыми взглядами, не желая соотносить свои привычки с законами и обычаями другого народа. Александер отделяет себя от авторов, которые не видят в России ничего хорошего и «находят удовольствие в том, чтобы жаловаться на отсутствие удобств (хотя им лучше бы сидеть дома, чем отправляться за границу, глядя на неё сквозь очки предубеждения)...».

Обращая внимание на достопримечательности, которые необходимо увидеть каждому приезжему иностранцу, Александер советует своим соотечественникам не упускать из вида разитель-

ное несходство политической системы Великобритании и России. «Англичане, путешествующие по Европе, — наставляет он, — должны остерегаться, выказывая свои чувства по поводу тех общественных устоев, с которыми им приходится встречаться» (31). В рассказе Александера чувствуется личное отношение к описываемым событиям. Передавая утверждение персов о «не тактичном поведении русских», автор не снимает вины с персов и обращает внимание на то, что «русские не подозревали, насколько озлоблены против них персы», испытавшие «унизительные военные поражения». Кроме того, по собственному опыту Александер знал, что «с восточными людьми вообще очень трудно иметь дело».

Александеру, первому из англичан, принадлежит упоминание о личных встречах с А.С. Пушкиным. По словам автора, он «часто встречался с поэтами Жуковским и Пушкиным». Эти встречи могут относиться к зиме 1830 года. Пушкин и Александер могли встречаться в доме австрийского посла в Петербурге К.-Л. Фикельмона, где бывал английский посол лорд Хейтесбери (его гостем являлся Александер). Кроме того, у Пушкина и Александера имелся общий знакомый — Джордж Уиллок, которого Пушкин знал по Пятигорску, а Александер — по Персии.

То небольшое время, что Александер провел в столице, не позволило ему основательно ознакомиться с произведениями современных писателей. Можно предположить, что он прочёл несколько стихотворений Пушкина («Пушкину прекрасно удаётся перевод энергичных строф лорда Байрона, — пишет английский офицер, — а многие из собственных стихотворений русского поэта носят сатирический оттенок»). Несколько лестных слов Александер посвятил стихам и переводам Жуковского, сожалея, что европейцы плохо знакомы с замечательной русской литературой. Можно отметить, что Александер был знатоком и любителем мировой поэзии. В книге он постоянно цитирует античных, европейских и восточных поэтов. В своих записках английский путешественник подчеркивает приязнь к русским, они для него «великая нация» (32).

Разоблачительная сила книги

А вот французский путешественник маркиз Астольф де Кюстин, известный как автор самой знаменитой книги о России, считал по-другому. Маркиза пригласили, чтобы «пропиарить имидж»

Астольф де Кюстин

России на Западе. Но он ответил «чёрной неблагодарностью». В своем сочинении «Россия в 1839 году» автор признавался:

«Страна эта так устроена, что ни один иностранец не может разъезжать по ней не только беспрепятственно, но даже просто безопасно без прямого вмешательства представителей власти. Надеюсь, вы узнаете восточные нравы и восточную политику, что скрываются здесь под маской европейской воспитанности. Союз Запада и Востока, с последствиями которого сталкиваешься на каждом шагу — отличительная черта русской империи. Недоцивилизация везде создает формальности; цивилизация

утонченная уничтожает их; это как высшая учтивость, которой чужда всякая натянутость. Русские до сих пор верят в действительность лжи; и мне странно видеть это заблуждение у людей, столько раз к ней прибегавших... Не то чтобы их ум был недостаточно тонок или проницателен; но в стране, где власть до сих пор не поняла преимуществ свободы даже для себя самой, люди подвластные поневоле пугаются ближайших последствий искренности, создающей иной раз некоторые неудобства. Не могу не твердить каждую минуту: всё здесь, и народ, и сильные мира сего, вызывают в памяти византийцев» (33).

Маркиз писал: «Если мерить величие цели количеством жертв, то нации этой, бесспорно, нельзя не предсказать господства над всем миром». Он же полагал, что «русский народ безмерно ловок: ведь эта людская раса... оказалась вытолкнута к самому полюсу... Тот, кто сумел бы глубже проникнуть в промыслы Провидения, возможно, пришёл бы к выводу, что война со стихиями есть суровое испытание, которому Господь пожелал подвергнуть эту нацию-избранницу, дабы однажды вознести её над многими иными». По мнению де Кюстина, в России наблюдается «ужасающее соединение европейского ума и науки с духом Азии...».

И здесь же восторженный панегирик Петербургу: «Невозможно без восторга созерцать этот город, возникший из моря по приказу человека и живущий в постоянной борьбе со льдами и водой... даже тот, кто не восхищается им, его боится — а от страха недалеко до уважения». Рабами в России являются не только простолюдины, но и сановные аристократы: «Увидев русских царедворцев при исполнении обязанностей, я тотчас поразился необычайной покорности, с какой они исполняют свою роль; они — своего рода сановные рабы. Но стоит монарху удалиться, как к ним возвращаются непринужденность жестов, уверенность манер, развязность тона, неприятно контрастирующие с полным самоотречением, какое они выказывали мгновение назад; одним словом, в поведении всей свиты цесаревича, как господ, так и слуг, видны привычки челяди». При этом жестокость власти не только не осуждается, но даже приветствуется: «Миллионы, которые стоил Версаль, прокормили столько же семей французских рабочих, сколько 12 месяцев постройки Зимнего дворца убили русских рабов. Но благодаря этой гекатомбе слово царя совершило чудо, дворец был, к общему удовольствию, восстановлен в срок, и освящение его ознаменовано было свадебным празднеством. Царь в России, видно, может быть любимым, если он и не слишком шадит жизнь своих подданных». Прочитав эту книгу, Николай I воскликнул: «Каков подлец! Добро бы он разоблачал одного меня. Но он издевается над моим народом!» (34).

Русский революционный публицист Александр Герцен назвал сочинение де Кюстина самой занимательной и умной книгой, написанной о России иностранцем, хотя признал, что француз смешал Россию с правительством (35). Недаром царское правительство постаралось организовать целую антикюстиновскую кампанию в Европе. Российский министр просвещения граф Сергей Уваров писал: «В Париже, где при соблюдении некоторых предосторожностей всё покупается и при наличии определённой ловкости всё продается, следует найти знаменитость, писателя с репутацией, который не принадлежит ни к крайне правым, ни к крайне левым; писателя серьёзного, обладающего авторитетом в сферах политической и литературной. Надлежит связаться с ним напрямую и не только начертать ему план сочинения, но (и это главное) предоставить ему все необходимые материалы» (36).

К этой кампании даже думали привлечь Оноре де Бальзака, но потерпели неудачу. Никакого влияния на западное общественное мнение оказать не удалось. Де Кюстин же после посещения России из убеждённого консерватора, противника представительного правления, превратился в столь же убеждённого либерала. Он первым ввёл в оборот выражение «потёмкинские деревни», прижившееся потом и в России, и на Западе. Маркиз утверждал: «Россия — империя каталогов: если пробежать глазами одни заголовки — всё покажется прекрасным. Но берегитесь заглянуть дальше названий глав... Да и вся нация, в сущности, не что иное, как афиша, расклеенная по Европе, обманутой дипломатической фикцией» (37).

Россия и Великобритания. Английская карикатура второй половины XIX века

Стереотипной чертой российского образа на Западе со времён де Кюстина остается сочетание не сочетаемого. С тех пор на Западе стало традиционным одновременно восхищаться Россией и бояться её. Этот страх уменьшился после поражения Российской империи в Крымской войне, вновь возрос после того, как в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 годов русские войска приблизились к Константинополю, но ослаб после поражения России в войне с Японией. Тогда многие европейские публицисты увидели в России барьер против новой «жёлтой опасности», а австрийский поэт Рудольф Грейнциц написал песню о крейсере «Варяг», героически сражавшимся с желтолицыми чертями. Русский перевод этой песни остается очень популярным в России.

Позднее русофобия на Западе оказалась связана со стремлением к экспорту революции. Западные наблюдатели всё более убеждались, что в России бескрайние просторы и природные богатства в виде пашен, лесов, имущества знати контрастируют с

такой нищетой народа, которой не найти ни в Польше, ни в Германии, ни в Англии, ни во Франции.

Поражало европейцев отсутствие у большинства русских имущества и гораздо меньшее, чем у европейцев, стремление сберечь собственную жизнь. Непредсказуемость, нестабильность, иррациональность, неспособность к самоконтролю, умеренность во всём многими на Западе рассматриваются как наиболее характерные русские черты. Доброта и милосердие русских и те вызывают опасения. Ведь даже с самыми благими намерениями Россия может задушить в своих «медвежьих объятиях». Немудрено, что идея необходимости контроля над Россией подобно тому, как каждой женщине якобы необходим контроль со стороны мужчины, со времен Шпенглера представляется Западу вполне разумной и естественной.

В периоды либеральных реформ российское общество (особенно в лице своей интеллектуальной и культурной элиты), равно как и российское государство ощущали свою тесную связь с европейской культурой, с Западом. На Западе же «русофилы» рассматривали такие периоды как возвращение России на широкую дорогу европейского развития, с которой она часто сходила под влиянием Востока — татаро-монгольского наследия своей государственности. А вот западные «русофобы», напротив, органическим для развития России считали те периоды, когда в стране господствовали режимы, сходные с восточными деспотиями. Среди российской интеллигенции, равно как и среди политической и экономической элиты, всегда было сильно ощущение принадлежности к «цивилизованному миру», к развитым странам, которые отождествлялись с Западом. В годы либеральных реформ они верили, что Россия — это страна, которая вот-вот станет полноправной частью западной цивилизации. На Западе в такие периоды Россия воспринималась как страна, отставшая от ведущих стран Запада и теперь стремящаяся наверстать упущенное. В это время она обычно не рассматривалась в качестве угрозы западному миру.

Такая ситуация складывалась в период «дней Александровых прекрасного начала», когда Александр I тяготел к либеральным реформам, так и не осуществлённым, и возвышал М.М. Сперанского. Так было и в период реформ Александра II. Тогда угрозу для себя Запад почувствовал только после победоносной для России русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Так было во

80

время экономических реформ С.Ю. Витте и издания написанного им же Октябрьского манифеста. Так было и тогда, когда, подавив Первую русскую революцию, П.А. Столыпин начал осуществлять аграрную реформу, призванную создать класс крестьян-собственников. На Западе очень надеялись, что такая политика предотвратит новую революцию и даст толчок развитию рыночной экономики, сделав Россию привлекательной для промышленных инвестиций. В то же время восприятие России на протяжении многих веков было для Запада неким средством собственной идентификации. Со времён маркиза де Кюстина мерзости российской жизни служили для утверждения идеалов демократии и либерализма.

Американцы о России рубежа XIX – начала XX века

Для большинства американцев Россия долгое время оставалась далёкой и таинственной землёй. Причиной являлись географическая отдалённость двух стран, разные исторические судьбы. Информация о России появлялась изредка – в связи с «Русской Америкой», позицией России во время Войны за независимость США и сочувственной поддержке американцев в годы Крымской кампании. Нередко проводились аналогии между отменой крепостного права в России и рабства в США, между трагическими судьбами американского президента Линкольна и российского императора Александра II. Зенит русско-американских отношений был отмечен продажей Аляски в 1867 году. Примерно с этого времени произошёл своего рода «взрыв объёма» информации о России (38).

В числе наиболее глубоких наблюдений следует назвать сочинение Джорджа Кеннана по итогам путешествий по Сибири – «Жизнь в сибирском чуме» (39). Кстати, его внучатый племянник и тезка, дипломат и историк Д.Ф. Кеннан также стал специалистом по России, его именем назван исследовательский институт международных отношений в Вашингтоне. Из своей первой экспедиции 1865–1866 годов Джордж Кеннан вынес представление об экзотической стране и об удивительном разнообразии народов и добросердечности людей, её населяющих. Никаких критических замечаний относительно политики царского правительства он не высказывал, называя все негативные сведения о сибирской ссылке и каторге преувеличением и ложью. Для того чтобы окончательно развеять эти ложные представления, в

1885–1886 годах Кеннан поехал во второе большое путешествие по России. Он близко сошёлся с разными общественными деятелями и революционерами, с Петром Кропоткиным и народником-анархистом С.М. Кравчинским (Степняком) и особенно с горячим патриотом Сибири Н.М. Ядринцевым.

Под влиянием этого знакомства и личных встреч с осуждёнными и ссыльными его взгляды кардинальным образом изменились. Написанная в результате этого путешествия книга «Сибирь и ссылка» стала на многие годы классическим источником сведений о Сибири в Америке (40). Сохраняя исключительно доброжелательное отношение к народам, населявшим Российскую империю, Кеннан крайне отрицательно стал относиться к самому институту самодержавия. Он стал активным членом американского отделения Общества друзей русской свободы (Society of Friends of Russian Freedom), в числе которых был Марк Твен и Лилиан Войнич, и пропагандировал необходимость революции и свержения самодержавия. Впоследствии, он сделался столь же яростным противником большевиков, видя в их политике не менее тяжкое бремя для народов бывшей Российской империи. Вторая книга Джорджа Кеннана окончательно утвердила стереотипы массового представления о России: огромная страна, сибирский холод, несчастный угнетённый народ, несправедливые законы, отчаянно страстные, но всегда печальные люди.

Однако американских авторов удивляло то обстоятельство, что, несмотря на экономическую отсталость, архаическую политическую систему и массовую неграмотность, в литературе и искусстве Россия «явила такие яркие свидетельства своей гениальности». Профессор литературы Уолтер Фелпс предлагал американцам оценивать другую нацию не по количеству и размерам

Джордж Кеннан

военных кораблей, а по «интеллектуальному великолепию», по важности идей, которая она дала миру. И когда американцы надуваются от гордости за своё промышленное процветание, то им следует, советовал профессор, поразмышлять именно над сравнением американского и российского вклада в литературу и музыку (41). Другие коллеги профессора также были убеждены, что именно литература является показателем существования внутренней и духовной свободы в России.

Распространённой была характеристика состояния России как средневекового. Подчёркивалось, что мужик (moujik) всё ещё является основой империи и составляет 80% населения. Если для одних наблюдателей moujik – это «мрачный и неопрятный, с длинной бородой и в состоянии постоянного отупляющего пьянства», то для других на первое место выходили положительные характеристики – храбрый, трудолюбивый, терпеливый, с чувством собственного достоинства, готовый на самопожертвование и демократичный. Несмотря на «очень низкий интеллектуальный уровень», крестьяне руководствуются своими духовными и моральными принципами, которые зачастую более высокого порядка, чем теоретические доктрины, которые им предлагают. Будущее России, по мнению посетивших страну американцев, будет решаться не интеллектуалами или правительством, а многомиллионным крестьянством, сплочённым едиными интересами. Конечный успех реформы, начатой в 1861 году, будет зависеть не от царя и бюрократии, а от 150 миллионов крестьян (42).

Особый интерес вызывала религиозность русского народа. В США сложилась, однако, традиция критиковать православную церковь, её консерватизм и архаизм. Для профессора Гарвардского университета Лео Уинера было неудивительно, почему наблюдатели, изучающие историю русской церкви, разочаровываются в ней и обращаются к более ярким образцам, представляемым Западом: «Русская церковь – это вместилище нежественного духовенства и суеверной паствы, равно лишённая видимой организации и культурных наклонностей». В то же время Уинер был убеждён, что религия является очень важным аспектом, который надо учитывать при изучении русского народа. Россия во время монголо-татарского ига долгое время находилась под господством мусульман, и этот факт усилил преданность русского крестьянства православной церкви. Русская ре-

лигия значит больше, чем вера, отречение от неё в глазах большинства русских есть оскорбление и поругание самой нации. Преданность русского крестьянина православной церкви сравнивалась с религиозным фанатизмом в Испании. Подчёркивалось, что в отличие от Европы Россия никогда не испытывала очищающей и обновляющей силы Реформации и в религиозном отношении, как и во многих других областях, всё ещё живёт в духе средних веков. То, что в других странах сохранялось как живописная традиция, в России является живой силой огромной мощи. Приняв свою веру от Константинополя, Россия обрекла себя на изоляцию от интеллектуального движения Запада (43).

В десятилетие, которое предшествовало событиям 1917 года, в США появилась целая серия книг, в которых авторы пытались интерпретировать «загадочную русскую душу». Подтолкнул их к этому британский писатель-путешественник С. Грэхем, который воспевал «Святую Русь» и патриархального русского крестьянина и чьи сочинения о России многократно издавались и в США. На отсталость России стали смотреть под углом зрения её потенциальных возможностей и перспектив. Почти единодушно американские авторы уверяли своих читателей в её великом будущем, в том, что «двадцатый век принадлежит России». Это молодая, быстроразвивающаяся нация. Она представляет интерес для Америки, и будет нуждаться в американском капитале уже в самом ближайшем будущем. Русские, как никто в мире, обладают способностью приспосабливаться и адаптироваться к новым условиям: «от Рюрика до настоящего времени они проявляли терпение при унижении, находили силы возрождаться после бедствий и способность к самопожертвованию в достижении идеала» (). Эти качества и гарантировали им будущее могущество в развивающемся мире, но только при условии перехода к более прогрессивному типу правления и более тесных отношений с передовыми нациями.

Парадоксам российской жизни иностранцы не переставали удивляться. «Один день мы читаем о невероятных доходах в государственную казну от винной монополии, а в следующий раз о том, что производство и продажа водки запрещены по всей империи, и одним росчерком пера нация становится трезвой. Сначала мы читаем об изгнанниках, рассеянных по всему миру, а затем о том, как они возвращаются, чтобы умереть за то самое правительство, против которого они устраивали заговоры», – пора-

жался Уинер. Он перечислил в своей книге «Интерпретация русского народа» противоречия русской нации, о которых писали и другие авторы: «Здесь язычество и варварство дожили до наших дней, удивительно переплетаясь с высочайшими достижениями человеческого ума. Мягкость и жесткость, коммунизм и самый яркий индивидуализм, сильное государство и неразвитое политическое сознание, отсутствие расовой ненависти и самые жестокие погромы, глубочайшая религиозная природа и самые низкие суеверия, всеохватывающая демократия и самая абсолютная монархия» (44).

Ричард Райт выделил три важных различия, которые надо иметь в виду, когда речь идёт о России: 1) между собственно Россией и русским правительством; 2) между классами, которые управляют, и классами, которыми управляют; 3) между верой, которую проповедуют, и верой, в которую верят. «Нельзя понять Россию мимоходом, — подчёркивал Райт, — она слишком большая, слишком основательная, слишком обещающая. Она требует внимания. Её пути отличны от путей большинства наций» (45).

Начавшаяся Вторая мировая война внесла новые интонации в уже привычно звучащие публикации. Популярной стала тема «Святой Руси». В США вновь предпринимались попытки исследовать русскую душу, её неразгаданную тайну. Война рассматривалась авторами как фактор пробуждения России и начала серьёзных (демократических) изменений в её жизни. Конечно, рассуждения о «загадочной русской душе» и *Holy Russia*, о храбрости русских, презирающих смерть, можно объяснить политической конъюнктурой. Но одновременно это служило ещё одним подтверждением того, что Россия — сложный предмет изучения.

Итак, более или менее отчетливые представления о России и русских в Западной Европе сложились только в XVIII веке и отличались достаточно большой устойчивостью. Имидж России носил по преимуществу негативный характер. В ней видели, прежде всего, агрессивного соседа, а также страну, отличающуюся от большинства европейских стран отсутствием гражданских свобод и уважения к правам личности и собственности. В последующем данный стереотип откладывал свой отпечаток на восприятие СССР и новой, постсоветской России.

Образ России на Западе на протяжении веков, несомненно, эволюционировал. Тем не менее, он всегда представлял собой причудливое сочетание реальных фактов и уже сложившихся

стереотипов. На Западе всегда приветствовали то, что считали позитивным в российской действительности, а именно то, что приближало Россию к западным стандартам жизни. Речь шла о введении демократических институтов, европейских стандартов быта, гражданских свобод, уважение к праву частной собственности и т.п. После того, как Пётр Великий «прорубил окно в Европу» и распространил западную культуру повседневности на имущие классы населения, Россия стала восприниматься как часть западного мира, пусть и периферийная. Процесс распространения западных бытовых стандартов на остальное население занял значительное время и окончательно завершился только при Советской власти. Тем не менее, с петровских времён между Россией и Западом уже не существовало культурного барьера. На Западе приветствовали реформы Александра II, Октябрьский манифест Николая II, Февральскую революцию.

Однако российская история с избытком давала и примеры того, что вызывало неприятие и резкое осуждение на Западе. Это и деспотия самодержавия, это и бесправие и нищета основной массы населения, это и неуважение к священному праву частной собственности. Такие черты российской жизни помогали основной массе западных обывателей утвердиться в приверженности к ценностям и идеалам, противоположным российским.

Примечания:

1. Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. С. 15.
2. Бертинские анналы. Часть 2. М., 2006. С. 181.
3. См.: Егоров К.П. Образование Киевской Руси. М., 2000. С. 65–67.
4. Кузьмин А.Г. «Откуда есть пошла русская земля...». М., 1986. Т. 2. С. 578.
5. Тебеньков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер наме» Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис, 1896. С. 8–9.
6. Кустарев А. Россия и Европа // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51). С. 3–4.
7. См.: Карнаухов Д.В. Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV–XVI вв. // История и историки. М., 2005. № 1.
8. Флоря Б.Н. Русь и русские в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 22–23.

9. См.: *Рогов А.И.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Вельского // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 123–133.
10. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 83–110.
11. См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 94.
12. *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский: вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963. С. 106.
13. *Герберштейн С.* Записки о Московии М., 1988. С. 57–58.
14. Там же. С. 59.
15. См.: *Бурсов Г.* Воссоздатели империи с ордынскими рожами // Обозреватель (Киев). 2006, 7 ноября.
16. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. С. 5–19.
17. Там же. С. 21–26.
18. Там же. С. 28.
19. Там же. С. 54–70.
20. См.: *Фомин В.В.* Варяжский вопрос в творчестве М.А. Алпатова // История и историки. 2004. М., 2005. С. 321.
21. Там же. С. 322.
22. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. С. 28–45.
23. Там же. С. 50–61.
24. См.: *Малкин В.* The Sud'ba of Dusha // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51). С. 30.
25. Там же. С. 31.
26. Там же. С. 32.
27. *Горсей Дж.* Записки о России XVI – начало XVII. М., 1991. С. 91–94, 231–235.
28. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 2003; Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire // Seven Britons in Imperial Russia, 1698–1812. Princeton, 1952. P. 174.
29. *Бретон Ж.-Б.* Россия, или Нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи. М., 2007. С. 6.
30. *Рехберг К.* Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи. М., 2007. С. 23.
31. *Александр Джеймс.* Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 10–11.
32. Там же. С. 16–17.
33. *Кюстин А.* Россия в 1839 году. В 2 т. Т. I. М., 1996. С. 342.

34. Там же. С. 150–151.
35. *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем. Т. X. М., 1954. С. 438.
36. Из записки министра просвещения графа С.С. Уварова антикюстинскому комитету // Русская старина. 1899. № 8. С. 280.
37. *Кюстин А.* Россия в 1839 году. Т. I. С. 248.
38. См. подробнее: *Сол Н.Э.* «Простаки за границей», или как американцы и русские открывали друг друга, 1867–1881 // Американский ежегодник. 1993. М., 1994; *Первухина-Камышиникова Н.* Россия в представлении американцев: истоки образа и его эволюция // Отечественные записки. 2007. № 5.
39. *Kennan George.* Tent Life in Siberia, 1870.
40. *Kennan George.* Siberia and the Exile System (2 vols.), 1891.
41. См. об этом: *Третьякова С.* Американские авторы о России конца XIX – начала XX века // Российско-американские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 134.
42. Там же. С. 135.
43. Там же.
44. Там же. С. 137.
45. Там же.

Лекция 5

Советский Союз

С приходом к власти в России большевиков в 1917 году началось противостояние двух общественно-политических систем — советской коммунистической и западной демократической (в советских терминах «капиталистической» или «буржуазно-демократической»). Как изменился стереотип России в новых условиях и как он зависел от внешнеполитической конъюнктуры и ужесточения или, наоборот, либерализации политического режима в Советском Союзе? Какие средства внешнеполитической пропаганды применяла Москва для создания благоприятного имиджа СССР? Какие события советской жизни оказывали как позитивное, так и негативное влияние на восприятие страны в мире?

Советские смыслы и ценности

Полюса западного восприятия революционных событий в России наиболее ярко запечатлелись в двух **трансевропейских** бестселлерах того времени — «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида и «Россия во мгле» Герберта Уэллса. Названия книг настолько красноречивы, что можно не объяснять, на чьей стороне находились авторы. Довольно быстро сложился набор овестьевленных стереотипов, связанных с образом СССР, и сохраняющихся вплоть до наших дней. В английском языке список существительных, наиболее часто сопрягаемых в англоязычных текстах с определением «русский», весьма показателен: «правительство», «революция», «народ», «президент», «рулетка», «оборона», «история», «официальные лица», «шпион», «балет», «нефть», «водка», «медведь».

Из этого перечня к советским временам можно уверенно отнести слова «правительство», «революция», «народ», «оборона», «история», «официальные лица», «балет», «нефть». Для сравнения: прилагательное «итальянский» чаще всего употребляется с гораздо более нейтральными или однозначно позитивными словами «правительство», «ренессанс», «ресторан», «стиль», «опера», «искусство», «футбол», «печать», «вино», «музыка».

Совпадает только одно слово — «правительство». При этом в отношении стереотипа итальянцев ни одно из существительных

не несёт негативной коннотации. В случае же с Россией и русскими явно негативную коннотацию имеют слова «шпион» и «рулетка». Кроме того, в большинстве случаев негативный смысл имеют слова «нефть» (как средство энергетического шантажа Запада), «медведь» (как символ чего-то неуклюжего и угрожающего агрессией), «водка» (как символ беспробудного пьянства), «оборона» (олицетворение угрозы со стороны советского ВПК) и «революция» (как символ опасных социальных потрясений). Безусловно, положительное значение имеет слово «балет».

Фигура русского в английских анекдотах — это, как правило, космонавт, берущий с собой в полёт водку и спички, борец-тяжеловес, которого можно победить лишь благодаря невероятному стечению обстоятельств, несчастный, не знающий, что такое говяжий стейк, богат, нечаянно оказавшийся владельцем британского национального достояния. Из этих образов к современности можно отнести только последний, тогда как первый и второй, несомненно, принадлежат ещё советской эпохе.

Как известно, уровень благосостояния советских людей значительно уступал западноевропейскому, североамериканскому или японскому. Однако материальный достаток в сознании общества шёл вторым планом по отношению к идеологическим ценностям. Господство безальтернативных СМИ позволяло власти ограждать население от «идеологически опасных источников информации». В сознании большинства людей образ СССР строился на таких общезначимых ценностях, как бесплатные жильё, образование, медицинское обслуживание, отсутствие безработицы. То, что на Западе в образе Советского Союза эти черты отнюдь не преобладали, подавалось советской пропагандой как доказательство того, что правящие круги Запада, будто бы контролируемые СМИ и формирующие общественное

«Модернизированный» логотип английского футбольного клуба «Челси» с русским медведем

мнение, «нас не любят». На Западе же в эпоху НЭПа, который сами большевики рассматривали как временное тактическое отступление, всерьёз надеялись на трансформацию СССР, сначала экономическую, а затем и политическую.

В своей внешней политике, опираясь на стремление деятелей мировой культуры к восстановлению связей с представителями культуры России, советское правительство с первых лет своего существования добивалось изменения общественного мнения в странах Западной Европы и Северной Америки в пользу отмены блокады и установления дипломатических отношений с СССР. Внутри же страны создавался образ поддержки всех советских инициатив «мировой прогрессивной общественностью». Например, Ленинград периода между двумя мировыми войнами успешно вписывался в образ страны, как город революций. Он открыл эпоху движения к новой цивилизации, преодолевающую историческую пропасть между Западом и Востоком. Интересно, что в современной России практически также, за исключением революций, позиционируется Санкт-Петербург, причём с привлечением исторической традиции ещё с петровских времён. Первым событием в СССР, получившим положительный отклик в европейских странах, стало празднование в Ленинграде в 1925 году 200-летия Академии наук, в котором участвовали 130 учёных из 21 страны мира. Однако позитивный образ Ленинграда как научного и культурного центра не мог преодолеть негативное отношение в западном общественном мнении к массовым репрессиям, охватившим СССР в 30-е годы.

Преодолевая плен пропаганды

Очевидно, что советское руководство стремилось к конструированию положительного образа Советского Союза в зарубежном общественном мнении. Большие усилия предпринимались для привлечения и впечатляющего приёма представителей зарубежных финансовых и предпринимательских кругов. Далеко не всегда эти затраты приводили к успеху, однако зачастую они давали плоды. Джон Колдер — американский инженер, возглавлявший строительство Балхашского медеплавильного комбината, — перед отъездом в США заявил в интервью: «Человек, который едет в Россию работать, будет доволен. Человек, который едет туда, чтобы брюзжать и соваться в политику, может спокойно вернуться обратно» (1).

Однако интеллектуальная элита Запада, представители которой посещали СССР в рамках проводившихся здесь международных симпозиумов и конгрессов, автоматически попадала в пропагандистскую сферу «Интуриста». К примеру, Ф. Смит — глава американской делегации на XVII Международном геологическом конгрессе, состоявшемся в июле 1937 года в Москве, на приёме в Большом Кремлёвском дворце констатировал: «Мы посетили крупнейшие институты и видели огромные достижения вашего инженерного искусства, нашедшего своё яркое выражение в замечательном канале Волга-Москва» (2). Степень заинтересованности в том или ином зарубежном визитёре была связана с потенциальной отдачей от его посещения СССР. Однако это отнюдь не значит, что «рядовой» турист выпадал из сферы советской пропаганды. И соответственно мнение таких туристов служило своеобразным индикатором эффективности советской пропаганды на Запад. Например, по итогам сезона 1929 года «Интурист» получил достаточно большое количество благодарственных писем, что было важным показателем оценки его работы. Вот типичное письмо туристки из Варшавы, утверждавшей, что «своё одномесячное пребывание в России я рассматриваю как одно из глубоких и чудесных впечатлений своей жизни. Я должна также сказать, что я не встретила затруднений или неприятностей во время этого путешествия». Турист из Австралии сделал такую же хвалебную запись 3 сентября 1929 года: «Интересная страна. Интересный народ». Группа туристов в письме от 10 августа писала: «Мы все желаем для России и Вашего народа наилучшего будущего, и мы надеемся, что в конце этого пятилетнего периода мы сможем снова приехать в Вашу страну», а Всемирное бюро путешествий «Томас Кук и сын» в связи с заходом парохода «Аркадиан» в Ленинград в августе 1929 года выражало уверенность, что успех организованных для туристов экскурсий «вселит в нас желание убедить английские пароходные компании в будущем организовывать дальнейшие заходы пароходов в СССР с организацией экскурсий внутрь страны, что поможет увеличить туристское движение в СССР в наших взаимных интересах». В связи с группой туристов (249 человек) с парохода «Кап-Полонио», устроившая этот тур организация в письме от 6 августа отмечала: «Мы пользуемся случаем, чтобы сказать Вам, что проведение посещения как Ленинграда, так и Москвы во время пребывания нашего парохода “Кап-Полонио”

в предыдущем месяце в СССР вызвало полное наше удовлетворение, а также туристов». Значительная часть посетивших Советский Союз (особенно американские туристы) в своих отзывах о поездке давали обещание не только ещё раз приехать в страну, но и «советовать нашим друзьям посетить СССР». И даже «настаивать на том, чтобы мои друзья посетили СССР» (3).

Одной из основных причин не критичного взгляда на советский строй был глубокий духовный кризис, охвативший западную интеллигенцию в результате Великой депрессии. Разочарование культурной элиты Европы и Америки в ценностях собственного общества диктовало интенсивные поиски «счастья» за рубежом. При этом особо притягательными оказывались молодые государства, провозглашавшие цели построения общества справедливости и равенства. Многие иностранные журналисты с любопытством восприняли советское плановое хозяйство, особенно на фоне депрессии западной экономики. Известный американский журналист У. Дюранти в своей книге «Russia Reported» (1934) объяснял феномен пятилеток следующим образом. Для исторического развития России как типично азиатской страны, писал он, характерно чередование периодов летаргического затишья и бездействия взрывами прогресса. Государство находилось в спячке два столетия, несмотря на то, что европеизированные императоры пытались пробудить его, призывая к индивидуальной инициативе и свободному предпринимательству. Журналист утверждал, что коммунизм пришёл к власти в России потому, что именно он был той «гальванизирующей силой», в которой нуждалась страна. По его мнению, пятилетки были призваны осуществить «психологическую встряску» населения. В такой ситуации, подчёркивал Дюранти, возможно применение любых методов, которые недопустимы в странах западной демократии. Исходя из этого завышенные планы были нужны потому, что русские рабочие выполняют искомые 100% лишь в том случае, если им будет поставлена цель 125%.

Дюранти называл советских руководителей «альтруистами», которые честно пытались создать дисциплинированную и уважающую себя нацию из орды вновь освобождённых рабов. Страдания и жертвы не имели значения, так как руководство само было готово умереть за это дело.

Своеобразную роль сыграл Дюранти в представлении миру проблемы голода в СССР в 1932–1933 годах Советское прави-

тельство предпринимало все меры для того, чтобы скрыть истинные размеры бедствия. Почти одновременно с введением в декабре 1932 года паспортной системы для советских граждан, представителям зарубежных СМИ было запрещено покидать пределы Москвы и её пригородов. Тем не менее, информация из районов, охваченных голодом, регулярно поступала в пресскорпус. Однако о голоде писали лишь те зарубежные корреспонденты, которые навсегда покидали Советский Союз. Так американцы У.Г. Чемберлен и Ю. Лайонс пришли к выводу, что всё происходившее в Советском Союзе не имеет никакого отношения к социализму.

У Дюранти работа в СССР тоже подходила к концу, поэтому угроза лишения въездной визы могла не беспокоить его. Тем не менее, он заявил американским читателям, что в России, якобы, нет голода или голодных смертей, а есть лишь «широко распространённая смертность из-за заболеваний, вызванных недоеданием». Власть официально разрешила этому журналисту посетить некоторые районы Северного Кавказа в сентябре 1933 года, когда ситуация с продовольствием улучшилась. На такое доверие последовало новое заявление о том, что деревенские рынки заполнены разнообразными дешёвыми продуктами, что «даже ребенку ясно, что здесь не голод, а изобилие».

В 30-е годы Советский Союз посетили популярные и влиятельные на Западе писатели Бернард Шоу, Анри Барбюс, Эмиль Людвиг, Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Рафаэль Альберти, Андре Жид, Андре Мальро. Но лишь двое последних опубликовали весьма критические очерки советской жизни. Беседы Сталина с Людвигом и Уэллсом были тогда же напечатаны как в советской, так и в западной периодике. Эти писатели, убеждённые Сталиным, в своих статьях отрицали, в частности, массовый голод 1932–1933 годов как следствие коллективизации. Слухи об этом голоде отражались в иностранной печати и сильно вредили положительному имиджу Советского Союза. Но наибольший шум наделала книга Жиды «Возвращение из СССР». Французский писатель поставил под сомнение стахановское движение. Он утверждал, что раз норму можно перевыполнить в несколько раз, значит, норма сильно занижена. Вместе с тем, энтузиазм советских людей вызвал у Жиды искреннее восхищение. Он также показал удручающую бедность советской жизни в сравнении с французскими стандартами, с которой

Западная карикатура 30-х гг.
Надпись на плакате:
«Мы абсолютно счастливы»

контрастировала роскошь, в которой жила советская элита. Главное же, Жид усомнился в справедливости обвинений, выдвинутых против оппонентов Сталина на московских политических процессах: «Сомневаюсь, чтобы в какой-либо другой стране мира, даже в нацистской Германии, человеческая мысль была бы более поработана, запугана и терроризирована» (4).

Книге Жида советские пропагандисты противопоставили книгу Фейхтвангера «Москва 1937». Там оправдывались фальсифицированные политические процессы над бывшими деятелями антисталинской оппозиции и утверждалось, что они прошли с полным соблюдением юридических норм. Немецкий писатель-эмигрант восхищался планом реконструкции Москвы: «Никогда ещё город с миллионным населением не строился так основательно по законам целесообразности и красоты, как новая Москва. Бесчисленные маленькие вспыхивающие точки и линии показывают: здесь будут школы, здесь больницы, здесь фабрики, здесь магазины, здесь театры. Москва-река будет проходить здесь, а здесь пройдёт канал Волга—Москва. Тут будут мосты, а здесь под рекой пройдёт тоннель, там протянутся пути для подвоза продовольствия, а вот здесь — для всякого рода другого транспорта, отсюда будем регулировать водоснабжение города, отсюда электроснабжение, а тут будет теплоцентральный» (5). Это был камень в огород Жида, утверждавшего, что увиденные им здания, за редким исключением, уродливы и совершенно не гармонируют друг с другом.

Фейхтвангер также привел слова Сталина о том, что тот против собственного культа, но ничего не может поделать с излишним усердием руководителей низших уровней и с энтузиазмом масс. Однако по мере того, как реальные внешнеполитические акции СССР вступали в противоречие с образом его как миро-

любивой страны, голоса советских друзей на Западе звучали всё глуше.

В то же время в мире сохранялось противоречивое мнение по поводу того, что представляет собой Советская Россия. С одной стороны, на него влияли отзывы тех иностранцев, которые смогли побывать здесь, в большинстве случаев увидели лишь пропагандистскую витрину советского рая. С другой стороны, те немногие, кому посчастливилось выбраться из ГУЛАГа и благополучно попасть на Запад, а также несколько высокопоставленных советских перебежчиков, вроде Б. Бажанова, Г. Беседовского, Г. Агабекова и Г. Люшкова, опубликовали мемуары, в которых раскрывалась изнанка «советского рая» (6). Они рассказывали о тяжёлом положении народа, массовых репрессиях и голоде, фальсификации политических процессов и моральном разложении советской верхушки.

Многочисленная (по числу названий) русская эмигрантская пресса в странах Запада практически не оказывала влияние на западное общественное мнение. В отличие от свежих советских перебежчиков, белоэмигрантам довольно редко предоставляли свои полосы европейские и американские газеты. Исключение составляли те русские писатели и журналисты, которые свободно владели европейскими языками и публиковались в местной прессе. К примеру, Марк Алданов, чьи политические обзоры часто публиковались во французской прессе и, безусловно, влияли на французское общественное мнение в негативном для СССР духе (7).

Что же касается Льва Троцкого, наиболее видного противника Сталина из числа коммунистов, высланный из СССР в 1929 году, то он не оказывал существенного влияния на западное общественное мнение из-за своей одиозности для большинства политических сил и органов прессы. Троцкий оказывал влияние лишь на ряд коммунистических партий Европы и Америки, где у него было немало сторонников.

Интерес к Троцкому проснулся только в 1937 году в связи с московскими процессами над бывшими оппозиционерами. На одном из них один из подсудимых, бывший сторонник Троцкого Юрий Пятаков рассказывал, как летел с ним на встречу в Осло из Германии в декабре 1935 года Троцкий в интервью западным газетам категорически отрицал факт этой встречи, и его правота была полностью доказана. Выяснилось, что в декабре 1935 года

ни один самолёт на аэродром Осло не приземлялся. К критике Троцким московских процессов стали прислушиваться (8). Кроме того, западные корреспонденты, присутствовавшие на процессах, в большинстве своём усомнились в обвинениях, предъявленных подсудимым.

Были и отдельные критические статьи западных журналистов, побывавших в СССР с краткосрочными визитами. Американский медиа-магнат Рой Говард, побывавший в Москве в марте 1939 года, после возвращения писал в газете «Нью-Йорк уорлд телеграф»: «Если судить о Советском Союзе по Москве, которая является витриной страны, то он движется по нисходящей кривой. За последние два года, по общему мнению, тысячи политических, военных и экономических руководителей были расстреляны, сосланы или ликвидированы тем или иным путём. В результате этого наблюдается дезорганизация в военной области и в промышленности, страх, скрытность и чуранье иностранцев в тех кругах, которые были задеты последней чисткой» (9).

Говард писал о том, что шпионы, осведомители и агенты-provokatory наводняют Москву до такой степени, что в ней всякий человек является подозрительным. Иностранные посольства содержат специальные штаты электротехников из подданных своих стран. Единственная обязанность этих электротехников заключается в периодических осмотрах всех помещений с целью обнаружения диктографов, устанавливаемых агентами НКВД. Таких диктографов обнаруживают множество. Недоверие, тайна и подозрение окутывают всю обстановку вечным липким туманом. Это, конечно, не ново, но с точки зрения сегодняшнего дня положение, по-видимому, является наихудшим за последние десять лет. Советский Союз, делал вывод американский магнат, является тёмным пятном на новой европейской карте. Ни одна газета и даже официальное советское агентство ТАСС не дают картины жизни в масштабе всей страны так, как к этому привыкли американские читатели. В СССР факты, касающиеся населения и не касающиеся политики или правительства, не считаются новостями в американском смысле. Поскольку каждый существует для государства, то действия отдельных лиц не считаются важными, если они не связаны или не задевают государство. Какое-либо событие, имеющее большой интерес для данной местности, освещается местной газетой. Но подробности этого события не сообщаются остальной печатью, если только это не

содействует славе Союза Советских Социалистических Республик. В результате аккредитованные дипломаты и иностранные корреспонденты выписывают десятки газет, выходящих в городах, разбросанных по всей стране. Из этих газет они выбирают такие единичные факты, какие имеются относительно того, что происходит вне Москвы. С точки зрения газетной информации Москва и Кремль представляют всю Россию. Если в результате этого картина, преподносимая внешнему миру, является неверной, как это часто и происходит, то в этом повинна, прежде всего, система. До тех пор пока управляет так или иначе диктаторское правительство, невозможна адекватная информация о том, что происходит среди 175-миллионного населения крупнейшей на земле страны.

Постоянно аккредитованные в Москве западные корреспонденты, сознавая свою зависимость от советских властей и опасаясь высылки, давали, как правило, более лояльные корреспонденции. Они в своём большинстве ухитрились не заметить массового голода и репрессий 30-х годов. Известный американский журналист Вальтер Дюранти, с начала 20-х годов проживавший в Москве, в 1933 году не заметил катастрофического голодомора, унёсшего жизни миллионов крестьян, и на страницах «Нью-Йорк таймс» отрицал бесспорные факты (10). Зато подробно московские корреспонденты западных изданий освещали экспедиции к Северному полюсу, сверхдальние перелёты советских лётчиков, спасение «Челюскина» и т.п. Такого рода события, как и гастроли советских артистов на Западе, создавали информационные поводы, способствовавшие укреплению благоприятного имиджа Советского Союза и вытеснявшие с газетных полос сообщения о голоде, нищете и репрессиях.

Предвоенный образ страны

В конце 1930-х годов на негативный имидж СССР повлияла постоянная демонстрация двойных стандартов в советской внешней политике, в том числе пакт Молотова-Риббентропа, советское вторжение в Польшу, агрессия против Финляндии и оккупация государств Балтии. Эти акции сильно снизили популярность Москвы, в том числе и у левонастроенной общественности, включая коммунистов. Именно агрессия против Финляндии привела к исключению СССР из Лиги Наций. Загадочность и непредсказуемость внешней политики многие годы определя-

ли образ СССР как государства, создающего проблемы для целостной системы западных либеральных ценностей. Известный пример этому представляют собой воспоминания Джозефа Дэвиса, американского посла в Москве в 1937–1939 годах. Его добродетельный отчёт «Миссия в Москву», с восторгом описывающий показательные процессы и результаты индустриализации, отрицающий массовый террор и одобрявший разумную расчётливость пакта Молотова-Риббентропа, стал бестселлером. В Голливуде по нему был поставлен фильм, сделанный в документальной манере, с актёрами, исполнявшими роли Сталина, Вышинского, Калинина. Дело не в том, насколько искренен был Дэвис в своём восхищении Сталиным, а в том, что он выполнял задачу, поставленную Государственным департаментом и президентом Рузвельтом, а именно, повернуть общественное мнение от возмущения сотрудничеством США со сталинским Советским Союзом в сторону поддержки совместной борьбы против гитлеровской Германии. Государственный заказ на дружески-позитивное отношение к Советскому Союзу и Сталину, в частности, в годы войны совпал с позицией левой интеллигенции.

Представить, какими глазами Запад смотрел на СССР до июня 1941 года, помогает и книга «Сталин в свете прессы и карикатуры», выпущенная в Германии в 1941 году (11). Тогда СССР превратился из друга и союзника Германии в смертельного врага, и теперь немецкая пропаганда опять сделала Советский Союз своей основной мишенью. В книге были собраны карикатуры на Сталина не только из немецких, но также из английских, американских, испанских, итальянских и русских эмигрантских газет. Самая популярная тема карикатур — «Сталин-убийца». Итальянская «Stampa Sera» изображает Сталина в виде дьявола, который подбрасывает в адскую топку огромными лопатами людей и оружие. На рисунке из «Washington Daily News» от 4 декабря 1939 года изображена огромная свинья с головой Сталина, стоящая в луже крови. Рисунок называется «Эволюция медведя». На рисунке из шведской газеты «Sondagsnisse-Strix» стоит Сталин с окровавленным серпом в руке. За ним смерть с косою задумчиво говорит: «Не лучше ли было бы взять его серп?»

Парижская газета «Возрождение» опубликовала пародию на туристский рекламный плакат: «Посетите пирамиды в СССР». На рисунке Сталин приглашает посмотреть на горы черепов. Польская карикатура из журнала «Mucha» изображает, как к

Сталину, подписывающему очередной приговор обращается подчинённый: «Товарищ Сталин, не могли бы Вы оставить парочку старых большевиков, на случай, если пятилетний план не будет выполнен?» На рисунке из итальянской газеты «Popolo d'Italia» от 2 января 1937 года колонна оборванных людей бредет сквозь глубокий снег к горизонту, над которым вместо солнца висит серп и молот с надписью «Сибирь». Подпись — «Внутренние советские миграции».

Чудеса русской науки

«Chicago Deily Tribune» 22 июня 1937 года порадовала читателей портретом Сталина в пижаме, который, обливаясь потом от ночных кошмаров, пытается спрятаться под кровать. Точно так же в немецком журнале «Nachtausgabe» от 22 августа 1941 года Сталин отбивается от окружающих его привидений на фоне уходящего к горизонту моря крестов. На другом немецком рисунке Сталин с ужасом смотрит на себя в зеркало, окружённый призраками Троцкого, Зиновьева, Радека и других. Подпись: «Что? Больше никого не осталось для следующего показательного процесса?»

Хорошо представлена в сборнике тема советской агрессии против Финляндии и Прибалтики. На одной американской карикатуре 1940 года изображён крест в виде серпа и молота. На нём распята фигурка с надписью «Финляндия». На молоте сидит гриф с головой Сталина, который держит во рту лавровую ветвь. На французском рисунке Сталин, сидя в луже крови и с капающей изо рта кровью никак не может дотянуться до бокала с надписью «финский шербет». На луже надпись — 200 000 убитых —

именно таким числом оценивали советские жертвы финская сторона.

Представление Запада о роли Сталина в мировой политике хорошо передаёт карикатура из «Chicago Daily Tribune» от 25 апреля 1940 года. Драка в клубах пыли с надписью «Воюющие нации», рядом стоит Сталин и, пряча за спиной кинжал ждёт, кому бы воткнуть его в спину.

Ценный союзник

Ситуация коренным образом изменилась после германского нападения на СССР. В Англии, США, в оккупированных Германии и нейтральных государствах Европы на Красную Армию стали смотреть как на ценного союзника и даже спасителя Европы от нацистского ига. Естественно, стал формироваться положительный имидж СССР. Советские плакаты и, в частности, знаменитый плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», неоднократно публиковались в 1941—1945 годах в Англии и США, а также в Китае, Иране, Мексике и других странах. Всё это способствовало росту популярности СССР в мире. Слова об «абсолютной диктатуре», распявшей маленькую демократическую Финляндию, были быстро забыты. Советский Союз представлялся верным союзником западных демократий, мужественно сражавшимся с общим нацистским врагом и приносящим в этих сражениях неисчислимые жертвы. Преступления нацистов в глазах общественного мнения как Англии и США, так и нейтральных стран затмили прежние преступления сталинского режима.

Весьма показательно, что когда в конце 1943 года, накануне Тегеранской конференции, в США демон-

чант

Les mrtvych v Katynne
mina.ru

стрировался фильм американского режиссера Ф.Копры «Битва за Россию» из серии «Почему мы воюем?», то из него были изъяты документальные кадры о вступлении советских войск в государства Прибалтики, поскольку эти действия СССР осуждались американским общественным мнением.

Теперь Советскому Союзу прощалось всё, даже преступление в Катыни. Когда весной 1943 года немцы раскопали катынские могилы и обвинили Советский Союз в убийстве более 10 тысяч польских офицеров, руководители Англии и США очень мало сомневались

в том, что это преступление — сталинских рук дело, однако публично предпочли солидаризоваться с советскими утверждениями, согласно которым это преступление совершили немцы. Такую же позицию заняла и английская, и американская пресса. О советской ответственности за Катынь во время войны в Англии и США писала только пресса, издававшаяся польскими иммигрантами.

Изменение позиции здесь произошло только после того, как в 1946 году на Нюрнбергском процессе Катынь была исключена из списка преступлений, инкриминируемым главным военным преступником, а в 1947 году расследование, проведённое комиссией Конгресса США, доказало советскую ответственность за Катынь. Это совпало с началом «холодной войны» между бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции и очень хорошо легло в новый негативный имидж СССР.

Важнейшим следствием разгрома фашистской коалиции явилось бурное развёртывание национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, что привело к распаду колониальной системы. И в этой связи образ СССР в глазах мировой общественности стал отождествляться со стра-

ной-победительницей фашизма и страной-освободительницей народов. Корреспондент «Санди экспресс» Д. Гарвин, например, утверждал: «Под руководством Сталина и его генералов Красная Армия превзошла прежде совершённые ею чудеса» (12).

В феврале 1943 года в Англии широко отмечалось 25-летие Красной Армии. Митинг в лондонском Альберт холле с участием видных представителей правительства и всех партий, равно как и деятелей искусства (Джона Гилгуда, Лоуренса Оливье и др.) был организован министерством информации. То же министерство рекомендовало издателям задержать публикацию антикоммунистического произведения Джорджа Оруэлла «Скотный двор». Зато в Англии и США большую популярность приобрели как произведения русских классиков, так и советских писателей — М. Горького, В. Катаева, М. Зощенко, К. Федина и др.

Пик советской популярности Советского Союза в Англии и США пришёлся на дни Сталинградской победы, когда стало ясно, что поражение Германии и её союзников уже не за горами. Чтобы улучшить и без того весьма неплохой имидж СССР на Западе, Сталин в 1943 году распустил Коминтерн и согласился на восстановление патриаршества, сделав некоторое послабление Русской православной церкви. Эти мероприятия должны были продемонстрировать европейской и американской общественности и правительствам, что Советский Союз больше не занимается экспортом революции и преследованиями за религиозные убеждения (последняя тема была особенно актуальна в США).

Дипломатическая подготовка к возможному после победы над Германией противостоянию с СССР началась на Западе ещё в конце войны. Как отмечает российский историк Д.Н. Замятин, внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 годах оперировало, как минимум, тремя геополитическими образами СССР, которые восходили генетически к образу Российской империи. Два из них явно противостояли друг другу: образ европейской державы с традиционной внешней политикой и образ агрессивной полуазиатской державы, нацеленной на конфронтацию. А третий был достаточно противоречивым и объединял некоторые черты двух первых; для него также был характерен поиск устойчивых мистических основ, которые влияли на традиционный геополитический образ Российской империи-СССР (13).

Одновременное существование трёх главных геополитических образов привело к тому, что территориальные претензии

СССР на Прибалтику и Восточную Пруссию, равно как и на собственную сферу влияния в Восточной Европе, вызывавшие недовольство европейских государств, находившихся в союзе с США, до поры до времени казались естественными и приемлемыми для американских политиков.

В условиях «холодной войны»

После окончания Второй мировой войны образ Советского Союза на Западе снова стал изменяться. С одной стороны, СССР воспринимался как непредсказуемая угроза, а с другой, как интригующий эксперимент. Ухудшению образа способствовала не только поддержка Советским Союзом практически всех политических режимов, противостоявших западным представлениям о будущем мира, но и культивируемая в советском обществе атмосфера подозрительности к любому приезжавшему в страну иностранцу. Влияние оказывала и развернутая во второй половине 40-х и в начале 50-х годов кампания по борьбе с «безродными космополитами».

Три социалистических лидера, виновные в массовых убийствах:

Иосиф Сталин (СССР) – 62 млн человек

Мао Цзедун (Китай) – 35 млн человек

Адольф Гитлер (Германия) – 21 млн человек

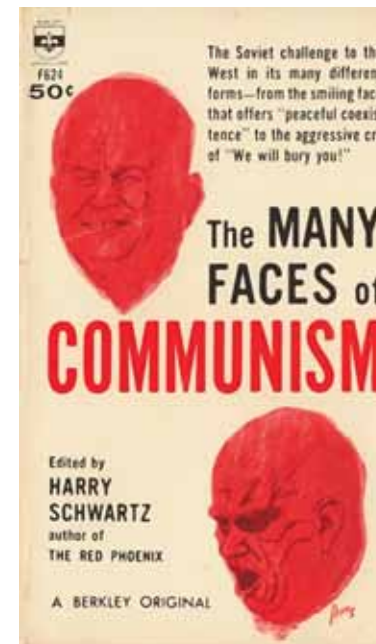

Два блока с антагонистическими системами вели идеологическую войну, главными инструментами которой были пропагандистские органы. С их помощью правящие элиты противоборствующих сторон убеждали граждан своих государств в обоюдной враждебности, утверждая в массовом сознании негативные образы друг друга.

На Советский Союз переносились стереотипы, сформировавшиеся столетия назад по отношению к России. Не случайно в 1951 году, в разгар «холодной войны», в США был издан сокращённый перевод книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» с предисловием тогдашнего директора ЦРУ генерала Беделла Смита. Он утверждал, что «книга может быть названа лучшим произведением, когда-либо написанным о Советском Союзе» (14). Заметим, не о России, а об СССР. Любопытно, что вышедшая тогда же, в начале 1950-х годов книга известного американского журналиста Юджина Лайонса называлась «Народы СССР – наши секретные союзники» (15).

В методах конструирования позитивного образа СССР с советской стороны в постсталинское время произошли существенные изменения. Если Сталин и его соратники почти не покидали советские пределы (после Второй мировой войны исключение делалось в основном для стран, вошедших в советскую сферу влияния), то сменивший его Никита Хрущёв, а позднее Леонид Брежнев и Михаил Горбачёв стали активно ездить по миру, неоднократно посещая и ведущие страны Запада. В целом это позитивно влияло на образ СССР, доказывая западной общественности, что коммунистические лидеры вполне могут быть человечными в общении. Правда, порой экспансивность и грубость Хрущёва, равно как и дряхлость Брежнева в последние годы его правления вызывали обратный эффект.

Однако в целом негативный образ СССР стал постепенно ме-

няться к лучшему ещё в начале 1960-х годов, когда после Карибского кризиса Хрущёв предпринял первые попытки к разрядке международной напряжённости. Зато Брежневу на протяжении целого десятилетия, с конца 1960-х по конец 1970-х, удалось проводить довольно эффективную политику «детанта» с Западом.

Наряду с традиционными средствами создания положительного имиджа в виде балета, оперы, фольклорных ансамблей вроде «Берёзки», в эпоху «оттепели» появились и новые средства. Настоящим прорывом в плане демонстрации открытости советского общества стало проведение Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 года. Впервые в советской истории десятки тысяч молодых людей из всех стран мира оказались за «железным занавесом». Они смогли подробно узнать жизнь советских людей благодаря общению с советскими сверстниками.

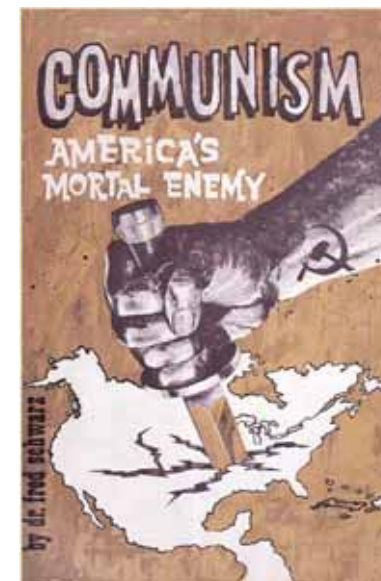
Большую роль в улучшении имиджа СССР сыграли успехи советской космонавтики, запуск первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 году и первого человека в космос в 1961. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» на следующий день после полёта Юрия Гагарина писала: «Русским удалось полностью опровергнуть идею о том, что Соединённые Штаты находятся впереди Советского Союза в области науки и техники. Эта идея была опровергнута уже тогда, когда Советский Союз вывел на орбиту свой первый искусственный спутник. Сейчас она полностью похоронена» (16). А видный английский астроном Бернард Ловелл, комментируя полёт Гагарина, заявил: «Это — величайшее достижение науки в истории человечества. Мне кажется знаменательным, что стране, которая всего лишь каких-нибудь 30 лет назад была в основном неграмотной, удалось осуществить эту огромную задачу» (17).

На самом деле технологическое превосходство США ни тогда, ни в дальнейшем не было утрачено, а успех советской космической программы объяснялся тем, что она являлась приложением военной ракетостроения. А вот эта военная составляющая советской космической программы, отнюдь не скрывавшаяся Никитой Хрущёвым во время его публичных выступлений (он, в частности, утверждал, будто баллистические ракеты в СССР производят так же легко, как сосиски на мясокомбинате), вызывала у публики на Западе не восхищение, а страх перед советским ракетно-ядерным ударом. Так, ещё в августе 1961 года, принимая в Кремле космо-

навта № 2 Германа Титова, Хрущёв говорил, адресуясь к Западу: «У вас нет 50- или 100-мегатонных бомб, у нас есть бомбы мощностью свыше 100 мегатонн. Мы вывели в космос Гагарина и Титова, но мы можем заменить их другим грузом и направить его в любое место на Земле» (18). На самом деле таких возможностей у Москвы тогда ещё не было, но на Западе, из-за крайней закрытости советского общества и, в особенности, его военных программ, ясного представления об этом ещё не было.

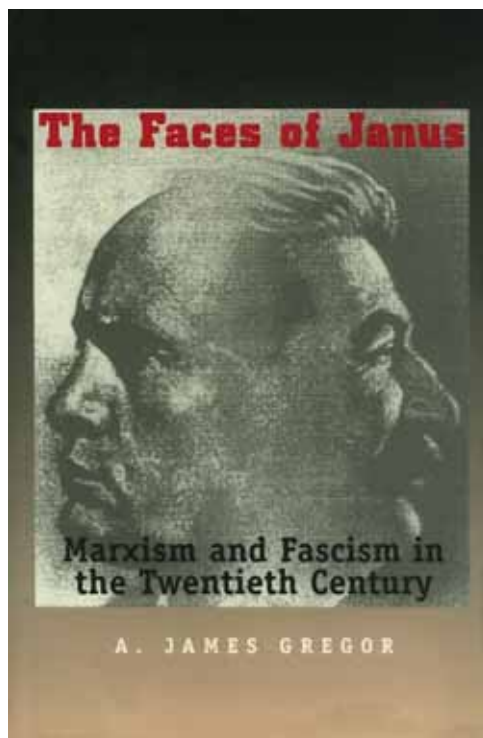
На фоне хрущёвских признаний мало кто в мире верил пропагандистским утверждениям, будто советская космическая программа направлена исключительно на изучение и освоение космического пространства в интересах науки и народного хозяйства. Тем более, что уже первая советская МБР Р-7, на самом деле обладавшая минимальными боевыми возможностями и развёрнутая в единичных экземплярах, была успешно использована для создания на Западе иллюзии ракетного превосходства СССР. Таким образом, советский ракетно-космический фактор играл двойную роль в формировании имиджа страны на Западе, вызывая одновременно восхищение и страх. Триумф советской космонавтики в значительной мере был окрашен в панические тона и стимулировал наращивание американского ракетно-ядерного потенциала США. «Ядерный страх», возникший в США после того, как Трумэн объявил, что у СССР тоже есть атомная бомба, после советского прорыва в космос и Карибского кризиса только укрепился. Американские эксперты считали, что главную опасность для США составляют уже не столько советские атомные и водородные бомбы и ракеты, сколько та паника, которая возникла бы в случае войны.

Главным результатом деятельности, как советского пропагандистского аппарата, так и самого Хрущёва стало изменение между-

Коммунизм — смертельный враг Америки

народного имиджа страны в глазах мирового общественного мнения. Стереотип восприятия Советского Союза как закрытого общества, сформировавшийся при Сталине, стал постепенно разрушаться. Процесс этот остался незавершённым, но его значение нельзя недооценивать. Публичное осуждение Хрущёвым Сталина и его политики репрессий на XX съезде, заявление о приверженности принципам мирного сосуществования и политике разоружения воспринимались западной общественностью на ура. В Западной Европе и в Северной Америке широкие массы населения поверили, что опасность мировой термоядерной войны с приходом Хрущёва значительно уменьшилась.

*Книга Лику Януса.
«Марксизм и фашизм в XX столетии»*

Советская внешнеполитическая пропаганда при Хрущёве активно изучала и заимствовала опыт западных пропагандистских служб, прежде всего, США. Для формирования положительного образа Хрущёва на Западе были задействованы пресса, радио, телевидение. Формирование международного имиджа Хрущёва был первым советским целевым пиар-проектом, целиком ориентированным на западную аудиторию. В нём использовались как успехи в реализации советской космической программы, так и провозглашённый Хрущёвым курс на разоружение. Последний имел чисто пропагандистский характер, поскольку провозглашённая Хрущёвым программа всеобщего разоружения не предусматривала никакой системы контроля. Однако на западное общественное мнение эта программа оказала благоприятное для СССР воздействие. В дальнейшем опыт, приобретённый во

времена Хрущёва, использовался для пиара всех советских руководителей, от Брежнева до Горбачёва.

Пика популярности в мире имидж Хрущёва достиг в конце 1959 – начале 1960 годов, после визитов в США и Францию. Благодаря усилиям Хрущёва и его пропагандистов образ Советского Союза приобрел в глазах западного общественного мнения ряд положительных черт. Никита Сергеевич приобрел репутацию «миротворца», хотя никаких существенных соглашений с Западом тогда достичь не удалось. Вскоре последовали шпионский скандал с американским пилотом Пауэрсом, сбитым под Свердловском, и Карибский кризис.

Хрущёв много работал над своим имиджем. Импульсивность и эмоциональные вспышки советского лидера, дававшие повод упрекать его в непредсказуемости, часто были обычными имиджевыми трюками. Открытость и демократизм также являлись частью имиджевой стратегии Хрущёва. Он охотно встречался с западными журналистами, устраивал пресс-конференции, давал интервью, и при этом следил за тем, чтобы его жесты, поступки, высказывания имели соответствующий резонанс.

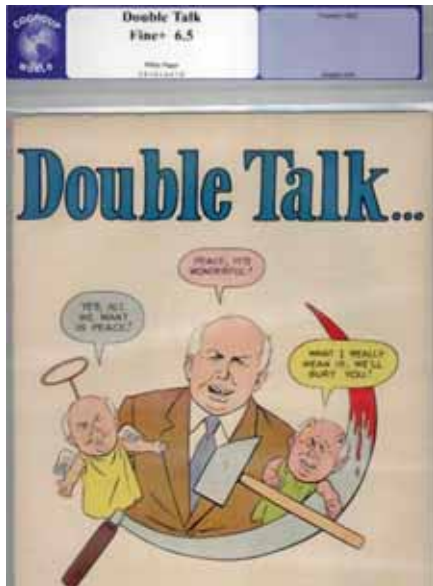
Ряд личных качеств Хрущёва благоприятно работали на его образ, в их числе стремление к лидерству, коммуникабельность, прагматизм. Другие качества Хрущёва – недостаток образования, нетерпимость к чужому мнению, комплекс «груза прошлого» и др. могут рассматриваться как факторы, негативно влияющие на процесс формирования его образа за рубежом. Пропагандистам приходилось преодолевать западные стереотипы восприятия Хрущёва. За ним закрепилась репутация специалиста по сельскому хозяйству, что затрудняло его позиционирование как первого лица государства и специалиста в международных делах. Негативное влияние оказывало и то, что его воспринимали на Западе как сталинского «наследника» и нового советского диктатора. Стиль поведения Хрущёва, представшего перед западной публикой в образе «рубахи-парня», резко контрастировавшего с мрачным и строгим Сталиным, способствовал формированию позитивного образа Советского Союза. Однако совмещение в одном лице двух имиджевых позиций – «коммуниста № 1» и «полномочного представителя государства» («товарища» и «господина») не только создавало дипломатические проблемы, но и вызывало подозрения относительно того, что свои турне советский лидер использует для пропаганды, направленной на мирный экспорт революции.

Преодолев советскую традицию, новые биографы придали облику Хрущёва «для мира» значимые для зарубежной аудитории черты, например, наличие семьи, которая путешествовала вместе с ним. Однако информации личного свойства о советском премьере было по-прежнему недостаточно, из-за этого его международному имиджу не хватало черт, формирующих доверие аудитории.

Он был хорошим оратором, умел находить для массовой аудитории ясные и доступные формулировки. Хрущёв, по признанию западной прессы, стал «исполнителем главной роли в международном политическом спектакле» и «самым блистательным шоуменом мировой сцены». Но эти достоинства, годившиеся для советской аудитории, зачастую не работали перед аудиторией зарубежной. Хамство и грубость Хрущёва, угрозы типа «мы вас закопаем», стучание ботинком по трибуне в ООН сильно ухудшили его имидж после 1960 года. Он немного изменился к лучшему после преодоления Карибского кризиса 1962 года и заключения договора о запрещении ядерных испытаний в трёх сферах в 1963 году, но прежней популярности на Западе Хрущёв уже не вернул (19).

В период «оттепели» стали развиваться личные контакты россиян с представителями западного мира. Иностраный туризм и

встречи иностранных граждан с советскими руководителями, хозяйственниками, деятелями науки и культуры стали важным каналом формирования позитивного образа СССР в мире. С другой стороны, гораздо больше советских граждан, по сравнению со сталинской эпохой, стали посещать зарубежные страны в составе делегаций или в качестве туристов. Всё это рассматривалось западными экспертами как поворот к большей открытости советского общества. Эти наблюдения были одной из составляющих формирования позитивного образа страны в мире.

В социалистических странах, где многократно повторялись лозунги типа «С Советским Союзом — на вечные времена!», образ СССР сформировался сугубо положительным, по крайней мере, на уровне СМИ. Оппозиционно настроенная к коммунистам часть населения относилась к СССР негативно за его поддержку местных коммунистических режимов, однако эти настроения оставались в глубоком подполье. Ненависть к Советскому Союзу выплеснулась наружу во время революции 1956 года в Венгрии и сохранилась у значительной части населения после её подавления, хотя и не могли проявляться открыто. В Чехословакии, где ещё с царских времён сохранялось хорошее отношение к России и русским со стороны большинства населения, после событий 1968 года появилась обида на Советский Союз, задавившего «Пражскую весну».

Что же касается Албании и Китая, коммунистических стран, с которыми у советского руководства в начале 1960-х годов возник острый конфликт, то там положительный имидж СССР старанием местной пропаганды был очень быстро заменён на отрицательный. Это было тем более легко сделать, поскольку контакты с советскими людьми у албанцев и китайцев на добрых два десятилетия почти полностью прекратились.

Советское вторжение в Афганистан в конце 1979 года, вылившееся в многолетнюю партизанскую войну, привело к созданию устойчивого негативного имиджа Советского Союза и в мусульманских странах. Против СССР был введён ряд санкций, а ведущие западные державы и ряд мусульманских государств бойкотировали Московскую Олимпиаду 1980 года.

Это во многом свело на нет эффект от пропагандистских усилий, направленных на то, чтобы представить Московскую олимпиаду как торжество

Л.И. Брежнев в маршальском мундире закусывает афганцами. Карикатура из шведского журнала

советской внешней политики, как демонстрацию роста престижа СССР в мире. Перед Олимпиадой Москва превратилась в витрину Советского Союза. В магазинах появилось большое количество потребительских товаров, в том числе импортных. Из столицы на время Олимпиады были депортированы все нежелательные асоциальные элементы.

Негативный стереотип восприятия СССР на Западе сохранялся вплоть до второй половины 1980-х годов. «Холодная война» достигла кульминации. Прежний страх перед советской ядерной мощью, приглушённый в годы разрядки, появился вновь. В марте президент США Рональд Рейган, выступая перед Национальной ассоциацией евангелистов, назвал СССР «империей зла», позаимствовав образ из «Звёздных войн» Джорджа Лукаса. Президент заявил: «При обсуждении предложений о замораживании ядерного вооружения я настоятельно прошу вас избегать соблазна гордыни, соблазна необдуманно объявить себя превыше всего и навесить ярлык виновности в равной степени на обе стороны, игнорируя исторические факты и агрессивные порывы империи зла, чтобы просто назвать гонку вооружений гигантским взаимонепониманием и тем самым устраниться от борьбы между справедливостью и несправедливостью, между добром и злом» (20).

Образ «империи зла» тут же нашёл своё подтверждение, когда 1 сентября советский истребитель сбил над Сахалином южнокорейский пассажирский лайнер «Боинг-747», и погибли все 269 человек, находившиеся на борту. США и ведущие западные державы ввели в связи с этим санкции против советской гражданской авиации. В западной прессе прошла мощная антисоветская кампания. Американский президент Рональд Рейган назвал происшествие «преступлением против человечества, которое никогда не должно быть забыто», «актом варварства и нечеловеческой жестокости». Пресса приводила трагедию с «Боингом» как доказательство «бесчеловечности» советской военной доктрины.

Имидж Советского Союза упал до одной из самых низших отметок за всю историю, особенно на фоне продолжающейся афганской войны и отказа Кремля пойти на компромисс по поводу размещения в Европе ракет средней дальности. Советский лидер Юрий Андропов заявил по поводу инцидента с «Боингом» в узком кругу: «Людей, конечно, жалко, но наша служба ПВО действовала правильно» (21). Только во время визита в ноябре 1992 года в Сеул президент Борис Ельцин признал ошибочными

действия советского военного командования и выразил глубокое сожаление по поводу гибели самолета и его пассажиров.

Вскоре после инцидента с «Боингом» опасения по поводу Советского Союза на Западе уменьшились. Очевидная дряхлость, даже по сравнению с «поздним Брежневым», и неспособность из-за тяжёлых болезней полноценно управлять страной советских лидеров Юрия Андропова и Константина Черненко, что перестало быть тайной для западных наблюдателей, уменьшили страх перед агрессивными действиями, поскольку в советской системе власти такие акции могли предприниматься только с санкции первого лица.

От образа врага к образу партнёра

После провозглашения Михаилом Горбачёвым политики перестройки и нового мышления имидж страны начал меняться, став максимально благоприятным за всю историю СССР. После первой встречи с Михаилом Горбачёвым в 1986 году Рейган публично заявил о том, что больше не считает Советский Союз «империей зла». Очень скоро слова «гласность» и «перестройка» вошли в большинство европейских языков. В десятилетний юбилей горбачёвских реформ президент Римского клуба Р.Д. Холл заявил: «Перестройка — наиболее важное событие этого века для демократических стран всего мира» (22).

На Западе приветствовали согласие Горбачёва на вывод из Европы советских ракет средней дальности в обмен на обязательство США не размещать такие ракеты на Европейском континенте, одобрялось введение основных элементов свободы слова в рамках гласности и демократизации общественно-политической системы. В западных столицах приветствовали вывод советских войск из Афганистана, завершившийся в начале 1988 года. В высшей степени благоприятно было воспринято на Западе возвращение из ссылки академика Андрея Сахарова, освобождение всех политических заключённых, прекращение преследований диссидентов. Телефонный звонок Горбачёва Андрею Сахарову 15 декабря 1986 года с объявлением об окончании его ссылки был воспринят на Западе как настоящая сенсация и как знаковое событие, свидетельствующее о серьёзности начавшихся перемен.

Мир приветствовал Горбачёва за отказ от подавления силой «бархатных революций» в государствах Варшавского договора, согласие с объединением Германии и выводом советских войск

из Восточной Европы. Стиль и манера поведения Горбачёва очень импонировала западной публике. Сравнительно молодой и энергичный руководитель на фоне воспоминаний о совсем недавно правивших страной немощных старцев смотрелся весьма выигрышно. В западной прессе его наградили уменьшительно-ласкательным прозвищем «Горби». Для западного общественного мнения Горбачёв стал сильно улучшенным вариантом Хрущёва, без грубости, хамства и дремучей необразованности последнего, и олицетворением нового Советского Союза, стремящегося перестроиться на принципах уважения общечеловеческих ценностей.

Во время встречи на Мальте в 1989 году президент США Джордж Буш-старший прямо сказал Горбачёву: «Общественное мнение в США поддерживает Вас, решительно поддерживает перестройку, а также Вашу роль в развитии плюралистических процессов в Восточной Европе, роль, которая не сводится к сдержанности, а служит стимулом перемен» (23).

Бывший британский посол в Москве сэр Родерик Брейтвейт вспоминает, что у Горбачёва было всё — «новые идеи, энергия, хитрость, честолюбие и непреклонность, необходимые полити-

ку, чтобы взобраться по скользкому шесту на вершину власти. У него также хватало мужества мыслить неординарно... Величайшая заслуга Горбачёва состоит в том, что он облегчил России переход на путь глубокого исторического преобразования.... Терять империю больно, но ядерная война была бы ещё больней» (24).

На Западе Горбачёв до сих пор остается глубоко чтимым политиком. Он снял с Запада психологическое напряжение «холодной» войны, и Советский Союз перестал внушать страх. Закономерным стало присуждение Горбачёву Нобелевской премии мира за 1990

год. В связи с этим британская «Таймс» писала: «Многие ветераны “холодной войны”, в том числе Маргарет Тэтчер и президент Буш, поздравили Горбачёва с тем, что он осуществил то, к чему так долго стремился Запад: демонтаж советской империи... Чтобы ни случилось в дальнейшем, своими достижениями мирового масштаба г-н Горбачёв более чем заслужил не только Нобелевскую премию мира, но и благожелательного вердикта самой истории» (25).

Таким образом, в 1985–1991 годах произошёл радикальный перелом отношений между Западом и СССР, переход от образа врага, «империи зла» к образу партнёра. В целом можно констатировать, что в западном восприятии СССР соотношение критического и благожелательного варьировалось в разные эпохи и в разных странах. Это зависело от внешнеполитической и внутриполитической конъюнктуры и от международной ситуации в целом. Например, в 20-е годы в Германии Советский Союз воспринимался как потенциальный союзник против Версальской системы, и в образе СССР превалировали положительные черты. Напротив, после прихода нацистов к власти Советский Союз был одним из главных врагов на международной арене, а поддерживавшиеся Москвой германские коммунисты — главным внутренним врагом. Поэтому советский образ в германской прессе, поставленной под контроль министерства пропаганды, быстро превратился в карикатурный. Критика Москвы была прекращена после заключения пакта о ненападении 23 августа 1939 года, однако позитивный образ Советского Союза отнюдь не создавался. Преобладали нейтральные материалы. А 22 июня 1941 года антисоветская пропагандистская кампания в Германии, разумеется, возобновилась с невиданным прежде размахом.

Советский коммунизм укреплял людей Запада в приверженности демократии, рыночной экономики и охране прав личности. В то же время, у той части западной общественности, которая симпатизирует левым партиям и социалистическим идеям, в 1920-е годы советский эксперимент вызывал большой интерес, и надежду, что в случае его успеха нечто подобное можно будет повторить в европейских странах и США. Однако уже к середине 30-х годов насильственная коллективизация, голод, всеобщий дефицит и террор убедили большинство западных наблюдателей, что советский опыт для их стран никак не подходит, что основательно дискредитировало социалисти-

Французская карикатура

ческие идеи марксистского образца среди широких масс населения на Западе, но не среди интеллектуальной элиты. Окончательное же развенчание «большевистского эксперимента» в глазах западной общественности произошло в 1956 году, когда Хрущёв огласил на XX съезде партии доклад о сталинских преступлениях, который, несмотря на его секретность, вскоре был опубликован на Западе.

Естественно, в своём восприятии России Запад никогда не был беспристрастным. Россия и Советский Союз всегда были для западных стран не только партнёром, союзником или соперником (в зависимости от обстоятельств), но и неким культурным и политическим символом, знаковой фигурой на мировой геополитической доске.

Советский Союз на Западе по преимуществу не любили, зато прониклись горячей любовью в годы горбачёвской перестройки.

Примечания:

1. См.: Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы. М., 2007. С. 111.
2. Там же. С. 113.
3. Там же. С. 118–121.
4. *Gide A.* Retouches à monretourdel' U.R.S.S. Paris, 1937. P. 22.
5. Feuchtwanger L. Moskau 1937. Amsterdam, 1937. S. 32.
6. См., например: *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. М., 1992; *Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992; *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. Кремлевские тайны. М., 1997.
7. См.: *Чернышев А.* Гуманист, не веривший в прогресс // Алданов М. Дальние берега. Ижевск, 1990.
8. См.: *Троцкий Л.* Краткие комментарии к вердикту. Вердикт международной комиссии о московских процессах // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). 1938. № 62–63.
9. См.: *Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. М., 2001. С. 142–143.
10. *Туров А.* Личный сатанист Сталина // Ежедневный журнал. 2003. 10 июня.
11. *Pase M.* Stalin im Blitzlicht der Presse und Karikatur. Dresden, 1941.
12. Daily Express. 1943, 5 Jan.
13. *Замятин Д.Н.* Власть пространства: от образов географического пространства к географическим образам // Вопросы философии. 2001, № 9; *Юнглод В.Т.* «Образы российской империи» и внешнеполитическое пла-

нирование в США в 1944–1945 гг. // США: Экономика. Политика. Идеология. 1998. № 6.

14. См.: *Мяло К.Г.* Хождение к варварам, или Вечное путешествие маркиза де Кюстина // Москва. 1996. № 12.

15. *Lyons Eu.* Our Secret Allies. The Peoples of Russia. L.: Arco Publications Ltd., 1954.

16. New York Herald Tribune. 1961, 13 April.

17. См.: *Зорин В.С.* В космосе советский человек. М., 1961. С. 11.

18. См.: *Первушин А.* Битва за звезды. М., 2004. С. 17.

19. *Зубков С.А.* Формирование международного имиджа Н.С. Хрущева 1955–1964 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007.

20. President Reagan's Speech before the National Association of Evangelicals President Reagan addressed the annual convention in Orlando, Florida on March 8, 1983. // The Reagan information page <http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm>.

21. См.: Бывший первый секретарь Крымского обкома КПУ Виктор Макаренко: «Километровые очереди за водкой в народе окрестили «петлей Горбачева» // Бульвар. Ежедневник светской хроники. Киев, 2005. № 4, 25 января.

22. См.: *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация Т. 2. Часть 2. Западные левые и крах советского проекта. М., 2001. С. 312.

23. Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Г. Кодем 11 ноября 1989 года // Михаил Горбачев и германский вопрос. М., 2006. С. 89.

24. *Брейтвейт Р.* Прощание с тоталитарной системой // Форум мировой политики «Двадцать лет, «которые изменили мир». Турин, 4–6 марта 2005 г. / Выступления участников форума http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=475&art_id=24104.

25. The Times. 1990, 16 October; См. также: *Колесников Андрей.* Литература эпохи Барака // Газета. 2009, 16 апреля.

Лекция 6

Новая Россия

Какие особенности образа современной России? Как трансформировался он за почти два десятилетия существования постсоветского государства? В чём состояла зависимость этих трансформаций от российской внешней и внутренней политики?

Как это ни парадоксально, но и в восприятии нынешней России история продолжает играть ключевую роль. Особенно, когда мировые СМИ обращаются к российским правителям. При этом образы, к примеру, русских царей, нужны для того, чтобы более наглядно, образно, а точнее, более стереотипно представить для своих читателей Россию современную. Среди русских правителей чаще всего упоминаются имена Ивана Грозного (Ivan the Terrible – Иван Ужасный), Петра Великого (Peter the Great), Екатерину II (Katherine the Great) и Николая II в связи с большевиками. Общим для всех русских правителей является тирания, склонность к насилию, агрессивность и излишества. Взойдя на трон, они получали безграничные возможности для диктата собственной воли, не встречая никакого противодействия со стороны пассивного, забитого, запуганного общества и бездействующего закона.

Устойчивость исторических параллелей

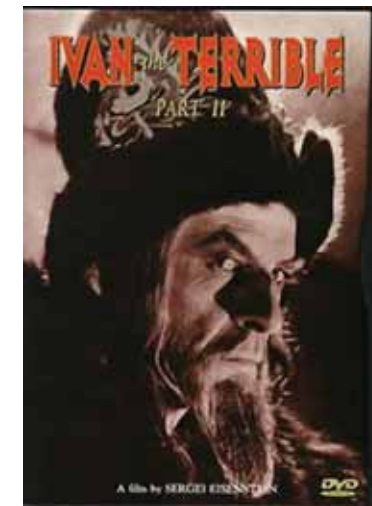
Параллели с современностью проводятся следующим образом: «Иван Грозный построил Собор Василия Блаженного... Мистер Ельцин потратил сотни миллионов из бюджета, чтобы сделать Кремль достойным царя» — писала английская газета 'The Guardian' в октябре 2000 г. То есть с каждым из популярных правителей связывается определённый комплекс сегодняшних ассоциаций, ожиданий и страхов. Этим объясняется востребованность в различные эпохи то одних исторических персонажей, то других.

Сотрудники Исследовательского центра компании E-generator, проанализировав свыше 500 статей в британских центральных газетах за 1998–2006 годы, пришли к выводу, что именно Иван Грозный для английского медиасознания символизирует Россию в целом и воплощает самые характерные черты российского правителя. В нём стереотип Иван как типичный «русский» наслаива-

ется на другой стереотип: дикие, склонные к насилию, brutальные, необузданные в любые времена русские. Имя Ивана Грозного наиболее часто появляется начиная с 2000-го года, что связано, в первую очередь, с началом правления Владимира Путина. Близость Путина Ивану Грозному проявляется, по мнению английских журналистов, в родстве методов управления государством: «В XVI веке царь Иван Грозный устраивал кровавую баню для своих подданных... Таков преимущественно русский стиль правления... Не будет преувеличением сказать, что эта традиция по-прежнему практикуется российскими государственниками, сторонниками «сильного государства», пользующимися благожелательным отношением Путина, и что пять веков после Ивана Грозного Россия просто покоится на единоличной воле» (1).

Кстати, фильм Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» в Англии является едва ли не самым популярным из российских художественных фильмов, судя по частоте его упоминаний в разном, порой неожиданном контексте, несмотря на более чем преклонный «возраст» и идеологическую тенденциозность этого шедевра советского кинематографа. Анонс выхода его на DVD в Британии сопровождался настоятельной рекомендацией рецензентов «обязательно посмотреть» этот «политический триллер», который «намного лучше, чем «Александр Невский» и «Броненосец Потёмкин», потому что в нём «прекрасно показана атмосфера».

Своеобразно также мнение о национальных героях России. В статье журнала The Times за октябрь 2000 года можно было прочитать: «Французы продолжают восхищаться Наполеоном и Жанной д'Арк, немцы — Бахом, Бисмарком или Гете. Русские всё ещё уважают Екатерину Великую, Ивана Грозного и даже Сталина как героическую гигантскую фигуру». Здесь интересно сопоставление Баха и Гете с Грозным и Сталиным и, по сути, отрицание (из-за умолчания) совершенно иных символов нацио-

нальной гордости, повод для которой российские граждане видят скорее в Пушкине, Толстом (или же в Гагарине), нежели в Сталине или Грозном.

Пётр I также вписывается в линию деспотизма. Однако этот персонаж используется для представления российской внешней политики как экспансивно-захватнической, колониальной. К этому контексту обращаются в связи с присоединением Кавказа, освоением Севера и Сибири и отношениями с прибалтийскими государствами. Так, в размышлениях о двух чеченских войнах, даётся историческая ссылка, согласно которой Северный Кавказ был присоединён к России в 1722 году Петром I, и с тех пор Кремль пытается навести там порядок. Черты колониальной политики видятся и в этапах освоения Севера и Сибири. Петра как «строителя» русского Севера, пишет один журналист, сближает со Сталиным город «Архангел» (вместо «Архангельск»), который был построен по принципу государственной интервенции. Пётр Великий решил, что это будет морская база. Каналы, связывающие город с Петербургом на юге, были построены посредством рабского труда при Сталине (2). Пётр I упоминается и в связи со своим скульптурным изображением, причём, в традиционном контексте «Пётр–Сталин». В информации о постперестроечной России 1999 года Пётр I упоминается в связи с Церетели, «столь же тиранически наводнившим Москву своими творениями, как Сталин в 1950-х. Грузинский художник и скульптор оставил свою монструозную метку на Москве 1990-х столь же определённо, если не столь же тиранически, как его соотечественник Сталин сделал в 1950-х. На Москве-реке церетелевский Пётр Великий идёт по воде и возвышается почти на 100 метров вверх. Ему удалось разрушить композицию Кремля» (3).

Уже восемнадцать лет стержневая линия в создании образа России связывается с темой распада СССР. Сначала исчезновение Советского Союза отнюдь не приветствовалось западными руководителями, так как это означало усиление нестабильности в мире и создание вакуума силы на постсоветском пространстве. Однако уже весной 1991 года, когда сепаратизм Прибалтики и ряда других советских республик уже стал вполне явным, а Литва даже провозгласила в одностороннем порядке независимость, западные наблюдатели стали понимать, что Советский Союз долго не просуществует.

Противоречивый Ельцин

Запад приветствовал Ельцина за то, что он не пытался сохранить Союз силой и согласился на вывод российских войск из республик Прибалтики. США и Западную Европу вполне удовлетворило то, что распад СССР прошёл практически мирно, в отличие от Югославии, без серьёзных военных столкновений. Ельцин также заслужил признательность западных правительств и общественности за то, что он обеспечил вывод советского ядерного оружия из государств СНГ.

В то же время западную общественность шокировали эпатажные выходы президента Ельцина во время визитов на Запад — невыход из самолета в Ирландии для встречи с руководством этой страны в 1994 году, дирижирование оркестром на торжествах по случаю завершения российских войск из Германии и другие аналогичные инциденты. Ельцин никогда не пользовался на Западе той же популярностью, что и Горбачёв, хотя Ельцину

Карикатура на тему противостояния Горбачёва и Ельцина

простили расстрел здания Верховного Совета в октябре 1993 года. Президент США Билл Клинтон даже назвал это событие «победой демократии». Простило западное общественное мнение Ельцина и победу в значительной степени недемократических президентских выборах 1996 года, когда наблюдалось колоссальное неравенство кандидатов в доступе к СМИ, когда в пользу Ельцина был задействован как административный ресурс, так и деньги олигархов, когда были зафиксированы существенные фальсификации в пользу кандидата партии власти.

В апреле 2007 года, после кончины первого президента России, британская газета «Индепендент» назвала его «человеком, победившим коммунизм». Канцлер Германии Ангела Меркель охарактеризовала Ельцина как «крупную фигуру на российской и международной политической арене, смелого борца за свободу и демократию и подлинного друга Германии». А президент США Джордж Буш-младший назвал Ельцина «деятелем исторического масштаба, служившим стране в период величайших перемен, сыгравшим ключевую роль в момент распада СССР и способствовавшим созданию основ демократии в России» (4).

Подводя итог политической деятельности Ельцина, газета «Вашингтон пост» писала в апреле 2007 года: «У Ельцина бывали огромные взрывы творческой энергии, чередующиеся с периодами болезни, алкоголизма и ухода от дел. Он мог сплотить вокруг себя страну, а затем исчезнуть, передав бразды правления своим коррумпированным соратникам. Он умел говорить красноречиво о свободе, но был склонен к авторитаризму и не выносил критики. Он говорил о реформах, но отдал промышленность страны в руки небольшой группы олигархов. Он закончил «холодную» войну (строго говоря, это сделал всё-таки Горбачёв — авт.), но начал новую и ужасную войну в Чечне» (5).

Восприятие Ельцина Западом та же газета оценивала не менее критично: «В эти годы восприятие Ельцина Западом колебалось не менее шизофренично. Сначала его считали опасным выскочкой: Джордж Буш-старший открыто отказался с ним встречаться. Потом он встал на броню танка в центре Москвы, призвал народ сопротивляться заговорщикам — и Запад повернулся на 180 градусов, назвал его героем и заключил в свои объятия — в том числе, и буквально. Обниматься с Ельциным любил канцлер Германии Гельмут Коль. Билл Клинтон вёл кампанию за переизбрание Ельцина. Международный валютный фонд создал для

России новые виды кредитов исключительно для того, чтобы иметь возможность дать Ельцину денег безо всяких условий. Однако даже в те дни, когда они с Клинтонем подолгу гуляли по лесам в окружении многочисленных телекорреспондентов, было ясно, что Ельцин бросает семена того отката от демократии, который мы наблюдаем в России сегодня. В годы его правления деньги МВФ переводились на тайные банковские счета. Сначала Ельцин распустил КГБ, а потом по-тихому восстановил его, чтобы следить за своими противниками. Несмотря на риторику ельцинской эпохи, в России по сей день нет того, что большинство из нас называет свободной рыночной экономикой. Хотя мы провозглашали Ельцина демократом, он не оставил после себя какого-либо подобия работоспособной демократии» (6).

Как легко убедиться, в отличие от Горбачёва, деятельность Ельцина на Западе получила довольно противоречивые оценки. Интерес к России постепенно падал. После объединения Германии Москва перестала рассматриваться как угроза Западу. Страх перед советской военной мощью исчез. Однако Россия так и не стала привлекательным бизнес-партнёром (за пределами энергетического сектора), перспективной экономикой для масштабных инвестиций. К середине 90-х годов криминализация российского бизнеса, возвышение российской исполнительной власти за счёт законодательной и особенно судебной привели к тому, что на Западе возобладал негативный образ России. Его символом стала «русская мафия», к которой причисляли всех криминальных авторитетов из бывшего СССР, независимо от их настоящей национальной принадлежности.

Переломным стал 1995 год. Война в Чечне подняла волну официальной критики в адрес наших властей, а наплыв российских бандитов в Америку скомпрометировал россиян в глазах простых обывателей. Наконец, российский финансовый крах 1998 года окончательно смыл былой глянец с образа «страны, совершившей побег из тоталитаризма в демократию». Сыграло, в частности, свою роль и то, что в результате дефолта пострадали многие мелкие западные инвесторы.

Германский журналист Герман Тёрч писал в 1995 году: «Мы не знаем, что произойдёт в Европе в ближайшие годы, даже в ближайшие месяцы. Но мы уже можем исключить кое-какие сценарии, которые вытекали из поражения советской империи. В России не будет гармоничного порядка по общим законам де-

мократии и рынка. Россия не станет либеральным правовым государством в обозримом будущем. Щедрая помощь извне не сможет заставить русскую нацию сделать огромный скачок, необходимый чтобы покрыть за несколько лет или десятилетий отсталость как минимум в два века в своем социально-политическом развитии. Этого не может быть и, кроме того, это невозможно» (7).

Западная общественность с недоумением взирала на российских миллиардеров и миллионеров, приобретших свои состояния, по западным меркам, незаконным путём. Эти олигархи, предпочитающие жить по преимуществу на Западе, откровенно сорили деньгами, что вызывало растущее раздражение западной общественности и прессы.

В западном обществе по отношению к России снова ожили многие стереотипы времен «холодной войны». В 2003 году по заказу РИА «Новости» агентство «Мори» в Англии и США провело опросы на тему «Что в первую очередь приходит вам в голову, когда вы слышите слово “Россия”?»

Вот мы и вернулись

В Англии:

- на первом месте оказались «холод, снег, меховые шапки, тёплая одежда»,
- на втором месте — «политика, коммунизм, Сталин, Ленин, Троцкий»,
- на третьем — «обнищание, длинные очереди»,
- на четвёртом — «Москва, Кремль»,
- на пятом — «водка, алкоголь, пьянство»,
- на шестом — «мафия, преступность, жестокость»,
- на седьмом — «вооруженные силы, Красная армия, КГБ».

В Соединённых Штатах:

- первое место заняли слова «коммунизм» или «крах коммунизма» и «политика»,
- второе место — «холодная война, гонка вооружений, КГБ»,

- третье место — «холодная погода, снег»,
- четвертое место — «коррупция, преступность, мафия, насилие»,
- пятое место — «Москва, Кремль»,
- шестое место — «водка, алкоголь, пьянство» (8).

Нетрудно убедиться, что подавляющее большинство ассоциаций со словом Россия восходит ещё к советской эпохе и носит отчётливо негативный характер. Интересно, что у россиян ассоциации со словом «Россия» и «русский» оказались совсем иными. В числе устойчивых, стереотипных ассоциаций с образом России московские студенты (преимущественно русские по национальности) в начале XXI века в первую очередь упоминали мороз, шапку-ушанку, балет, водку, Сибирь, Кремль. В политической сфере наиболее часто ассоциирующиеся с Россией словами оказались «коммунизм», «олигархи», «коррупция». К позитивным чертам образа России студенты, прежде всего, отнесли природные ресурсы, благодаря которым поддерживается устойчивый интерес к России в мире, а также богатое культурное наследие. В целом положительно оценивались ими российской военной мощи и способность России противостоять американскому влиянию (9).

Негативный образ современной России существует сегодня не только в США и Западной Европе, но и в Японии. Здесь он имеет более глубокие корни, связанные с советским нападением на Японию в самом конце Второй мировой войны и продолжающимся территориальным споре о принадлежности Южно-Курильских островов. Так, управляющий директор Департамента японистики и интеллектуальных обменов Японского фонда Комицу Дзюньэцу признавал в 2005 году, что в «Японии очень плохой образ России», но ответственность за это возложил на российское правительство, которое не работает над улучшением имиджа своей страны (10). Главный парадокс заключается в том, что богатая и благополучная Япония, тратит немалые средства для создания положительного имиджа страны и её народа во

*Галстук «Ushanka»
(США)*

всём мире. Россия же, чей образ в Японии всё ещё остаётся образом нищей страны, где люди готовы работать за миску риса, а по улицам городов бродят белые медведи, на государственном уровне не прикладывает практически никаких усилий, чтобы выглядеть в глазах японцев лучше (11).

В то же время опрос, проведённый в 2006 году компанией Harris Interactive в США и пяти европейских странах, показал, что большинство опрошенных жителей Франции, Германии, Италии и Испании считает Россию больше партнёром, чем конкурентом. В США и Великобритании ситуация противоположная: здесь большая часть респондентов видит в России прежде всего конкурента, но не врага (12). Эти результаты говорят о том, что каких-либо серьёзных антироссийских предубеждений, и в случае позитивных изменений в российской политике положительный имидж России может легко укорениться в массе европейцев и американцев. Характерным также является то, что западная общественность к русским (россиянам) относится лучше, чем к России.

Поворот власти к проблеме имиджа страны

Российская власть стала внимательно следить за реакцией Запада по поводу развития современной России. В июле 2004 года Владимир Путин на встрече с российскими послами заявил: «Против России проводится спланированная акция по дискредитации... Представления о России, существующие в странах вашего пребывания, часто далеки от реальности. Нередки и спланированные кампании по дискредитации страны, вред от которых очевиден и для государства, и для отечественного бизнеса». Отныне перед послами стоит задача по формированию позитивного имиджа России за рубежом, в создании благоприятных представлений о внутренней и международной политике России, её истории и культуре. По словам Путина, имидж России надо улучшать, прежде всего, в странах СНГ, а также в США, Европе, Китае, Индии и Японии. Президент призвал разработать материалы о России для каждой страны, с учётом её национально-культурных особенностей (13).

И заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков утверждал в 2006 году: «От того, как мы будем относиться к своей стране, зависит отношение к нам иностранцев. Кстати, зарубежные политологи всегда относят Россию к семёр-

ке государств — мировых лидеров, а это значит, что к нам относятся с уважением, как бы наши конкуренты не старались создать иной имидж России» (14).

Приведём в этой связи показательный обзор мнений ведущих журналистов и политологов России.

Например, журналисты Сергей Соловьев и Владимир Матизен считают, что «все попытки создать новый образ России с помощью классических шедевров, а также традиционных напыщенных кокошников и матрёшек не удаются. «Имиджевая революция» ничего, кроме недоверия, не вызвала, и на Западе нашу страну продолжают воспринимать как страну медведей, морозов и терактов» (15).

Глеб Павловский признаёт: «Образ России сейчас действительно во многом негативен. Западные страны бесконечно шарахаются от образа России — такого плохого неисправимого ученика, который должен учиться, но постоянно прогуливает уроки и пропускает экзамены. Это, безусловно, опасный момент, и мы должны его постоянно учитывать. Сейчас в мире

спрос на bad Russia (плохая Россия). Основательно исправить эту ситуацию нам не удастся, пока не сложится новый мировой порядок» (16).

Александр Гольц считает, что «сколько бы прокремлёвские аналитики ни говорили о возросшем международном авторитете России, на самом деле он очень невысок. Москву не уважают, её моральный авторитет равен нулю. Но её и не боятся, потому что в Кремле достаточно разумны, чтобы даже не пытаться предпринять военные усилия, которые могут рассматриваться как угроза» (17).

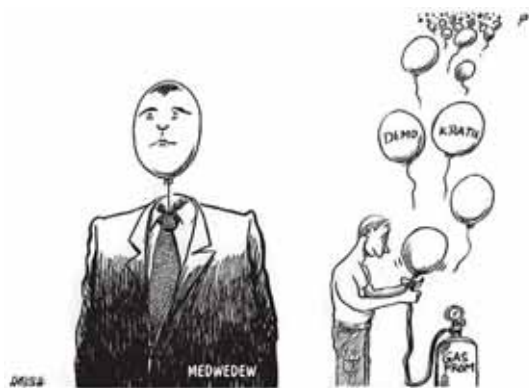
Борис Кагарлицкий, директор Института проблем глобализации, по поводу зарубежного образа России отмечает: «Проблема негативного имиджа страны в том, что Россия слишком сильно об

этом имидже заботится. На самом деле у России, как и у любой периферийной страны, не может быть равного веса со странами-лидерами. Это азбука капитализма. А российская элита постоянно пытается вести себя, как подобает наследникам великой империи. У России имидж не негативный, а анекдотический» (18).

О.В. Зегонов, исходя из материалов Международного информационного агентства «Франс пресс», выделил основные темы, вокруг которых строится сегодня, прежде всего, в западных СМИ, освещение событий в России. Это личность российского президента, вопросы прав человека и свободы слова, проблемы ксенофобии и расизма, Чечня, в частности, и Северный Кавказ в целом, «силовые» тенденции в развитии российского государства. К этой «пятёрке» ключевых тематических фильтров, через которые традиционно проходит весь новостной материал из России, с недавнего времени добавились темы «энергетического оружия, используемого в политических целях», двоевластия после президентских выборов, а также тема пугающей западную общественность деятельности российских спецслужб. Эти три условно «новых» сюжета на самом деле являются продолжением

первых пяти: обвинения России в использовании энергетических ресурсов для достижения политических целей, например, плавно вытекают, в глазах многих иностранных журналистов и редакторов, из истории компании «ЮКОС» (19).

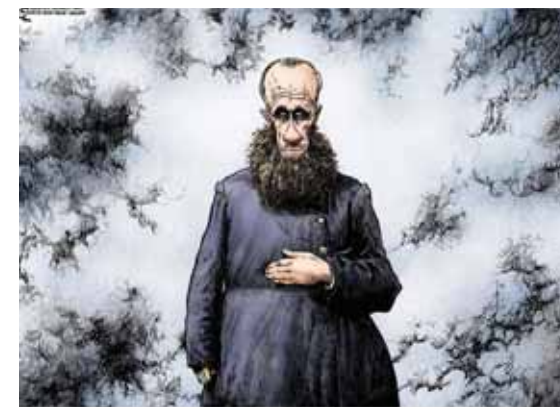

По общему мнению, сильно подпортило имидж российской власти убийство в Лондоне бывшего сотрудника ФСБ Александра Литвиненко. В частности, стал известен тот факт, что во время тренировочных стрельб бойцы спецподразделения «Витязь» вели огонь по мишеням с изображением человека, как утверждали командиры, «просто очень похожего» на Александра Литвиненко. Лондонская «Таймс» писала: «Даже для таких не склонных к сантиментам структур, как различные российские разведывательные ведомства, использование для тренировочных стрельб спецназа фотографии убитого неделей ранее диссидента-эмигранта кажется чем-то экстраординарным» (20). По мнению этой газеты, дело Литвиненко добавило свой штрих к российскому образу в тот самый момент, когда западные политики начали всерьёз беспокоиться по поводу новых самоуверенных действий авторитарного правительства России за рубежом и зависимости Западу от этого раздражительного партнёра в жизненно важных энергетических потребностях.

Российские власти склонны относить не слишком благоприятный образ России, складывающийся на Западе, на счёт тех, кто его там профессионально создаёт. Так, в июле 2006 года московский мэр Юрий Лужков заявил, что негативный образ России на Западе формируют советологи, работавшие ещё во времена СССР. Он сокрушался по поводу того, что «российскую политику продолжают анализировать на основе тех самых вековых стереотипов, представлений о том, что для России якобы характерны «авторитаризм», «имперскость», «экспансия». Это объяс-

няется тем, что формирующие образ России на Западе бывшие советологи стремятся «оживить страхи западных обывателей перед «дремучей Россией» и освоить десяток-другой грантов на спекуляциях вокруг «возрождения советского Франкенштейна» и наступления «конца времен», которые якобы тут же и случаются, как только российское государство ещё немного окрепнет». И это происходит в то время, «когда Россия обрела реальную силу» (21).

Два месяца спустя тот же Лужков утверждал, что на Западе целенаправленно формируется негативный образ России. Мэр привёл в пример изданный на Западе путеводитель по Москве, представляющий столицу России в самом мрачном свете, несмотря на то, что только в 2006 году Москву посетили 3,5 миллиона туристов. Формирование негативного

образа Москвы Лужков счёл частью той системы взглядов, которая культивируется в отношении России на Западе.

Действительно, образ страны формируют работающие в ней корреспонденты, а также эксперты из научного сообщества. Последние, в большинстве своём, начинали научную карьеру ещё в советские времена. Однако и корреспонденты, и бывшие советологи, переименованные теперь в «россиеведов» и «кремлинologов», всё-таки отталкиваются от реальных фактов российской внутренней жизни и внешней политики. Конечно, трансляторы образов России зачастую находятся под влиянием стереотипов, сложившихся ещё в годы «холодной войны». Но их сохранению немало способствуют реальные факты российской жизни. Ведь имидж страны формируется благодаря деятельности власти, бизнеса и общества. Как отмечает генеральный директор Совета по национальной стратегии Валерий Хомяков, «есть три основных критерия, которым должна соответствовать страна, чтобы современные западные соседи стали её уважать: свобода слова, стабильная экономическая ситуация и возможность инакомыслия» (22). Из этих компонентов в России до 2008 года имелась только экономическая стабильность.

Существует ряд журналистов и политологов в Европе и США, которые вину за негативный имидж России на Западе склонны возлагать не только на российские власти, но и на правительства своих государств. Например, известный американский историк и политолог Стивен Коэн утверждал в июле 2006 года, что «с начала 1990-х годов Вашингтон, как при демократах, так и при республиканцах, придерживается по отноше-

нию к постсоветской России двух диаметрально противоположных курсов одновременно: один - декоративный и внешне дружелюбный; второй - реальный и все более безответственный».

«Декоративный» включал в себя демонстративный отказ

от целей эпохи «холодной войны» и лозунг установления «стратегического партнёрства и дружбы с Россией». По словам Коэна, «символом этого курса становятся рассчитанные на публику дружеские встречи американских и российских президентов — сначала «Билла с Борисом» (Клинтона с Ельциным), потом «Джорджа с Владимиром» (Буша-младшего с Путиным)».

Реальный же политический курс, как пишет Коэн, свёлся к тому, что «Вашингтон беззащитно пользуется ослаблением России после 1991 года, руководствуясь принципом «победитель получает всё». Эта политика, сопровождающаяся нарушением обещаний, высокомерными нотациями и требованиями односторонних уступок, выглядит даже более агрессивной и бескомпромиссной, чем линия США в отношении коммунистического СССР. Резкая антироссийская направленность этого курса заставляет всерьёз усомниться в двух тезисах, которые американские официальные круги и СМИ преподносят как некие аксиомы: о том, что нынешнее «похолодание» в американо-российских отношениях вызвано внутренней и внешней политикой Путина, и о том, что «холодная» война завершилась полтора десятка лет назад. Первая «аксиома» полностью лжива, вторая — правдива лишь наполовину: «холодную войну» прекратила только Москва, но не Вашингтон» (23).

Коэн утверждает: «Путину удалось создать себе имидж человека, радеющего о каждом гражданине России. Президент делает это вопреки желанию злостных чиновников и олигархов разворовать и разграбить всё в России. В этом Путин, этакий виртуальный президент, преуспел не менее знаменитого волшебника из страны Оз. Президент даёт каждому россиянину надежду получить то, что он хочет получить более всего, и прежде всего — «восстановить справедливость». Однако эти качества второго российского президента — ещё не повод «подвергать Россию анафеме», как выразился Горбачёв. Коэн с сожалением отмечает: «Влиятельные редакционные страницы пестрят выступлениями воскресших ортодоксов “холодной войны” во главе с Washington Post, чья непрекращающаяся демонизация путинской “автократии” и “грубого неоимпериализма” напоминает ушедшую в прошлое “Правду” на Потомаке». А в передовой статье консервативной New York Sun сегодняшние американо-российские отношения вообще представлены как «дуэль до смерти одного из участников, возможно, в буквальном смысле» (24).

Мэр Москвы Лужков и права человека

Коэн полагает, что в случае, если подобная антироссийская кампания продолжится, то Кремль рано или поздно также перейдет к конфронтации со всеми вытекающими отсюда опаснейшими последствиями для всего мира.

Ныне Россия для Запада — не просто одна из великих держав (а в недавнем прошлом — одна из двух мировых сверхдержав). Она всегда отражала страхи и надежды различных сегментов западного общества. После краха советского коммунизма в 1991 году Россия в большей степени, чем любое другое постсоветское государство, укрепляет Запад в его чув-

стве превосходства его политической и экономической моделей развития. Вместе с тем, опыт России усилил сомнения на Западе в пригодности демократии и рыночной экономики для всех стран мира.

Значительная часть западной элиты разделяет антироссийские настроения не только вследствие существующих стереотипов и недостатка достоверной информации о России, но и вследствие восприятия России как страны, культурно и ментально чуждой Западу и проводящей антизападную политику.

Американский политолог Гордон Хан подчёркивает большую роль в формировании негативного об-

раза современной России той группы западных учёных и политиков, которые полагают, что российская политическая культура и ментальность тормозят развитие демократии в стране. По их мнению, без смены политической культуры Россия всегда будет оставаться авторитарной империей, склонной к экспансии и противостоящей Западу. По мнению Хана, ряд экспертов концентрируют внимание на тех аспектах российской жизни и политики не в силу их реальной значимости, а потому, что они укладываются в выдвинутые ими концепции. При этом они совершенно искренне убеждены в объективности своей позиции, полагая, что, как пишет политолог, «открывают Западу глаза» на подлинную Россию, помогая понять суть этой страны, якобы затуманиваемую теми, кто «игнорирует реальность» (25).

Сегодня подавляющее большинство жителей западных стран очень мало знает о России и не интересуется ею. В советское время интерес к нашей стране на Западе, да и во всём мире был значительно большим. Хотя на рубеже 1980—1990-х годов беспрецедентные общественно-политические трансформации, происходившие в России, привлекли к ней внимание (причём, безусловно, благожелательное), в конечном счёте, период этот оказался сравнительно коротким. Сейчас место «холодной» войны в умах западной общественности заняли проблемы борьбы с мировым кризисом, международным терроризмом, галопированием цен на нефть, войны в Ираке и Афганистане, израильско-палестинский конфликт, иранская ядерная проблема, растущая экономическая мощь Китая.

По оценке исследователей Фонда «Общественное мнение», американцев мало интересуют актуальные новости из России. Образ нашей страны в американском сознании — констатируют они — во многом опирается на события исторического прошлого» (26).

Есть немало косвенных свидетельств, позволяющих утверждать: в восприятии России рядовым западным обывателем в последнее десятилетие преобладает безразличие, а не симпатии или антипатии. Интерес западного обывателя к России носит эпизодический характер. Как правило, он обостряется в связи с конкретными — чаще всего сенсационными и не способствующими улучшению репутации нашей страны событиями внутренней и внешней российской политики.

В то же время, новые геополитические реалии, отражающие укрепление роли России в мировой политике и мировой экономике, ведут к оживлению антироссийской риторики. Стремление России вернуть утраченные после распада Советского Союза позиции и проводить курс, продиктованный её собственным пониманием национальных интересов, вызывает всё большее раздражение многих западных политиков. В этой ситуации манипулирование образом России и спекуляции вокруг её репутации часто становятся одним из способов противодействия подобным усилиям.

Вместе с тем по мере восстановления Россией статуса одной из ведущих держав мира происходит не только усиление «обличительной» тональности в западных трактовках новых тенденций российской политики или же процессов внутривнутриполитического развития страны. Часть политической и интеллектуальной элиты Запада начинает болезненно реагировать на действия своих политиков и бизнесменов по отношению к России — особенно в тех случаях, когда они продиктованы соображениями реализма. Такая политика подвергается критике как недопустимое потворство отступлению официальных российских властей от принципов демократии и либеральной рыночной экономики. Это — отражение обостряющегося в сегодняшней общественно-политической жизни Запада конфликта между ценностным и прагматическим подходом к внешнеполитическим проблемам.

В заключение обратимся к новейшему опросу, проведённому компанией GlobeScan по заказу BBC в 2009 году. Прежде всего, он показал, что большинство россиян уверены, что их страну в мире считают «силой добра». 66% россиян считают, что Россию в мире считают «несущей добро». Только 13% думают, что их страну воспринимают как «угрозу миропорядку», а ещё 12% уверены, что Россию считают «угрозой для её соседей». На мнение россиян не повлияли ни газовый конфликт с Украиной, ни война с Грузией. На мнение граждан России не повлияли газовый конфликт с Украиной, угрозы размещения ракетных комплексов «Искандер» в Калининграде и даже вторжение российских войск на территорию Грузии и война в Южной Осетии. Только 28% россиян считают, что имиджу России повредила война с Грузией, и 24%, что на него повлиял конфликт с Украиной.

«Тот факт, что две трети россиян положительно оценивают роль нашей страны на международной арене, на наш взгляд,

свидетельствует о том, что внешняя политика России является предметом широкого согласия в обществе, и подтверждает правильность выбранного нами самостоятельного внешнеполитического курса», — прокомментировал результаты опроса BBC и глава российского МИДа Сергей Лавров.

Своими главными мировыми партнёрами россияне видят Белоруссию (38%), Казахстан (23%), Китай (14%), Германию (13%), Францию (11%), Индию (4%), Венесуэлу (4%) и США (3%). Ещё 12% россиян уверены, что у России союзников нет. «Речь сегодня должна идти о партнёрах, преследующих те или иные совпадающие интересы, а не объединяющихся против каких-то других стран», — уверен Лавров.

Другой опрос GlobeScan показывает, что россияне серьёзно ошибаются, полагая, что в мире Россию видят «силой добра». 42% жителей 20 стран мира считают влияние России негативным. И только 30% придерживаются противоположного мнения.

Лидером этого опроса среди государств стала Германия. Позитивной её роль назвали 61% респондентов, а негативной — только 15%. Позитивнее России также считают Канаду, Великобританию, Японию, Францию, Бразилию, Индию, ЮАР, Китай и США. Худший имидж, чем у России, удалось создать Израилю (положительных отзывов — 22%, негативных — 52%), КНДР (20% и 51%), Пакистану (16% и 56%) и Ирану (17% и 58%) (27).

Примечания:

1. Белоусов Константин, Телегина Ирина. СМИ Британии: колониализм и охота на крыс на российском престоле: от Ивана Грозного до Владимира Путина // <http://www.inosmi.ru/translation/240666.html> (2008, 7 апреля).
2. Там же.
3. Там же.
4. The Independent. 2007, 25 April.
5. The Washington Post. 2007, April 24.
6. Там же.
7. См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация Т. 2. Часть 2. М., 2001. С. 318.
8. Насколько близки Россия и Великобритания // <http://www.russian-london.com/print/18526/> (2003, 26 июня).
9. Там же.
10. Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. С. 387.

11. Там же. С. 476.
12. Репутация России в глазах американцев заметно ухудшилась // <http://gtmarket.ru/news/state/2007/08/15/1354> (2007, 15 августа).
13. См.: Независимая газета. 2004, 17 июля.
14. См.: Известия. 2006, 5 октября.
15. Новые известия. 2005, 26 октября.
16. Там же.
17. Ежедневный журнал, 2008, 18 февраля.
18. Там же.
19. *Зегонов О.В.* «СМИ vs Россия»: возможен ли диалог? // Алтайская школа политических исследований. Современная Россия и мир: Альтернативы развития (Международный имидж России в XXI веке / http://ashpi.asu.ru/talks/th_s_2007/th_s02/zgnv.html.
20. The Times, 2007, 30 January.
21. Общая газета. 2006, 15 июля.
22. Известия, 2004, 14 июля.
23. *Козн С.* Новая «холодная война» с Россией // Новый журнал. 2007. № 248.
24. Там же.
25. *Вайнштейн Г.* Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // Неприкосновенный запас. 2007, № 1 (51). С. 82–84.
26. Там же.
27. См.: *Айзенштадт Даниил.* Имидж ничто, Россия всё // Газета.ru 2009, 22 апреля.

Литература ко II теме:

- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973.
- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII – первая четверть XVIII века. М., 1976.
- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.
- Вайнштейн Г.И.* Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // Неприкосновенный запас. 2007, №1 (51).
- Виноградова И.* Образ России за рубежом: Как отпирить родину // Известия, 14 июля 2004 г.
- Герберштейн С.* Записки о Московии (XV–XVI века). М., 1988.
- Горсей Д.* Записки о России XVI – начало XVII веков. М., 1990.
- Зорин В.А.* В космосе советский человек (Космос и политика). М., 1961.

- Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Т. 1–2. М., 2007.
- Карнаухов Д.В.* Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV–XVI вв. // История и историки, 2005. № 1.
- Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
- Куланов А., Молодяков В.* Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007.
- Кустарев А.* Россия и Европа // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51).
- Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1990.
- Кюстин А.* Россия в 1939 году. М., 1992.
- Лапкин В.В., Пантин В.И.* Динамика образа России и циклы реформ-контрреформ // Неприкосновенный запас. 2007. №1 (51).
- Лебедев В.* История приходит с Запада // Чайка. № 7 (90), 1 апреля 2007 г.
- Малкин В.И.* The Sud'ba of Dusha // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51).
- Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2, 3.
- Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI–XVIII веков. СПб., 1999.
- Наринский М.М., Поздеева Л.В.* и др. Взаимные представления: имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995.
- Паперный В.* Вера и правда: Андре Жид и Лион Фейхтвангер в Москве // Неприкосновенный запас. 2003. № 4 (30).
- Первухина-Камышинова Н.* Россия в представлении американцев: истоки образа и его эволюция // Отечественные записки. 2007. № 5.
- Поздеева Л.В.* Лондон – Москва: Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 1999.
- Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ): Сборник статей / Сост. В. Б. Кувалдин. М., 2005.
- Рибер А.* Изучение истории России в США // Исторические записки. М., 2002. Т. 3 (121).
- Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.
- Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996.
- Россия 1-й половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991.
- Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989.
- Сведения о России в немецкоговорящем пространстве XVIII в. Наука и публицистика о Российской империи. Бонн, 2006.

Семенов И. С. Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51).

Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития. (К постановке проблемы) // Полис. 2006. № 6.

Скрынников Г. П. Проезжая по Московии. М., 1991.

Соловьев С., Матизен В. Глянцевая Русь. Положительный экспортный имидж России вызывает на Западе недоверие // Новые известия. 2005, 26 октября.

Стахов Д., Кротков А. Имидж России. Как быть любимой // Огонек. 2002. № 8.

Фомин В. В. Варяжский вопрос в творчестве М. А. Алпатова // История и историки. 2004. № 1.

Хмельницкий Д. Сталин глазами Запада // День. 2004. № 5, 17 мая.

Фоглесонг Дэвид С. Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию». Торжество «миссионерского» мышления над русофилией, 1885 — 1905 гг. // Россия XXI. 2002. № 5.

Фоглесонг Дэвид Э. «“Бог сидит в углу — но ждёт”»: американская мечта о преобразовании России во время Второй мировой войны» // Новая и новейшая история. 2003. № 1.

Юнблюд В. Т. Образы российской империи и внешнеполитическое планирование в США в 1944—1945 гг. // США: Экономика. Политика. Идеология. 1998. № 6.

Malina Martin. Russia under Western Eyes. From Bronze Horseman to Lenin Mausoleum. Harvard University Press, 1999.

Baker Peter, Glasser. Kremlin Rising. Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution. New York, 2000.

Poe Marshall T. The Russian Moment in World History. Princeton University Press, 2003.

Aron Leon. Russias's Revolution. Essays 1989—2000. Washington, D.C., 2007.

ТЕМА III

ФАКТОРЫ И ГРАНИЦЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ

Лекция 7

Государственная политика и национальные интересы

Существующий в мировом общественном мнении образ той или иной страны складывается в ходе весьма сложного процесса и подвержен влиянию разнородных факторов. Поэтому, когда мы говорим об имидже России в мире, то это предполагает уяснение механизма этого процесса. Какие силы участвуют в нём? Каким образом имиджевые проекты, осуществляемые государством, учитывают различные объекты политического позиционирования? С какими трудностями сталкивается Россия при продвижении своего образа в мире?

Взаимосвязь политики и имиджа

Методология подобного рода вопросов изучена весьма слабо. Нет полной ясности в понимании механизма эволюции образа. Это объясняется тем, что имидж той или иной страны (и Россия в данном случае не является исключением) определяется не только её объективными характеристиками, реальными достоинствами или недостатками. Важны специфика субъективного восприятия зарубежной аудитории, установки этой аудитории, инерция культурно-политических предубеждений, штампы исторической памяти. Следовательно, попытки найти прямую взаимосвязь между реальными характеристиками страны и её политики, с одной стороны, и её имиджем, с другой, не очень продуктивны. Характер восприятия той или иной страны во многих случаях говорит о субъекте её восприятия не меньше, чем о самой этой стране.

Авторитетный американский учёный Мартин Малиа считает, что в западном общественном мнении существуют расхожие клише относительно России. Объясняется это не столько проб-

лемами самой России, сколько проблемами Запада. Западное общественное мнение традиционно демонизировало или, напротив, идеализировало Россию. Причина заключается не в её реальной роли в Европе, а в собственных страхах, или же в собственных надеждах и ожиданиях (1).

Трудно ожидать, что восприятие России за рубежом может быть полностью объективным и беспристрастным. Для западной общественности Россия всегда была неким объектом сопоставления — объектом, предоставляющим ей образцы, или же, напротив, анти-образцы решения своих собственных (т.е. западных) проблем. На протяжении многих веков Запад смотрел на Россию в значительной мере с целью самопознания. Это было «самопознание от противного». Восприятие царского деспотизма в России укрепляло Запад в его приверженности своим просвещённым политическим и социальным институтам. В реалиях «советского коммунизма» Запад видел убедительный аргумент, благодаря которому он утверждался в своём выборе в пользу демократии и рынка. То есть, исторически Россия была как бы тем зеркалом, в котором Запад видел свою противоположность.

Вместе с тем, хотя восприятие России действительно своеобразная призма, сквозь которую «западный человек» в значительной мере осмысливает свои проблемы, отношение Запада к России никогда не было единодушным и однозначным. И в огромной степени это связано с неоднородностью самой западной аудитории. Упомянувшийся уже Мартин Малиа справедливо подчеркивает, что европейские представления о России являются отражением её восприятия «соперничающими между собой Западами». Левые и правые, рационалисты и романтики, или в другом смысле, англичане и французы, немцы и поляки, в одно и то же время воспринимают Россию по-разному. В глазах одной западной нации

или одного идеологического лагеря действия России на международной арене выглядят угрожающими, тогда как в другой период, или же в глазах другой социальной или политической группы западной общественности аналогичные действия России воспринимаются с безразличием или даже с восхищением (2).

Всё это надо иметь в виду, когда речь идёт о государственной политике по формированию имиджа страны. Вопрос о том, какие цели преследуются при этом, по-разному решается экспертами. Некоторые из них видят причину этого в самооценности благоприятного имиджа. В рамках этого направления выделяются три типа внешней политики:

- политика *status quo* (сохранение власти);
- политика империализма (усиление власти);
- политика престижа (демонстрация власти) (3).

Цель политики престижа, к примеру, заключается в том, чтобы впечатлить *другие* страны той мощью, которой в действительности обладает страна, или же мощью, несуществующей в действительности, но в которую должны поверить.

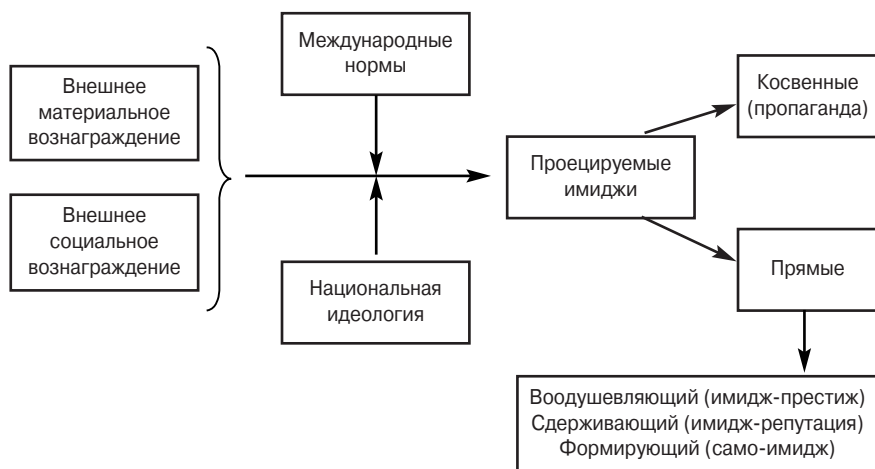
Для второй группы экспертов ключевым моментом в осмыслении причин создания благоприятного имиджа государства выступает понятие «репутации». Репутация — это совокупность характерных черт, на основе которых возможно предсказать или объяснить будущее поведение. Из этого определения следует, что правительства стран считают свою репутацию важным фактором в силу того, что, по их мнению, другие опираются на неё для предсказания их последующих действий (4).

Однако представители обеих групп экспертов не дают заслуживающего внимания ответа на вопрос о том, что является основой формирования национального имиджа государства. С точки зрения первых, правительства, подобно отдельным людям, по своей природе стремятся к созданию имиджа силы. По мнению вторых, правительства принимают решение о том, какой имидж нужен на данный момент, в зависимости от сиюминутной ситуации. Если требуется предотвратить враждебные действия со стороны другого государства, они, скорее всего, прибегнут к формированию имиджа твёрдой, непоколебимой державы. Если же необходимо добиться сотрудничества с другими странами, будет создаваться имидж партнёра, заслуживающего доверие.

Таким образом, одни эксперты считают национальные имиджи не меняющимися с течением времени, другие — рас-

смаатривают имидж государства как явление, полностью зависящее от ситуации.

Многие специалисты по имиджу пытаются составить оптимальную модель формирования политического имиджа государства. К примеру, предлагается следующая её схема (5):

По этой схеме, мотивами формирования того или иного имиджа государства являются:

- *внешнее материальное вознаграждение;*
- *внешнее социальное вознаграждение.*

Материальное вознаграждение представляет собой выгоду для государства — привлечение иностранных инвестиций, выгодные договоры о сотрудничестве и т.п. Мотивом может выступать и нежелание подвергнуться внешнему материальному наказанию, под которым подразумеваются различные экономические санкции, военные действия и т.п. Под внешним социальным вознаграждением/наказанием понимается позитивное/негативное отношение других стран, что связано с имиджем носителя. Данное явление можно причислить к мотивам целенаправленного формирования имиджа государства в силу того, что позитивное/негативное отношение других стран, что связано, в частности, с признанием легитимности правительства страны. Уважение и престиж за рубежом укрепляют положение правительства в самой стране, тогда как негативное отношение вносит

существенный вклад в потерю правительством поддержки со стороны народа.

На формирование политического имиджа страны оказывают влияние такие факторы как общепринятые международные нормы и господствующая национальная идеология. В случае эволюции международных норм и национальной идеологии политический имидж соответственно также претерпевает некоторые изменения.

Известно, что на частном, индивидуальном уровне границы образа той или иной страны зависят от воспитания и образования, от впечатлений при её посещении и личного опыта общения с людьми, от влияния моды и т.д. Иное дело образ официальный. На этом уровне формируются требования, предъявляемые к имиджу страны, определяется его «экспортное» содержание и защита от сторонних вмешательств.

Однако надо иметь в виду, что ревностное отношение власти к тому, как должна выглядеть Россия в зеркале мировых СМИ на практике нередко укрепляет иностранных журналистов в стремлении использовать иные образы, прибегать к «контрэпитемам». Давно замечено, что когда государство берет на себя все «имиджевые риски», не стоит удивляться тому, что и критика направлена в основном в его сторону. Но даже относительно лояльное отношение со стороны СМИ к информационным поводам предполагает наличие трёх компонентов:

- *восприятие контекста, в котором происходят события;*
- *мнение о распространителях информации;*
- *степень открытости источников для прямой эксклюзивной работы.*

Безусловно, и прошлое остаётся неизменным фоном текущей политики. Это отчётливо проявляется в последние годы на примере Украины и Грузии. Но это явление последних лет. Глубокая же память характерна, к примеру, для Польши и восточ-

ных земель Германии, старшее поколение которых вспоминает преступления РККА против мирного населения в 1944–1945 годах. В Японии не забыли нарушение СССР пакта о ненападении, разгром Квантунской армии в 1945 году, захват Курильских островов. В Южной Корее значительное число интеллектуалов обвиняет СССР/Россию в развязывании войны 1950–1953 годов и расколе страны на две части.

Стратегия формирования имиджа

Долгое время единое понимание имиджа новой России, по признанию многих экспертов, отсутствовало. Не было стратегии его формирования, в том числе внутри страны. Для этого необходимы были размышления над новыми образами, над тем, какие ситуации для чувства гордости можно предложить людям вместе с такими советскими достижениями, как полёт Гагарина и победа над фашизмом. И здесь крайне важно подчеркнуть, что решающее влияние на формирование образа страны оказывают различные аспекты её гуманистического, социально-политического, экономического состояния. То есть, по нашему мнению, *имидж имеет подчинённый, вторичный характер*. В свою очередь, имидж нельзя неразрывно связывать с понятием «пиар». Правда, некоторые эксперты рассматривают пиар как исключительно информационную проблему, которую можно решить, ничего не меняя в самой стране.

Не случайно известный резонанс вызвало нетривиальное заявление бывшего помощника президента РФ Сергея Ястржембского: «Имидж упал и не отжался, а для того, чтобы он отжался, надо что-то предпринимать». В качестве «чего-то», что надо предпринимать, он предложил создавать как можно больше положительных новостей, причём не в рамках разовых кампаний, а на регулярной основе: «национальный имидж — это серьёзная работа, которая не ограничивается одноразовыми услугами различных СМИ» (6).

Итак, что же важнее — создание положительных новостей, которым ещё неизвестно кто поверит, или кардинальные изменения чего-то в самой стране?

Государственный министр по экономическому развитию и структурным реформам Грузии Каха Бендукидзе рассказывал, что когда он ещё жил в России, участвовал в начале 90-х в одном из совещаний крупнейших отечественных предпринимателей у

тогдашнего премьер-министра В.С. Черномырдина. Вопрос был тот же самый: как улучшить имидж страны, как заставить иностранных инвесторов безбоязненно вкладывать в неё деньги? Бендукидзе выдвинул своё предложение: для этого необходимо сделать только одно — улучшить экономическую ситуацию в России. На что ему весьма резко заметили, что собрались тут не шутки шутить, а обсуждать серьёзные проблемы пиара в масштабах всей страны (7).

Итак, важно не забывать, что *пиар — это деятельность, направленная на доведение до заинтересованного адресата информации, которая может изменить его отношение к объекту. Главное — наличие такого информационного материала*.

В этом отношении принципиальным был рубеж тысячелетий, который чётко обозначил обретение Россией стабильности. Определились внешнеполитический курс страны, концепция многополярного мира и многовекторной дипломатии, евразийская стратегия сотрудничества. Всё это нашло отражение в принятых в 2000, а затем в 2008 годах основополагающих документов для российской внешней политики. К ним относятся Концепция внешней политики РФ, Концепция национальной безопасности, Военная доктрина и Доктрина информационной безопасности. В концепции внешней политики России отмечается: «Важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о её позициях по основным международным проблемам, внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации... На передний план выдвигается задача формирования за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней. Неотъемлемым элементом соответствующей работы должны стать целенаправленные усилия по широкому разъяснению за рубежом сути внутренней политики России, происходящих в стране процессов. Актуальным становится ускоренное развитие в Российской Федерации собственных эффективных средств информационного влияния на общественное мнение за рубежом» (8).

В июле 2008 года Президент РФ Д.А. Медведев, выступая на большом совещании в МИД РФ, отметил, что Москва намерена впредь строить международные отношения по-деловому, не обращая внимания на идеологию. В частности, приоритетным яв-

ляется развитие сотрудничества с быстроразвивающимися странами, такими как Китай, Индия, Бразилия. Россия будет адекватно реагировать на размещение элементов ПРО в Европе и считает нарушением международных норм провозглашение независимости Косово в нарушение положений ООН. Россию беспокоит то обстоятельство, что до сих пор не создана современная система коллективной безопасности. «Прежде всего, стоило бы проинвентаризировать то наследие, которое нам досталось, включая Хельсинский акт и основные документы взаимодействия Россия-НАТО» – отметил Д.А. Медведев, подчеркнув, что в их основе заложены базовые принципы безопасности. Если эти принципы сохранили своё универсальное значение, надо честно ответить, почему они перестают универсально применяться. Если же эти принципы не отвечают сегодняшним требованиям, «надо думать о строительстве новой архитектуры, которая бы находилась бы в реалиях XXI столетия» (9).

Согласно Концепции национальной безопасности, *национальные интересы* России представляют собой совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. И государственные деятели исходят из того, что хорошая политика – это рациональная политика, опирающаяся на правильно понятый национальный интерес. Причём, национальный интерес кардинально отличается от общественного интереса. Национальные интересы обеспечиваются внешней политикой, а общественные интересы – внутренней. Они не должны ни противопоставляться, ни сливаться. В странах, переживающих переходный период своего развития, наблюдается не только рост взаимовлияния национальных и общественных интересов, но и усиление приоритета вторых над первыми.

Именно такая ситуация характерна сегодня для России. В этой связи разделение в Концепции национальной безопасности РФ на интересы во внутривнутриполитической и международной сферах является правомерным. В частности, национальный интерес проявляется через сознательную деятельность лидеров, отражающую потребности государства. Чем более активно и целенаправленно политические лидеры позиционируют национальные интересы, тем более четкий образ государства формируется в сознании собственной и зарубежной общественности.

Важнейшим приоритетом национального интереса является включение страны в мировую систему экономического развития, поскольку в процессе глобализации выявилась почти абсолютная закономерность: ни одна страна не способна добиться серьёзного экономического роста и роста благосостояния населения без растущего вовлечения в мировую экономику.

В чём же состоят сегодня приоритетные национальные интересы России? Их можно систематизировать следующим образом:

- Обеспечение территориальной целостности и независимости Российского государства.
- Построение рыночной экономики, основанной на товарном производстве, с перспективой широкого выхода отечественных товаров на мировой рынок.
- Всемирная демократизация общественной жизни и утверждение подлинного народовластия.
- Создание условий для свободного развития и проявления индивидуальности каждой личности, реализации её духовного потенциала.
- Активизация интеграционных процессов со странами – членами СНГ.
- Упрочение положения на международной арене мира и безопасности.
- Усиление миротворческой роли России (10).

Ключевые же пункты конструирования внешнеполитического имиджа РФ такие:

- Россия – гарант безопасности и устойчивого развития государств СНГ.
- Россия – центр евразийского пространства, мост между цивилизациями, расами, культурами, континентами.
- Россия – форпост на пути проникновения терроризма и наркобизнеса в Европу.

Культивируя международный имидж гаранта стабильности в евразийском регионе и связующего цивилизационного моста, России важно показать, насколько прочна она сама и надёжны её намерения. Для этого, опираясь на практические достижения в сфере укрепления мер безопасности и доверия среди союзников по СНГ и партнёров в Европе и Азиатско-Тихоокеанского региона, необходимы:

- целенаправленное и разнообразное коммуникативное воздействие на различные социальные группы и слои населения зарубежных государств;
- поддержка прессы и общественных движений, объективно способствующих укреплению международного положительного имиджа России;
- всестороннее сотрудничество со странами, борющимися с глобальными проблемами XXI века. (11).

В сфере российской внешней политики стали оформляться новые институциональные структуры, ответственные за налаживание общественных и культурных связей и международное сотрудничество. Среди них — Управление по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами при Администрации Президента Российской Федерации, Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по международному сотрудничеству и общественной дипломатии. Активизируется деятельность Российского центра международного научно-культурного сотрудничества при МИД РФ (Росзарубежцентр).

В июне 2009 года было объявлено о создании Комиссия по формированию международного имиджа России. Её руководителем назначен глава администрации президента Д.А. Медведева Сергей Нарышкин, а в состав комиссии вошли глава внешнеполитического ведомства Сергей Лавров, заместитель Нарышкина Алексей Громов и помощник главы Кремля по международным вопросам Сергей Приходько. Ранее подобная имиджевая комиссия существовала при МИДе.

Все названные структуры согласованно работают над улучшением образа России за рубежом. С этой целью разрабатываются и реализуется беспрецедентное количество проектов, начиная от экономических форумов и заканчивая научными конференциями, художественными выставками и крупномасштабными медиа-проектами.

Основными направлениями публичной дипломатии становятся постоянный диалог, информационная работа и планирование имиджевых кампаний. При этом, в отличие от пропаганды для публичной дипломатии, главным является не только донесение своей точки зрения, но и выстраивание доверительных отношений с аудиторией. Для этого не требуется принуждать противоположную сторону к согласию (как это делается, например, военным путем или посредством экономического давления), а

достаточно убедить в том, что сотрудничество в её же интересах. Инструментом подобного убеждения является *soft power* («мягкая сила») — одна из категорий, характеризующих мощь государства наравне с военным или экономическим потенциалом. Механизм *soft power* был впервые описан американским профессором Джозефом Наем в книге «Обреченные вести за собой». Главное преимущество «мягкой силы» перед военной или финансовой мощью государства состоит в способности привлечь кого-либо благодаря ценностному содержанию внешней политики, а не простому набору материальных рычагов давления (12).

Но как оценить эффективность государственной имиджевой кампании? Как избежать подмены механизма «*soft power*», основанного на диалоге и убеждении, жёсткой государственной пропагандой? В этой связи полезно обратиться к классификации проектов по формированию благоприятного имиджа России в мире (13).

Государственные и общественные проекты

В сфере экономики. Одна из традиционных форм — экономические форумы. Наряду с государством активная роль принадлежит российскому бизнес-сообществу. Цели: формирование благоприятного инвестиционного климата, интенсификация экономического сотрудничества, формирование представления о России как о надёжном и стабильном партнёре.

В сфере культуры, науки и образования. В этой сфере Россия занимает уверенные позиции. Фестивали, конкурсы, инновации, включение в Болонский процесс позволяет демонстрировать самобытность и открытость новым мировым веяниям.

Социальные проекты. Россия ориентирована на широкое участие в различных социальных международных проектах, начиная от активного участия в программах по борьбе со СПИДом и наркоманией, заканчивая гуманитарной помощью населению стран, пострадавшим от стихийных бедствий.

Спортивные проекты связаны, прежде всего, с попытками России стать центром проведения спортивных мероприятий планетарного масштаба. Участие Сочи в тендере на право проведения зимней Олимпиады 2014 года увенчалось успехом. Но кроме этого, спорт действительно выступает посланником страны в мире. Впечатляющие спортивные достижения (особенно в самых популярных видах), симпатичные рекордсмены (Алек-

сандр Попов), выдающиеся атлеты (Александр Карелин) и очаровательные победительницы соревнований (Алина Кабаева) действительно способны в значительной степени влиять на образ страны. В первую очередь, это проявляется на Олимпийских играх, включая и последнюю Олимпиаду-2008 в Пекине. Однако немаловажное значение имели и запоминающееся возвращение хоккеистами звания чемпионов мира, и выступление сборной России по футболу на чемпионате Европы 2008 года, и завоевание Кубка УЕФА футбольными клубами ЦСКА и «Зенит» в 2005 и 2008 годах.

Проект «Празднества». Придание торжествам, приуроченным к празднованию особо важных исторических дат, официального статуса общественно-политического мероприятия высокого уровня и организация в рамках торжественных мероприятий неформальных встреч с лидерами мировой политики. К наиболее значимым проектам в данной сфере стоит отнести празднование 60-летия Победы, 300-летия Санкт-Петербурга и 1000-летия Казани.

Медийные проекты. Среди крупномасштабных медиа-проектов — «Открытая Россия», «Валдайский клуб», «Russia Profile» и «Russia Today».

Пионером в этой сфере можно считать совместный проект МИДа и РИА «Новости» «Открытая Россия», в рамках которого организуются пресс-конференции и обсуждения текущих событий в стране и внешней политики России. Причём, на них приглашаются не только МИДовские чиновники, но и ведущие ньюс-мейкеры. С 2004 года собирается «Валдайский дискуссионный клуб», в котором ежегодно встречаются иностранные эксперты и журналисты. Они приглашаются Кремлём на встречи с высокопоставленными представителями российской политики. С начала 2005 года выходит еженедельный журнал на английском языке «Russia Profile», в котором представлены аналитические материалы о политических и экономических процессах в России. С конца 2005 года начал своё вещание англоязычный телеканал «Russia Today» для зарубежной аудитории. Сейчас у «Russia Today» есть несколько зарубежных корпоративных офисов — в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Иерусалиме, Каире и Нью-Йорке.

Другой проект по улучшению имиджа России — Trendline Russia — был запущен в 2005 году «Российской газетой» и РИА «Новости». Сейчас проектом полностью занимается «Россий-

ская газета». Главная задача «Российских трендов» состоит в формировании позитивного образа России за рубежом. Продукт представляет собой шесть–восемь полос вкладки «Российской газеты» в «четырёх ведущих газетах мира». Это Washington Post, Daily Telegraph, Times of India (одна из крупнейших газет Индии) и «одна из болгарских газет». Материалы готовят сотрудники «Российской газеты». Проект был замечен, а сейчас находится в стадии перезапуска. Средства на проект выделяет «Российская газета» из собственной казны. Известно, что в прошлом году «Единая Россия» добилась того, чтобы на развитие «Российской газеты» были дополнительно выделены из бюджета почти 100 миллионов долларов (2,6 миллиардов рублей).

Заключён контракт с большой пиар-фирмой из США Ketchum Inc., чтобы она помогла «рассказать об экономическом росте и возможностях страны». Сотрудничество началось с подготовки к саммиту «большой восьмёрки», состоявшемуся в 2006 году в Санкт-Петербурге, и продолжается сегодня (14). Это отражает уверенность в себе российских властей, а также то, что страна является глобальным игроком, имеющим дипломатический, военный и экономический вес.

Проект «Церковная дипломатия». Об этом проекте также стоит рассказать специально. Реанимирование российскими властями традиционного направления для российской публичной политики весьма продуктивно, поскольку возрастает влияние религиозного и этнического фактора в мировой политике.

Всемирный религиозный саммит в Москве в июле 2006 года, собравший 150 представителей различных конфессий более чем из 40 стран мира, прошёл впервые в мире. Причём, участники саммита обсудили не только религиозные вопросы, а наиболее серьёзные проблемы и вызовы современного мира: терроризм и экстремизм, распространение оружия массового уничтожения, эпидемии, наркомания, бедность, экология и воспитание молодежи. И итоговый документ, выработанный на форуме, был направлен лидерам стран «большой восьмёрки» накануне саммита в Санкт-Петербурге (15).

Однако ещё больший эффект на мировое сообщество произвело преодоление одного из болезненных раздоров внутри русского православного мира — воссоединение Русской Православной Церкви Заграницей (или Русской Зарубежной Церкви) с Московским Патриархатом, т.е. с Церковью-матерью, а через

неё — со всей полнотой вселенского православия. Восстановление утраченного единства — событие редкое не только в религиозной истории, но и в гражданских летописях нашего народа.

Напомним, что разделение Зарубежной Церкви с Церковью в Отечестве восходит к 1920-м годам. Большинство духовенства, ушедшего в эмиграцию вместе с белыми, не приняло курса оказавшегося во главе Русской Церкви митрополита Сергия на сотрудничество с большевистской властью. «Декларация» Сергия 1927 года, а ещё больше требование к зарубежным священнослужителям заявить о лояльности к Советам, вызвали раскол. Так возникла «Русская Церковь в изгнании», всегда заявлявшая о своей непримиримости к богоборческому режиму. Не создавая особой Поместной Церкви, «зарубежники» подчёркивали, что являются лишь временно самоуправляющейся частью Русской Православной Церкви, «пленённой» на родине.

После падения коммунистической власти были объективно созданы условия для воссоединения, но решению дела мешали накопившиеся взаимные предубеждения и недоразумения. Например, некоторые зарубежные богословы истолковали политику митрополита Сергия как еретическое искажение или даже предательство христианства. Было сформировано мнение, что в Русской Церкви господствует «сергианство» — представление о возможности любых, даже догматических, вероучительных компромиссов с безбожниками.

С июня 2004 по октябрь 2006 года комиссии провели восемь совместных заседаний, половина из которых состоялась в Москве, а остальные — в разных странах русского рассеяния: Германии, Франции, США. Работа комиссий стала настоящим каноническим свершением: были обсуждены вопросы, на протяжении десятилетий вызывавшие раздражение обеих сторон, и выработаны взаимоприемлемые решения. Среди основных тем диалога были: определение статуса Русской Зарубежной Церкви как самоуправляемой части единой Поместной Церкви, прояснение мучеников, отношения Церкви и государства, Православия и инославия, проблема экуменизма.

Важнейшей вехой стал IV Всезарубежный собор, происходивший в мае 2006 года в Сан-Франциско. После принципиального одобрения им курса на единство Русской Церкви, соответствующие решения были выработаны очередным зарубежным Архиерейским Собором. Зримым символом грядущего единства

стал совместный проект Берлинско-Германской епархии Зарубежной Церкви и Ставропольской и Владикавказской епархии Московского Патриархата по возведению монастыря и реабилитационного центра в Беслане.

1 ноября был опубликован подготовленный комиссиями и одобренный обоими Синодами проект Акта о каноническом общении. Согласно этому документу, Зарубежная Церковь, не теряя самоуправления, признаётся неотъемлемой частью Поместной Русской Церкви под омофором Патриарха Московского. Акт был принят митрополитом Лавром с членами Архиерейского Синода 18 апреля 2007 года в Нью-Йорке и покойным Патриархом Алексием II с членами Священного Синода 16 мая 2007 года в Москве. 17 мая 2007 года, в Праздник Вознесения Господня, в Храме Христа Спасителя состоялось подписание Акта о каноническом единстве (16).

Воссоединение разделённых братьев по вере естественным образом означает укрепление позиций Церкви — как внутри страны, так и за её пределами. Теперь Русское Православие становится духовной силой международного масштаба (отчасти сопоставимой с Римско-Католической Церковью). Особое значение восстановление канонического единства в Русской Церкви имеет для многочисленной и влиятельной русской диаспоры в США. Она состоит не только из этнических великороссов, а, прежде всего, из людей русской культурной ориентации (так, сам владыка Лавр является по происхождению подкарпатским русином из Словакии).

Имиджевые потери

Осуществление проектов по формированию благоприятного имиджа России связано с трудностями, которые возникают в текущей жизни страны и политике власти. Разберём, к примеру, ситуацию с трагедией Беслана в Северной Осетии (сентябрь 2004 года), когда Россия предстала перед глазами всего мира в крайне противоречивом виде. Расстрел сотен детей на фоне беспомощных действий политиков и силовиков надолго вписался в видеоряд репортажей из России. 25 государств Европейского союза попросили от Москвы разъяснений. Однако российская власть истолковала это как давление, как непонимание Западом существующих там проблем, либо как сочувствие террористам. Вполне объяснимо в этой связи был тот факт, что МИД РФ посчитал ци-

ничным призыв ЕС к российским властям предоставить информацию о том, как могла произойти трагедия в Беслане.

Этот скандал, безусловно, создал неблагоприятный фон для дискуссий с Евросоюзом, включая переговоры об упрощении визового режима, с которыми Москва связывала особые ожидания. Были совершены и другие шаги, требующие разъяснения. С одной стороны, Москва впервые созвала Совет Безопасности ООН, чтобы подвергнуть осуждению террористический акт, совершённый на её территории. С другой стороны, российские власти не комментировали предложения о помощи, прозвучавшие от многих государств-участниц антитеррористической коалиции. Официально не было объявлено, какого рода содействие предлагалось, какая помощь принята или не принята, и по какой причине. Глава МИДа не выступил с публичными заявлениями на этот счёт.

Такие ситуации нередко возникают в различных областях жизни. Трудно представить, например, что парадные отчёты о скоростном строительстве спортивных сооружений в Сочи смогут перебить в глазах проверяющих из МОКа возникающие время от времени энергетические катаклизмы. Логика проста и понятна: кто будет соревноваться в новостройках, если там внезапно отключат свет? Так же трудно представить, что иностранные инвесторы, посмотрев «положительные новости», ринутся в страну, которая руками экологических контролёров заставляет зарубежных партнёров продавать государственным компаниям свой бизнес.

В «шпионском» скандале вокруг смерти Александра Литвиненко в Лондоне оказались, как по сценарию, задействованы

практически все укоренившиеся в сознании западной аудитории за многие годы стереотипы — КГБ, отравление, ядерные материалы, олигархи, Кремль, «русская мафия». Это стало своего рода «лакмусовой бумажкой», которая выявила мобилизационный потенциал этих образов для СМИ. Обнаружилась и уязвимость российской политики в информационной сфере.

Итогом освещения в ведущих западных СМИ сюжетов, посвящённых т.н. «энергетическим войнам» России со странами ближнего зарубежья, стало мнение о том, что Россия потерпела немалые издержки. В заочном споре «СМИ vs Россия» стороны нередко придерживались прямо противоположных позиций. Это лишило их возможности для ведения диалога, который, между тем, позволил бы, в частности, российской стороне с наименьшими потерями для себя преодолеть кризисные ситуации и сохранить за собой возможность влиять на формирование как смыслового, так и эмоционального контекста освещения событий.

Критический взгляд ряда иностранных СМИ на так называемые «нефтегазовые» войны был во многом предопределён не столько антироссийскими настроениями, как принято считать, сколько недостаточной мотивированностью предпринятых мер. Парадоксальным образом СМИ и не пытались оспаривать право России выстраивать отношения со своими партнёрами на новой экономической основе. Всех интересовали в основном мотивы этого решения и его последствия. Приводимые в дальнейшем аргументы не способствовали снижению уровня ажиотажа и напряжённости в информационных материалах иностранных СМИ, потому что не относились к сути поднимаемых ими проблем.

К примеру, до серии разразившихся кризисов имидж России как «надёжного поставщика» в сознании и дискурсе журналистского сообщества практически отсутствовал. В выпусках новостей ведущих мировых СМИ практически ничего про бесперебойные поставки нефти и газа из России до наступления января 2006 года не сообщалось. А после кризиса говорить об этом стало затруднительно. Довод о переходе на рыночные отношения, подготовленный для нейтрализации ожидаемой волны критики, оказался вытесненным на периферию. Для этого были две причины: из-за самой стилистики информационной кампании; из-за отсутствия к моменту её начала ранее сформированных среди иностранных журналистов мнений о вероятных причинах происшедшего.

Много материалов в современных СМИ можно найти о других аспектах всё той же проблемы — дело не столько в возникающих угрозах и кризисах, сколько в способах реагирования на них государства.

К примеру, плохая демографическая ситуация стала своего рода штампом, маркером плохого состояния России. В статье, посвящённой саммиту большой восьмёрки в Санкт-Петербурге один английский журналист пытался доказать необоснованность

пребывания России в этом клубе демократических развитых государств. Он писал: «С точки зрения экономики, России практически нечего предложить миру, кроме нефти и газа, данных ей провидением, но никак не трудом народа; огромная часть её мужского населения либо умирает к шестидесяти годам, либо — практически в любом возрасте — пьёт; Россия беднее, чем любая другая из стран-членов “восьмёрки”» (17).

Основной показатель того, что Россия оказалась на пороге значительного демографического упадка — увеличившийся разрыв между показателями рождаемости и смертности. В аналитическом отчёте Национального бюро азиатских исследований (The National Bureau of Asian Research), который наиболее часто цитируют зарубежные СМИ, указывается, что депопуляция в России имеет все атрибуты демографического шока, наступившего в результате исторических потрясений, и приводящего в свою очередь к значительным, но возможным, пока не осознаваемым изменениям в жизни людей (18).

Углубление кризиса в здравоохранении и увеличение смертности способно оказать серьёзное влияние на экономическое развитие страны. На уровне повседневной жизни это выражается в снижении численности молодёжи. За период с 1975 по 2004 год число молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет составляло от 10 до 13 миллионов человек. К 2025 году в России может остаться не более 6 миллионов молодых людей этой возрастной

категории (19). Итоги подобной ситуации очевидны — снижение социально-экономических показателей — некому заменить тех, кто выходит на пенсию, некому передавать знания, труднее повышать уровень квалификации экономически активного населения. Кроме того, резкое уменьшение количества молодёжи неизбежно скажется на инновационном потенциале, так как именно молодые специалисты склонны внедрять новые технологии, идти на предпринимательский риск и совершать научные открытия.

В заключение кратко обозначим ещё один поучительный аспект создания имиджа. Если оставить в стороне идеологическую оболочку, то нетрудно заметить, что СССР был весьма полезным примером того, как мощная, целенаправленная и оплачиваемая работа по созданию образа великой державы оказала мощное влияние не только на современников, но и «разогнала» волну исторической инерции на десятилетия. Образ сверхдержавы и сейчас не покидает российских граждан и мировое сообщество. Тем более что буквально рядом и чуть ли не ежедневно можно сталкиваться с памятниками воплощённого в советское время приближающегося будущего. Символами новой страны стало московское метро — недра косной природы пронизаны сообщаемой системой подземных сияющих дворцов. Как демонстрация мощи страны, раскрепощения и справедливо направленной стихии до сих пор воспринимается 128-километровый искусственный канал Москва–Волга. «Сухопутная» Москва стала портом трёх морей: Балтийского, Белого и Каспийского.

Таким образом, важно усвоить, что имидж не тождествен пиару. Пиаром нельзя решить какую-либо проблему, не изменяя те или иные аспекты жизни по существу. Рано или поздно это обернётся просто информационным шумом, о котором быстро позабудут.

Примечания:

1. *Malia Martin*. Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to Lenin Mausoleum. Harvard University Press. 1999. P. 5.
2. Там же. P. 7–9.
3. *Murgenhau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 4 ed. New York, 1967. P. 67.
4. См.: *Mercer L.* Reputation and international politics. New York, 1996. P. 16.

5. Wang H. National image building: a case study of China. International Studies. Association meeting paper. Hong Kong, 2001. P. 127–128.
6. См.: www.echo.msk.ru/news/357319/html (2007, 30 января).
7. См.: Независимая газета. 2007, 1 февраля.
8. См.: Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 3–11.
9. См.: www.mid.ru/brp-4.nsf/0/3A2FODO8C2EAD (2008, 27 июля).
10. См.: Галунов Э.А. Международный имидж России. М., 2003. С. 56–57.
11. Там же.
12. Naj J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990.
13. См.: Гамалева М. Формирование образа России как аспект публичной внешней политики // www.advertology.ru/article33457.htm.
14. См.: The Washington Post. 2008. March 6.
15. См. подробнее: Владимир Путин. Рано подводить итоги. М., 2007. С. 148–156.
16. Там же.
17. Johnson Frank. The G8 summit was a triumph for British PR, if not the British // The Spectator. 2006, July 21.
18. См.: Eberstadt Nicholas. The Russian Federation at the Dawn of the Twenty-first Century: Trapped in a Demographic Straitjacket. NBR Analysis. № 67. Washington, 2004.
19. Там же.

Лекция 8

Старо-новые мифы о России. Роль культуры, городской среды и повседневности

Какие мифы – политические, литературные, бытовые – существуют о России? Что в основе этих мифов – отождествление художественного мира русской классической литературы с российской реальностью, как таковой? Кто выступает творцами мифа о России? Почему для мифа выбираются лишь понятные явления, которые укладываются в утвердившуюся ранее доминанту?

Мифы и идеология

История профессионального изучения мифа насчитывает уже два с лишним столетия. Учёные признали за мифом статус реальности, властной и ощутимой. Мифы стали рассматриваться как важная часть культуры, один из познавательных механизмов нашего сознания, выполняющей, подобно идеологии или научным теориям, регулирующие функции. Последнее особенно важно потому, что мифы потеснили идеологию. В свою очередь, идеология стала обращаться к ним и эксплуатировать мифическое.

В основе идеологических систем (доктрин) лежит принцип определённой схематизации, упрощения, моделирования сложных духовных и социальных процессов. Мифы также опираются на ритуальные повторения. Они имеют логическую структуру, отличную от позитивного мышления. Суть подменяется происхождением, событиям приписывается обязательная направленность, соседство во времени принимается за причинно-следственную связь (1).

Если научные теории пытаются что-то прояснить через исследования, проверку, опыт, то мифы повторяют канонические объяснения. Теория стремится к формулировке закона, который всегда под вопросом, который может быть опровергнут. Миф не дает такой возможности. Конечно, идеальна та ситуация, когда мифы и научные теории уравновешены. Преобладание мифов создает опасную ситуацию. При доминировании иррационального мышления легче манипулировать сознанием, а, следовательно, и поступками людей.

И в мире, и в России в настоящее время мифы не только возродились, но, как в своё время идеология, отвлекают от прибли-

жения к подлинной жизни. Поэтому особенно заметна «работа» политических мифов, мифов власти и мифов о ней. Это стало особенностью XX века и начала XXI века. Политические и идеологические мифы создают образы новой реальности, часто становятся организующим началом в поведении людей. Достаточно вспомнить, как история в тот или иной период избирала в качестве господствующего мифа такие образы власти, как «просвещённая власть», «власть сильной руки», или как государственная идеология разыгрывала мифические образы «России единой и неделимой», «Москвы – Третьего Рима».

Политический миф базируется на представлении России как страны политического деспотизма. Устойчивость столь нелестного суждения часто объясняют якобы присущей российскому населению склонностью и даже любовью к несвободе, к рабству. Сознание иностранного обывателя в большинстве

случаев отвергает мысль, что Запад сам приложил руку к торжеству крайне непривлекательного и осуждаемого там политического строя. Поэтому признания, сделанные в своё время Арнольдом Тойнби, являются редким исключением из правил: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло её от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться... игу коренной власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить... Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако ... русские научились терпеть её оттого, что, без всякого сомнения, считали её меньшим злом, нежели перспективу быть покорёнными агрессивными соседями» (2).

Иностраный миф о России, взятый в единстве политической, литературной и бытовой составляющих, расцветен множеством вырванных из контекста деталей российской истории.

Вместе с тем, нередко люди, разделённые между собой столетиями и наблюдавшие Россию при резко отличавшихся общественно-политических порядках, подмечают в российской жизни одни и те же недостатки. Наиболее частую критику у них вызывают слепое копирование, заимствование внешних форм. В качестве другого общего недостатка россиян выделяется их неспособность к коллективным действиям. Индивидуализм западного мировоззрения удивительным образом сочетается со сплочённостью при достижении общественно значимых целей. У нас же дело нередко обстоит наоборот. Декларации о соборности так и остаются декларациями, в то время как способность к совместным выступлениям и поддержке друг друга крайне низка.

В мире нередко считают, что Россия сама всегда была гораздо на создание мифов – от строительства потёмкинских деревень в XVIII веке до нагнетания во всем мире страха перед неминуемым советским завоеванием после 1945 года. Так и сегодня актуальны мифы, которые сформировались под влиянием событий августа 2008 года.

«От вторжения в Грузию Россия много выиграла». Да, власть получила единогласную поддержку своего вторжения и аннексии двух частей Грузии от обеих палат российского парламента. Однако, как считают европейские эксперты, после восьми лет раздора, которые принёс в Европу Джордж Буш, грузино-осетинский конфликт объединил её. Если в 2003 году внеочередной саммит Европейского Союза, созванный из-за Ирака, расколол континент прямо посередине, то в 2008 году все европейские лидеры сплотились вокруг президента Франции Николя Саркози и осторожно-жёсткой линии, которую с самых первых дней кризиса проводил министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд. Российская власть не добила поддержку со стороны своего «как бы союзника» Китая (3).

«После 1989 года Россию постоянно унижали». Напротив, подчёркивают зарубежные СМИ, у западной демократии не было другого такого противника, которого она бы так приветствовала, как Россию. Россию ввели в «большую семью»; России открыл свои двери Совет Европы – несмотря даже на то, что Дума отказывается признавать Европейский суд по правам человека. Русских встречают с распростёртыми объятиями в каждом европейском городе. В Россию потоком полились инвестиции.

«Запад отказывается видеть в России равного партнёра». Это именно Россия отказывается на равных разговаривать с другими европейскими странами — можно услышать в ответ. В последние годы у России начались бесконечные словесные, дипломатические, кибернетические и торговые разногласия с соседями, что лишний раз показывает, что Россия, — экономика которой по объёму меньше мексиканской или южнокорейской — не усвоила главный урок Европейского Союза: ко всем государствам, как бы они кого-то ни раздражали, надо относиться с уважением. Россия же для себя требует равенства, а, к примеру, за Польшей, Грузией или Эстонией права на это равенство не признаёт.

«Запад пытается окружить Россию». Разве можно окружить страну, простирающуюся от Европы до Японии и Китая?, — спрашивают оппоненты. Россия — единственное государство, которому разрешено разместить вокруг своей столицы систему защиты от баллистических ракет. Польша и страны Балтии не любят Россию — но они не собираются туда вторгаться. Российские депутаты присутствуют на заседаниях Парламентской Ассамблеи НАТО; российские генералы имеют статус наблюдателей в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Украине и Грузии ещё

очень далеко до членства как в НАТО, так и в ЕС, но по какому праву суверенные государства не могут решать, в какие организации им вступать, а в какие — нет?

«Южная Осетия — то же самое, что Косово». Косовары требовали для себя тех же прав, которыми обладают другие народы, составлявшие Югославию. Несмотря на исламофобские репрессии Слободана Милошевича, они мирным путем создали параллельное гражданское общество, которое получило независимость от Белграда после 1999 года, когда сербы начали геноцид, что и вынудило НАТО вмешаться. А Россия — хотя настаивала на независимости Черногории, которая сейчас пухнет от российских денег и олигархов — отказалась поддержать план Ахтисаари, поддержанный Европейским Союзом, по которому Косово, чье население гораздо больше черногорского, тоже получал право присоединиться к другим бывшим регионам Югославии как независимое государство. И мысль о том, что Россия убрала бы руки от Грузии, если бы независимость Косово была отложена ещё на какое-то время, не воспринимается всерьёз.

«В Европе нет единства». На самом деле, утверждают зарубежные эксперты, единство Совета ЕС, согласовавшего в августе 2008 года приостановку переговоров с Россией по новому соглашению о партнёрстве — это важный итог саммита. Неожиданно в адвоката России превратился премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, некогда любимец американских правых, но слово Берлускони мало что значит в делах ЕС. К тому же, нельзя сказать, что в первые ряды вышли новые члены Союза. Своё беспокойство по поводу российско-грузинского конфликта выразили стабильные, нейтральные Финляндия и Швеция, а голосом европейского единения в противостоянии России стал лейборист Милибэнд.

«Россия контролирует европейские энергоносители». Это верно, но лишь отчасти. Прекращение поставок нефти и газа — это ядерное оружие, которое ни разу не решились использовать даже арабские страны, несмотря на их ненависть к Израилю. У европейских политиков вызывает панику политика России в отношении энергосетей; Великобритания не обеспечила свою энергетическую безопасность, построив достаточно мощностей для приёма сжиженного газа. Но, видя собственную зависимость от российских нефти и газа, Германия уже переосмысливает свою враждебную позицию по отношению к атомной энергии, а во

Франции 85% всего электричества дает именно атом. Напротив, Россия как раз стала фактором, который подталкивает Европейский Союз к единству по вопросам внешней и энергетической политики (4).

Подробно остановимся на активно обсуждаемом сегодня мифе о том, что «снова начинается холодная война». Он как бы отражает весь спектр мифов и реалий в американо-российских отношениях. Чтобы разобраться в этом, авторы книги провели специальную беседу с известным историком и политологом Стивеном Коэном. По её результатам, очевидно, что самый опасный из существующих сегодня в Америке мифов есть миф о том, что «конец Советского Союза сделал мир безопаснее». На самом деле, исчезновение советского государства имело два взаимосвязанных, беспрецедентных и очень опасных следствия — ослабление контроля за хранением ядерного оружия и материалов и усиление активности международных террористов, которые стремятся овладеть ядерным оружием. В итоге, в ядерном отношении, мир сегодня менее стабилен и более опасен, чем это было во времена Советского Союза. Только представим, что было бы, если у террористов, направивших самолёты на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября, была бы даже примитивная — так называемая «грязная бомба». Или что такая бомба была бы у захватчиков «Норд-Оста» в Москве. Мало того — ситуация может стать ещё хуже из-за нынешнего экономического кризиса, который ещё больше дестабилизирует контроль над ядерными запасами и ухудшает социальные условия — порождая тем самым новых террористов.

Вторая реалья состоит в том, что исправить эту ситуацию и ослабить существующие угрозы может только полноценное партнёрство США и России. Тому есть две причины. Более 90% всех ядерных запасов в мире приходится на долю Америки и России. И только Америка и Россия вместе имеют те политические, экономические и военные средства, которые необходимы для создания международной коалиции, целью которой будет контроль и сокращение ядерных вооружений и организация эффективной кампании против терроризма.

Третья реалья, однако, состоит в том, что после отмены Советского Союза прошло уже почти двадцать лет, а такого партнёрства между Америкой и Россией всё нет. Вместо него мы имеем очередную миф — о том, что «холодная война закончилась поч-

ти двадцать лет назад». Однако Ст. Коэн считает, что холодная война не кончилась вместе с концом Советского Союза (по крайней мере, для Вашингтона), или затем началась новая холодная война. Как ни парадоксально, но мы имеем меньше американо-российского сотрудничества и больше конфликтов, чем было в годы той холодной войны. Сегодня американо-российские отношения, пожалуй, даже более взрывоопасны. Война в Грузии прошлым летом была отчасти войной Америки и России, причём это была война на границах России. Ничего подобного не было в годы той холодной войны — ни на Кубе, ни в Афганистане.

Для построения прочного американо-российского партнёрства необходимо понимать,

почему у нас сегодня такие плохие отношения. Американское объяснение представляет собой ещё один стойкий миф. Почти все влиятельные лица и издания в Америке убеждены, что «в девяностые годы Президент Клинтон и Президент Ельцин сумели создать стратегическое партнёрство», но Президент Путин своей

внутренней и внешней политикой разрушил его. То есть, Кремль и только Кремль несёт ответственность за плохие отношения сегодня. На самом деле, никакого партнёрства России и Америки в девяностые годы не было — это была одна фикция. Администрация Клинтона никогда не видела в России партнёра и не относилась к ней как к партнёру. Для неё Россия была побеждённой нацией, проигравшей холодную войну, как послевоенные Германия или Япония. Это ошибочное представление породило то, что Коэн назвал «американским триумфализмом» (или победительным мышлением) в восприятии мира и особенно — России. Триумфализм, который родился в начале девяностых и продолжается по сей день, есть самый главный фактор в американской политике по отношению к постсоветской России.

Он лежит в основе того общего американского подхода, который Москва клеймит как «двойные стандарты», а Вашингтон называет «избирательным сотрудничеством». Важно понимать,

что значит это «избирательное сотрудничество». Для Вашингтона, оно значит две вещи. Первое — что Америка должна сотрудничать с Россией только тогда и там, где это сотрудничество выгодно Америке, и противостоять — или «сдерживать» Россию во всех прочих важных сферах. И второе — что у Америки есть свои законные интересы за рубежом, а у России их нет. Эти триумфалистские установки создают три главных препятствия на пути американо-российского партнёрства сегодня. Первое — это установка, что Америка имеет право на свою «сферу влияния», или, как назвал это Президент Медведев, «сферу привилегий», а Россия — нет. Вот почему Вашингтон думает, что он имеет право двигать НАТО к границам России, а Москва не имеет права заявлять протест. Второе — это установка, что Америка имеет право на хороших соседей, то есть дружественные режимы на своих границах (как, например, в Канаде или в Латинской Америке), а Россия — нет. Вот почему Вашингтон думает, что в Тбилиси и Киеве не могут быть пророссийские правительства, а должны быть проамериканские. И третье — это установка, что во всех важных международных вопросах Москва — даже имея свои, отличные от Америки, геополитические интересы — должна быть всегда заодно с Вашингтоном. И неважно, что Россия, в отличие от Америки, это частично мусульманская страна и что через море она граничит с Ираном — Вашингтон настаивает, чтобы по отношению к Тегерану Москва проводила такую же политику, как и он.

Иными словами, никаких фундаментальных изменений в американской политике — и уж точно никакого американо-российского партнёрства — не будет, пока не будет принципиально нового американского мышления о России. Многие люди в Москве (и немногие в Вашингтоне) ожидают, что «с приходом нового американского президента Барака Обамы такое новое мышление появится». Пока, по мнению Ст. Коэна, слишком рано о чём-то судить, но это ожидание может обернуться ещё одним мифом. Все главные члены внешнеполитической команды Обамы — политики со старым, триумфалистским, мышлением. Это те, кто всегда поддерживал экспансию НАТО на восток, политические проекты Вашингтона в Киеве и Тбилиси и жёсткую политику по отношению к Ирану. В их числе и вице-президент Обамы, и его советник по национальной безопасности, и госсекретарь, и министр обороны. Никто из них не думал и не думает

признавать, что Вашингтон несёт ответственность за плохие отношения с Россией сегодня.

Неудивительно, что администрация Обамы до сих пор не предложила ничего более существенного, кроме всё того же «избирательного сотрудничества» с Москвой. Она, например, хочет от Москвы содействия в вопросах ядерного разоружения Ирана и Афганистана, но идти на ответные уступки — в тех вопросах, которые больше всего волнуют Москву: по поводу НАТО, Украины и Грузии — не желает. То есть, главными помехами американо-российскому партнёрству по-прежнему остаются три связанные между собой проблемы: экспансия НАТО, Грузия и Украина. Возможное решение всех трёх может быть такое: Вашингтон обещает, что НАТО больше не будет расширяться на восток, и что никаких западных военных баз на границах России не будет (в том числе, в трёх балтийских республиках, которые уже являются членами НАТО). В ответ Москва обещает уважать

«Из своего дома я вижу Россию!»

полный политический суверенитет бывших советских республик на границах России, в частности, Грузии и Украины.

Каковы шансы на успех такого решения и, значит, нового американо-российского партнёрства? В Вашингтоне есть только одна политическая надежда — на то, что Президент Обама сам окажется носителем нового мышления, то есть, еретиком, выступающим против ортодоксии. Шанс небольшой, но такие вещи случались в истории.

Фактор культуры

Одним из самых значительных факторов формирования образа и имиджа России являются культура, в самом широком её прочтении, и реальная повседневность, с её привлекательными и отталкивающими сторонами. Они могут в определённых ситуациях перевешивать влияние, к примеру, неблагоприятного развития отношений между странами.

Если говорить о культуре, то известно, к примеру, что положительный образ России в глазах японцев держится сегодня на плечах представителей русского искусства. Ростропович и Спиваков, Гергиев и Кисин, Ананиашвили и Чхартишвили — российская культурная экспансия в Японии сегодня ограничивается этими именами. Правда, в последнее время японцы благодаря соотечественникам-славистам познакомились с переводами современных российских литераторов, в частности, Пелевина и Сорокина.

Если говорить о реальной повседневности, то здесь показательны результаты проведённого в начале XXI века независимым исследовательским центром РОМИР обстоятельного и комплексного исследования «Образ Москвы» (5). Его задачей являлся анализ восприятия иностранцами гражданами, живущими и работающими в столице, специфики жизни Москвы, выявление позитивных и негативных факторов, связанных с архитектурой, экологией, городской инфраструктурой и влияющих, по мнению экспертов, на общее восприятие иностранцами условий жизни в Москве. Инициатором проекта выступило Правительство Москвы. Данное исследование по богатству полученных данных и разнообразию наблюдений, пожалуй, не имеет себе равных. Поэтому стоит поговорить о его итогах поподробнее.

Итак, в качестве экспертов, чьё мнение легло в основу анализа, выступили представители крупных зарубежных, торговых

представительств, сотрудники посольств, культурных фондов, информационных агентств и средств массовой информации, исследовательских организаций, университетов. Исследование опиралось на качественный анализ данных, полученных в ходе неформализованных экспертных интервью.

В первую очередь экспертам предлагалось рассказать, с чем ассоциируется для них русская и российская культура, назвать имена культурных деятелей, работавших в разное время в различных областях искусства и культуры, которые вспоминаются в первую очередь, если речь заходит о русской культуре.

На первом месте по числу упоминаний стоит русская литература — о писателях, о литературных произведениях, о литературе вообще вспомнил 31 эксперт из 40 участников исследования. По словам одного из экспертов, «литература — это слава России». Чаще всего речь идёт о классической литературе XIX века, о «золотом веке», причём явно выделяются 2 наиболее известные экспертам писателя — Достоевский и Толстой. Другие часто упоминаемые имена — Пушкин и Чехов. Пушкин иногда воспринимается как знаковая фигура «начала» русской литературы. Из писателей и поэтов XX века эксперты смогли вспомнить следующих: Есенин, Бунин, Маяковский, Блок, Николай Гумилёв, Мандельштам, Булгаков. С современной литературой эксперты знакомы значительно хуже: из ныне живущих писателей, кроме Солженицына, лишь однажды был назван Владимир Сорокин.

На втором месте среди различных областей и явлений российской культуры стоит российская музыкальная культура. Причём, здесь речь также идёт почти исключительно о классической музыке. Многие эксперты указывают на то, что «русская музыка, то, что было создано в XIX веке русскими композиторами, очень повлияла на развитие европейской музыки», «без классической русской музыки не было бы современной классической музыки».

Из композиторов, с которыми ассоциируется русская культура в целом, чаще всего вспоминают Чайковского, Мусоргского, Шостаковича, Шнитке. Кроме того, некоторые эксперты упоминали церковную музыку (хоровое пение) и народные песни.

На третьем месте по числу упоминаний экспертами идёт российское театральное искусство в самом широком понимании — и как русская театральная школа (ассоциируется, в первую очередь, с именем Станиславского, реже с экспериментальным те-

атром — двое экспертов вспомнили Мейерхольда), и как специфическое направление в драматургии (в этой связи обычно также вспоминают Чехова).

Некоторые эксперты объединяли российское театральное и киноискусство, но в качестве «значимых имён» с точки зрения российской культуры в целом они назвали только две фамилии — режиссёров Эйзенштейна и Тарковского.

Российское изобразительное искусство в целом меньше репрезентирует российскую культуру. Исключение здесь составляют художники-авангардисты: Малевич, Кандинский, Шагал. Авангард — это вклад России в мировую культуру; как выразился эксперт из Японии, «авангард не мог бы сформироваться в отрыве от революции, от революционного сознания, он просто не мог возникнуть нигде, кроме России».

Кроме перечисленных областей, российская культура ассоциируется с народными традициями и обычаями — народные праздники, православные церковные праздники, матрёшки, а также с русской кухней — борщ, блины, баранки, водка.

Российская культура ассоциируется с известными музеями Москвы и Санкт-Петербурга (Третьяковская галерея, Музей имени Пушкина, Эрмитаж). Эксперты упоминают также российскую историческую науку и космические исследования.

Подводя итоги этого раздела можно сказать, что для иностранцев, живущих в Москве, российская культура репрезентируется прежде всего произведениями и авторами «золотого века», классической литературой и музыкальной культурой.

Иностранцы проявляют интерес и к современным формам культуры и искусства: «Меня очень увлекает поиск новых прочтений, нового взгляда, новых путей в искусстве», «Современное искусство часто несёт в себе что-то неожиданное, это захватывает». Кроме того, у ряда экспертов есть в Москве знакомые художники, театральные деятели, музыканты, и это усиливает интерес экспертов к тому, что происходит в этих областях культуры и искусства: «Мне нравится встречаться с художниками, бывать в их студиях»; «Москва — город художников, я люблю наблюдать за их работой».

Высказывания экспертов о классическом искусстве, представленном в культурной жизни Москвы, всегда очень уважительны, но интерес к классике проявляется менее эмоционально. Для экспертов, представляющих крупные компании и по-

сольства, одной из форм участия в культурной жизни Москвы являются также посещение благотворительных вечеров и аукционов.

Из московских театров самым известным оказался Большой театр — его упоминают примерно две трети экспертов. Однако, несмотря на то, что многие эксперты говорили, что «видели практически все его спектакли», «ходим очень часто, смотрели всё», в ответ на просьбу перечислить названия конкретных запомнившихся постановок большинство экспертов могут вспомнить лишь два балета — «Лебединое озеро» и «Щелкунчик». Из драматических театров лидируют Малый театр (в первую очередь, различные исторические пьесы — «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Пётр и Алексей»), Театр на Таганке (перечисляется практически весь репертуар, многие эксперты просто говорят о том, что им «нравятся все пьесы в постановке Любимова»), «Сатирикон» («Сирано де Бержерак», «Служанки», «Шантеклер»), Ленком (постановки Марка Захарова и Петра Штайна), театр Маяковского («Белая гвардия»), МХАТ («Игроки»), ТЮЗ («Дама с собачкой»).

О концертах музыки неклассических направлений в Москве (в основном — джазе и рок-музыке) могут рассказать далеко не все эксперты. Хорошо осведомлены об этом немногим более четверти участников исследования, зато они действительно хорошо разбираются в этом вопросе. Слушать джаз и рок-музыку живущие в Москве иностранцы чаще всего ходят в различные клубы: «Китайский летчик Джао-Да», «Бункер», «16 тонн», «Свалка», «О.Г.И.». Из более или менее известных российских групп и исполнителей, выступления которых довелось услышать экспертам, они назвали следующие: «Аквариум», «Машина времени», «Сплин», «АукцЫон», «Ночные снайперы», «Тату», Земфира.

За эстрадной поп-музыкой живущие в Москве иностранцы практически не следят и концерты музыки этого направления посещают крайне редко, однако имена наиболее популярных российских эстрадных исполнителей части экспертов известны: Пугачева, Киркоров, Линда, Орбакайте, Газманов. Эксперт из Латвии смог также назвать Лещенко, Кобзона, Гурченко, Лентьева.

По уровню проведения и организации крупных культурных мероприятий все эксперты ставят Москву в один ряд с крупнейшими культурными центрами мира: «Думаю, Москву можно

сравнить с крупнейшими городами мира по богатству культурной жизни»; «Подобное можно увидеть и в других городах мира, но, пожалуй, только в крупных мировых центрах, таких как Лондон, Париж, Нью-Йорк, к которым теперь принадлежит и Москва».

Сопоставление с мировыми культурными центрами (это в основном Лондон, Париж, Берлин и Нью-Йорк) идёт чаще в пользу Москвы («если сравнивать с Лондоном, в Москве более бурная культурная жизнь, если говорить в целом»; «качество спектаклей, на мой взгляд, в Москве лучше»; «в других странах тоже ставятся балеты, есть подобные спектакли, но в Москве они на особо высоком уровне»; «в Москве богаче культурный выбор»). Однако там, где речь заходит о нетеатральной культурной жизни, часть экспертов считают, что в организации крупных культурных мероприятий Москва пока уступает другим культурным центрам: «когда здесь что-то празднуют, отмечают какие-то события, это происходит слишком помпезно, нет чувства меры» (эксперт из ФРГ), «в Париже и в Нью-Йорке таких событий больше по количеству и по числу людей, которые их посещают» (о проведении международных фестивалей, эксперт из США); «часто ощущается недостаток денег у организаторов культурных мероприятий» (эксперт из Великобритании).

Сравнивая Россию и другие страны, выражают удивление по поводу того, что в России активная культурная жизнь сосредоточена в столице, а в остальных городах «крайне редко что-нибудь происходит, и уровень не выдерживает сравнения». Один из экспертов также много говорил о том, что, по его мнению, в Москве за последние годы исчезла самодетельность (в отличие от западных стран, где такие формы участия людей в культурной жизни наоборот развиваются). Он также считает, что многих работающих в Москве иностранцев могло бы заинтересовать такое изучение русской культуры на собственном опыте — пение русских песен, участие в любительских постановках спектаклей и т.п.

Позитивные оценки архитектурного облика города в целом преобладают, однако можно заметить, что у ряда экспертов, считающих, что отличия Москвы от других крупных западных городов настолько велики, что их нельзя сравнивать, восприятие особенностей архитектурного стиля Москвы вызывает определённые трудности, и порой это выражается в резко негативных оценках городской архитектуры в целом: «Плохо, когда современные здания стоят рядом со старыми, это портит вид; но

мне нравится, что в городе много старых церквей, везде, не только в центре»; «Облик города несколько странный, бессистемное смешение стилей, нет единства».

Однако таких резко негативных высказываний немного. Большинство экспертов, даже если им непросто воспринять своеобразие московской архитектуры, видят причину этого в крайней непохожести Москвы на большинство крупных западных городов: «Москва странный, непростой город, нужно время, чтобы его полюбить», «Специфику Москве придает обилие православных храмов, очень красивых и декоративных; ... но по-настоящему поражает соединение стиля модерн и русского православного наследия, здания в стиле арт-нуво, рубеж XIX–XX века; настоящий шедевр — “Метрополь”»; «Москва очень русский город, здесь всё так намешано, но в этом как раз проявляется русская специфика».

На вопрос о том, какие скульптуры и памятники, установленные в Москве им нравятся, большинство экспертов затруднилось ответить, а ответившие называли мемориальный комплекс на Поклонной горе в целом, композицию Шемякина «Дети — жертвы пороков взрослых»; по словам эксперта, «интересно, когда скульптура изображает идею, концепцию, а не конкретного человека», памятники на Новодевичьем кладбище: Хрущёву — работы Эрнста Неизвестного, памятник Высоцкому, скульптуру «Рабочий и колхозница», памятник Гагарину.

Экспертам было предложено оценить экологическую обстановку в Москве по сравнению с другими крупными мегаполисами. Только 5 человек из 40 участников исследования считают, что в Москве экологическая ситуация хуже, чем в других крупных городах развитых стран. Чаще всего такое мнение основывается на недостаточной информированности и на подозрениях, что власти скрывают данные о том, что происходит с экологией: «Думаю, что экологическая ситуация плохая, но об этом нет информации»; «У жителей нет истинной картины о загрязнении, а это само по себе о многом говорит; в других странах, например, выпускают каждый день сводки: уровень загрязнения, состав атмосферы в разных районах и так далее, а в Москве этой информации нет»; «Высокий радиационный фон, причём информации об этом не дается». Вторая причина негативных оценок московской экологии — состояние машин, высокая загазованность на улицах города: «Не очень хороший воздух, машин много ста-

рых»; «В других странах — более строгий контроль состава выхлопных газов автомобилей; в Москве ещё используется некачественное горючее для машин, поэтому мне она напоминает Мехико, там такая же ситуация».

Следующий блок вопросов был предназначен для того, чтобы выяснить мнения экспертов об условиях жизни в Москве, качестве жилья, уровне сервиса, качестве общественного транспорта и состоянии дорог, о ценах и ассортименте московских магазинов. Экспертам предлагалось оценить различные характеристики бытовых условий Москвы по пятибалльной шкале, а также прокомментировать эти оценки, рассказать о проблемах, с которыми им приходилось сталкиваться в различных сферах.

Участникам исследования было предложено оценить качество московских квартир и гостиниц, уровень цен, качество обслуживания, комфортабельность и безопасность жилья в Москве.

Таблица 1. Оценки качества квартир и гостиниц Москвы
(средние баллы; оценки давались по пятибалльной шкале, где 1 — «очень плохо», а 5 — «очень хорошо»).

	Квартиры	Гостиницы
Цены	2,0	1,6
Сервис, качество обслуживания	2,0	4,1
Комфортабельность	3,5	4,5
Безопасность	4,4	4,9

Наибольшие претензии экспертов вызывает уровень цен на жильё в Москве: «Квартиру дешевле купить, чем снять, ненормальная ситуация, во всем мире — наоборот»; «Культура аренды квартир ещё отсутствует». Когда речь заходит о соотношении цены и качества при аренде или покупке квартир, это, по мнению экспертов, также является минусом Москвы: «Цена на аренду очень высокая, а качество домов, даже новых, не очень хорошее, часто способы строительства просто неправильные». Еще одна проблема — отсутствие правовой базы урегулирования отношений между хозяином квартиры и квартиросъемщиком: «Нет правовой поддержки, здесь очень просто могут прекратить договор, и суды ничего не дадут»; «Хозяин может в отсутствие нанимателя прийти в квартиру, без предупреждения, считает, что он у себя дома».

Что касается гостиниц, то тут эксперты дают ценам ещё более низкую оценку. Практически все они отмечают, что в Москве «отсутствуют гостиницы среднего класса, нет гостиниц уровня 3*, среднего уровня».

Ещё один блок вопросов касался всего комплекса транспортных проблем.

Таблица 2. Оценки транспортной ситуации в Москве
(средние баллы; оценки давались по пятибалльной шкале, где 1 – «очень плохо», а 5 – «очень хорошо»).

Личные автомобили		Общественный транспорт	
Цены на бензин	4,2	Цены на билеты	4,7
Качество дорог	3,1	Сервис, качество обслуживания	3,9
Заторы на дорогах	1,7	Регулярность движения	4,3
Безопасность	2,8	Безопасность	4,5

Как отмечают эксперты, цены на бензин в Москве намного ниже европейских, так что в этом отношении эксперты оценивают ситуацию позитивно. Некоторым экспертам представляется сомнительным качество бензина, которое они покупают на московских АЗС; другие жалуются, что «трудно найти дизель, вообще АЗС нужно больше, а то очень неравномерно распределены». Состояние дорог, качество покрытия эксперты оценивают как «довольно приличное», оговариваясь, что «состояние дорог улучшается, но в основном лишь на главных магистралях». Большие претензии вызывает организация дорожного движения, которая, по мнению большинства экспертов, является главной причиной постоянных пробок на улицах Москвы: «Организация движения транспорта ужасна: одностороннее движение вокруг Кремля, синхронизация светофоров, нет указателей»; «Многие предпочитают пользоваться общественным транспортом, а не ездить на машинах из-за постоянных пробок»; «Часто ломаются светофоры, а дорожная милиция в Москве только деньги собирает, регулировщиков очень мало» (6).

В мае 2009 года американская компания TripAdvisor, предоставляющая консультации туристам, отелям, курортам и туроператорам по всему миру, выпустила очередной рейтинг европейских городов, основанный на мнении людей, их посетивших. Города оценивались по 20 разным параметрам: от лучших парков и

кухни до самой ужасной архитектуры и плохо одетых жителей. В категории указаны только города, занявшие первые три места.

Едва ли не в каждой категории встречается Лондон. Он назван самым дорогим и самым грязным городом, где при этом ещё и самая плохая кухня и самые плохо одетые жители. Зато в Лондоне самые лучшие в Европе городские парки, бесплатные развлечения и самая интересная ночная жизнь.

Париж оказался наименее дружелюбным и самым перехваленным европейским городом, зато его жители одеты лучше всех, кухня в этом городе также самая лучшая. Столица Франции на втором месте среди самых грязных городов мира (после Лондона). В категории «Самый романтичный город» Париж уступил Венеции.

Самые дружелюбные города – Дублин, Амстердам и Эдинбург. Самые скучные города в Европе – Брюссель, Цюрих и Дублин, самые чистые – Копенгаген, Амстердам и Барселона. Барселона ещё и опередила всех по красоте архитектуры.

Москва (единственный из российских городов, вошедших в рейтинг) упомянута в трех «отрицательных» категориях: «Наименее дружелюбный город» – 3-е место, «Самая плохая кухня» – 2-е место, «Самые плохо одетые жители» – 3-е место. Во всех этих категориях Москву опережает Лондон. В мэрии Москвы не согласились с такими выводами. Власти города говорят, что подобные рейтинги всегда публикуются в начале туристического сезона, и Москву в них обижают. Так, недавно столица России была названа самым дорогим городом, однако в мэрии подчеркивают, что в Москве «самый дешёвый проезд в метро в мире и самый дешёвый батон хлеба». Необоснованными считают и претензии по части дружелюбия и хлебосољства, которые в Москве всегда на самом высоком уровне. В мэрии подчеркивают, что девушки в Москве дорого одеваются, также в столице «собраны все лучшие кухни и повара мира». Однако эксперты считают оценки TripAdvisor справедливыми. По их словам, в аэропортах пограничники не улыбаются, отношение таможенников зачастую хамское. Что касается одежды, то многие граждане одеваются на рынках, а те, которые хорошо одеваются «в метро с туристами-иностранцами просто не ездят» (7).

Итак, мы рассмотрели сложные, порой парадоксальные переплетения мифического и реального, культурного и бытового, объективного и субъективного, которые оказывают влияние на

имидж России. Трудно предположить, что из этого способно оказывать большее или меньшее влияние. Очевидно одно, что мифы, культуру и повседневность в самых разных их проявлениях творим мы сами, а значит, несём ответственность за то, как нас воспринимают в мире.

Примечания:

1. См. Мифы и мифология в современной России. М., 2003. С. 5–8.
2. *Тойнби Арнольд*. Постигание истории. М., 1990. С. 436.
3. См., к примеру: Newsweek. 2008, 7 сентября.
4. Там же.
5. См.: www.gazeta.ru/2003/04/14/stoli4nyevla.shtml; www.babylon-realty.ru//info/k5d002_2htm.
6. См. также: Имидж Москвы – ничто? // Московский комсомолец. 2008, 4 декабря.
7. См.: www.polit.ru/news/2009/05/05/mosk3.html

Лекция 9

«Русский мир» и диаспора, соотечественники за рубежом

К числу немаловажных факторов конструирования образов России относятся «Русский мир» и диаспора, а также стратегии поведения наших соотечественников в зарубежных странах. Каково содержание этих понятий? В чём состоит их конкретное содержание?

Впервые в новой России термин «Русский мир» официально прозвучал на Конгрессе соотечественников в Москве в начале XXI века. Новый стимул к использованию этого понятия и сближению выходцев из России дало объединение Православной церкви в 2007 году. О феномене «Русского мира», его истории и перспективах сегодня много пишут и говорят, хотя существует довольно большое количество мнений, что понимать под этим термином. Обычно исходят из того, какой вклад внесла Россия в мировую цивилизацию и культуру. Далекое не всем странам и народам удастся, по его мнению, породить феномен глобального размаха, который можно было бы назвать «миром». Такими мирами, наряду с Россией, обладают только Испания, Франция и Китай (1). То есть просто большой поток миграции не гарантирует возникновения за рубежом родственного социума. Например, из Индии выехало очень много людей, но расовая, кастовая разнородность и быстрая ассимиляция в новых местах не породили феномена, который можно было бы назвать «индийским миром».

Те, кто не раз бывал за границей, видимо, обращал внимание на то, что у эмигрантов теряется «этническая актуальность». Всех приехавших из России называют русскими, вне зависимости от того, кто он по национальности – чуваш, украинец, узбек, казах или татарин. Диаспора воспроизводит своё единство на основе главной отличительной черты – русского языка. Тот, кто утрачивает эту черту, теряет и свою принадлежность к «Русскому миру». Именно язык, русскоязычная культура, и ощущение своей связи с Родиной объединяют людей.

Феномен «Русского мира»

Итак, «Русский мир» представляет собой не просто статистическое множество мигрантов из России. Это одна из форм куль-

турного поведения и идентичности, то есть ощущения, лояльности и избранного служения, по которой во многом судят о России.

По поводу вопроса о том, как, и когда сформировался «Русский мир» существуют разные мнения. Некоторые считают, что «Русский мир» сформировался во многом благодаря СССР, когда проводилась целенаправленная политика по продвижению и популяризации советского образа жизни. Кроме того, «Русский мир» жестко привязан к государству, а не к нации или религии, в отличие от еврейского или армянского, где доминирующим фактором является историческая память (2). В то же время замечено, что главным объединяющим фактором для русских за рубежом все же является культура, и именно на базе культурных ценностей нужно возрождать общность «Русского мира» (3). Некоторые эксперты, в свою очередь, настаивают на том, что «Русский мир» держится на исторической памяти, которую СССР значительно подорвал. Феномен «мира» появился благодаря мигрантам, которые покинули Россию после 1917 года и бережно хранили традиции и религию своего народа. Самая большая проблема «Русского мира» нашего времени заключается в том, что он умирает в самой России. Историческая память у молодежи хуже, чем у тех, кто вырос при Союзе. Следовательно, без восстановления в исторической памяти опорных точек внутри страны, невозможно проецировать наши ценности за рубеж (4).

Среди других факторов проецирования образа России вовне называют русскую культуру и такие её проявления, как русский сегмент Интернета, русскоязычные поп-музыка и литература, которые по-прежнему популярны на постсоветском пространстве. Существуют и эмоциональные факторы — например, тяга людей к поиску собственных корней, которая иногда заставляет «стопроцентного американского профессора» держать в бумажнике фотографию бабушки, эмигрировавшей из Могилевской области.

Активно обсуждается сегодня и вопрос: ассимилировались ли русские в странах СНГ, действительно стали лояльными гражданами своих государств и никак не связывают своё будущее с Россией? Последние исследования показывают, например, что 54% населения Украины, 76% — Армении, 53% — Казахстана, 71% — Киргизии и 45% — Молдовы надеются на защиту России и хотели бы иметь двойное гражданство. Не меньше

граждан этих государств выступают за надделение русского языка статусом второго государственного.

Не случайно поэтому, что в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июня 2007 года был создан Фонд «Русский мир». Среди заявленных целей — популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также поддержка программ изучения русского языка за рубежом. Исполнительным директором правления Фонда был назначен Вячеслав Никонов, известный московский политолог, президент фонда «Политика». В попечительский совет организации вошли видные политики и деятели культуры: от главы внешнеполитического ведомства РФ Сергея Лаврова до режиссера Никиты Михалкова.

А в ноябре 2007 года состоялась презентация фонда «Русский мир». Она прошла накануне Дня народного единства, нашего новоприобретенного праздника. В Интеллектуальном центре МГУ собралось множество высоких гостей, политиков и деятелей искусства. Над сценой на широкой растяжке реяли знаменитые слова Анны Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...». Впрочем, речь шла не только о сохранении «великого русского слова». Речь шла и о неисчерпаемых политических возможностях фонда. Вячеслав Никонов, вначале заверив об отсутствии политической составляющей в деятель-

Плакат фонда

ности организации, а потом, по сути, её признал: «По одному вопросу мы все-таки займем политическую позицию. По вопросу признания статуса русского языка». Согласно международному праву, если хотя бы одна треть налогоплательщиков в стране говорит на том или ином языке, этот язык может (и должен) быть официально признан (это не значит, что в этом случае язык должен быть возведен в ранг государственного или официального, но он должен быть именно официально признан). Чего в некоторых странах бывшего Советского Союза, как известно, по отношению к русскому языку не наблюдается (5).

На презентации прозвучал призыв о том, что нужно переходить к стратегии активного влияния на международные процессы. В странах ЕС проживают до десяти миллионов русских. Понятно, что далеко не все симпатизируют нынешней российской власти, но каждый симпатизирует своей национальности, своей родине. О том, что власть возлагает на фонд большие надежды, свидетельствовали события следующего дня, когда на приеме в Кремле по случаю празднования Дня народного единства приветствовались участники первой ассамблеи «Русского мира», которые были в числе приглашенных гостей. При вручении медалей Пушкина русистам из Молдавии, Болгарии, Румынии, Армении и Украины, специально подчёркивалось, что новый праздник является общим для россиян и соотечественников за рубежом.

Три волны миграции

Феномен «Русского мира» XX века появился, как известно, благодаря трем волнам миграции. *Первая* — дореволюционная. Она составила порядка 4,5 миллиона человек. Выходцы из Российской империи тогда не могли составить диаспору. Во-первых, территориально почти всех эмигрантов того периода составляли Польша, Финляндия, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина (Волынь), и тем самым Россия создавала диаспорный материал для других стран, которые возникли в последующие периоды. Во-вторых, этнический состав этой эмиграции также повлиял на её судьбу в плане возможности стать именно российской диаспорой. В числе российских эмигрантов в США 41,5% составляли евреи. Погромы и сильная дискриминация евреев в России, а также их нищета обусловили глубокий и длительно сохраняющийся отрицательный образ роди-

ны, который отчасти бытует даже до сих пор. Успешная интеграция этой части эмигрантов в американское общество также обусловила быстрое забывание «русского», а тем более «русскости» (6).

Вторая волна — так называемая белая миграция 1918–1922 годов. После революции из России выехало 1,5–2 миллиона человек. Тогда подавляющее большинство эмигрантов составили этнические русские. Именно после 1917 года за границей появилась традиционная российская диаспора, и родился «Русский мир», поскольку эта волна миграции вобрала в себя все его характеристики — язык, православие, идентичность. Политическую эмиграцию составляла элита русского общества, с высоким образовательным уровнем. Интеллектуальный потенциал эмиграции был значительно повышен массовой высылкой творческой интеллигенции из Советского Союза в 1921–1922 годах (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, Л.П. Карсавин и др.), что способствовало более интенсивному включению выходцев из России в жизнь Западной Европы, формирование оригинальной культурной общности, хотя она существовала весьма сепаратно. Постепенно Берлин, чему способствовала дешевизна жизни, становится столицей русского зарубежья. Здесь концентрируется свыше 300 издательств: «Петрополис», «Скифы», «Издательство З.И. Гржебина», «Мысль», «Знание», «Грани», «Кооперативное издательство», «Литература», «Геликон», «Манфред», «Возрождение», «Огоньки», «Нева» и т.д.

Обострённое чувство утраты родины (и имуществ), в отличие от трудовых эмигрантов «в овечьих тулупах» (известное прозвище славян-иммигрантов в Канаде), обусловило более устойчивое и эмоционально окрашенное отношение к России. Именно эта эмиграция-диаспора не имела никакой другой конкурирующей родины, кроме России. Для её представителей определяющим было сознание: мы тоже виноваты в том, что произошло с Россией, и мы должны искупить вину. Свою миссию они видели в том, чтобы достигнуть непрерывности русской культуры, вернуть России её же. Поэтому открылись Фонд Струве-Солженицына, библиотека «Русский путь», где аккумулируются архивы. Поэтому к этой эмиграции в последние десятилетия оказались направлены симпатии страны исхода — России.

Ностальгией оказалась охвачена не столько диаспора, сколько её современные отечественные потребители, желавшие уви-

деть в ней некую утраченную норму, начиная от манер поведения и заканчивая «правильной» русской речью. «Белая эмиграция» существовала и сохранялась не просто в силу своего элитно-драматического характера, но и потому, что продолжала получать пополнение в последующие исторические периоды. Из почти 9 миллионов пленных и вывезенных на работы во время Второй мировой войны к 1953 году вернулись около 5,5 миллионов человек. Многие были убиты или умерли от ран и болезней. Однако не менее 300 тысяч так называемых перемещенных лиц остались в Европе или уехали в США и другие страны. Правда, из этих 300 тысяч только меньше половины были с территории СССР в его старых границах. Не только культурная близость со старой эмиграцией, но и идеологическое сходство в отторжении, точнее, в невозможности возврата, СССР позволили более интенсивное смешение этих двух потоков (в сравнении с ситуацией враждующей диаспоры), а значит, поддержание языка и мизерных связей с родиной (уже после Хрущёва).

Третий поток переселенцев из России мигрировал в последние десятилетия Советского Союза и достиг своего пика в 1991–1992 годах, после его распада. Идеологической была небольшая, но политически громкая эмиграция из СССР в 1960–1980-е годы в Израиль, США, затем в Германию и Грецию. В 1951–1991 годы из страны выехало около 1,8 миллионов человек (в 1990–1991 годы – по 400 тысяч), из них почти 1 миллион евреев (две трети – в Израиль, треть – в США), 550 тысяч немцев и по 100 тысяч армян и греков. Эмиграция продолжалась и в последующие годы, но несколько меньшими темпами.

Какое число российских соотечественников живет в дальнем зарубежье? Само число 14,5 миллионов выехавших из страны мало что говорит, ибо более двух третей жили на территориях, которые включались в состав Российской империи или СССР, а сейчас не являются частью России. Восточнославянский компонент в этом населении был невелик до прибытия основной части белой эмиграции и перемещенных лиц. После этого русских выехало мало. В целом русских в дальнем зарубежье около 1,5 миллионов человек, в том числе в США – 1,1 миллион. Что касается лиц, имеющих «русскую кровь», то их в несколько раз больше (7).

Возникает вопрос: кем считать представителей других этнических групп? Выходцы из России создали основные этнические

общности в двух странах: в США 80% евреев – это выходцы из России или их потомки, в Израиле не менее четверти евреев – выходцы из России. Этнический состав, культурный багаж и установки эмигрантов были разными, и поэтому не все из них составили «Русский мир». Случай с еврейской миграцией, которая во все эпохи составляла существенную часть мигрантов, а в конце XX века это было большинство всех уехавших из СССР и Российской Федерации (наряду с российскими немцами). Формально российские евреи и немцы совершали акт воссоединения или возвращения на историческую Родину, но по сути это был отъезд из страны русских по культуре людей. Давние эмигранты-евреи адаптировались в новых обществах, многие потеряли язык и какую-либо связь с Россией, в том числе и эмоциональную. Потомки первого премьер-министра, выходца из Одессы Голды Меир в Израиле едва ли могут быть отнесены к представителям русского мира, как и сотни американцев и канадцев русско-еврейского происхождения, дедушки и бабушки которых приехали из России. Но далеко не все евреи «воссоединились» или «вернулись», и тем более далеко не все евреи отвергли Россию.

Перестройка и открытие страны позволили не отвергать страну исхода. Не обязательно было стараться освоить иврит и забыть русский, а также друзей и родственников в Москве или в других городах. Можно было сохранить квартиру и даже работу, а недавно выехавшие израильские евреи контролируют во многом деловые связи между двумя странами. Сохраняется и мощное русскоязычное информационное поле.

Разумеется, неоправданно проводить этническую различительную линию между зарубежными соотечественниками-эмигрантами, как это в одно время изо всех сил пытались сделать российские законодатели. Им хотелось «зафиксировать» российскими соотечественниками только тех, у которых вне России нет «своей государственности» (это русская певица Вишневская), и не считать соотечественниками тех, у кого есть своя государственность вне России (это, видимо, её муж Ростропович) (8).

В какой-то мере вопрос о трудных случаях принадлежности к «Русскому миру» касается российских немцев. Миллион человек, выехавших из России и Казахстана на «историческую родину», во многом продолжают принадлежать к «Русскому миру». Русскими считают их местные немцы, да и они сами. Может

быть, только дети, научившиеся говорить без акцента на немецком языке, и, забыв русский язык, перестанут соотносить себя с Россией и отойдут тем самым от русского мира.

Роль диаспоры и её организация

Когда мы говорим о диаспоре и пытаемся соотносить её с «Русским миром», следует сразу подчеркнуть, что эти явления не совпадают, хотя и близки. Массовая эмиграция неизбежно влечёт за собой возникновение культурно-родственного населения за пределами государства. Однако диаспора становится русской диаспорой, когда осознает и воспроизводит своё единство во внешнем мире на основе главной отличительной черты, а именно на основе языка и культуры, связи с Россией в смысле лояльности и привязанности. Очевидно, что для постсоветских эмигрантов и, в первую очередь для тех, кто никуда не уезжал, а от кого «мигрировали» границы собственной Родины, доминирующими факторами остаются язык, религия и гуманитарно-политические связи с Россией.

Диаспоры могут иметь сильную заинтересованность в том, как внешняя политика родного государства влияет на их будущее. Диаспорам небезразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода — улучшаться. И даже безотносительно возможного переезда присутствует желание иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания.

Понятно, что неблагоприятный имидж России снижает стремление российских эмигрантов заявлять себя как «русские» в странах пребывания. Естественно, что такое внешнее отрицание ведет к внутренней коллизии по поводу идентичности: стоит ли пестовать в себе то, чем трудно гордиться открыто, что не помогает, а, наоборот, мешает. По этим мотивам диаспора может пытаться изменить политику родных государств, как им представляется, к пользе для себя и для этих государств. Работа на благополучие и на позитивный имидж родного государства — это

наиболее распространенный и, казалось бы, вполне естественный вариант поведения диаспоры. Но известно, что это далеко не всегда так.

Правомерно спросить: почему многие выехавшие из страны в разное время и на разной основе более или менее едины в скептическом или даже в отрицательном отношении к родине? Если речь идёт о политических миграциях времен революции и Гражданской войны, периода сталинских репрессий или брежневских гонений диссидентов, то здесь можно найти аргумент в пережитой травме и в несогласии с режимом и его политикой. Но почему отношение сохраняется, когда нет репрессий, когда имеет место добровольный выезд, и когда в принципе страна исхода сделала очень много для выехавшего (дала образование, стартовый капитал, богатую историю, культуру и язык)?

На наш взгляд, здесь имеет место воздействие общественной среды и политики принимающей страны. Россия выполняет для многих стран роль такой большой внешней угрозы, или же эта возможность держится про запас — даже при личной дружбе президентов. Диаспора реагирует на эту ситуацию и выбирает вариант негатива, а не позитива в отношении к России. Иногда от этого проигрывает, но чаще выигрывает, ибо в стране пребывания такая позиция поощряется работой, грантами и сочувствием, а в стране исхода не наказывается. Сегодня российская эмиграция по духу своему разделяет идеологию России, и это надо развивать. Поэтому создание организационной структуры, которая объединяла бы всю российскую эмиграцию во всем мире, позволит ускорить очень естественные процессы, которые идут на пользу, как российской эмиграции, так и самой России. По-настоящему мощная диаспора может быть только у сильного, развитого, богатого государства. И сегодня, когда Россия развивается, идёт вперед, мы как никогда должны быть вместе. Эмиграция хочет и может внести свой вклад в укрепление позиций России в мире, разделить национальный успех России и знать, что часть этого успеха является заслугой эмиграции. Но для этого надо найти способы преодоления предвзятого отношения и к образу России, и к выходцам из России (9).

Если возникнут организации эмигрантов, которые будут ратовать за достоинство, положительный имидж России и россиян, то они по-иному смогут реагировать на появление в прессе ничем не обоснованной критики, которая задевает россиян и Россию,

вплоть до обращения в судебные органы. Эти организации могут правильно рассказывать о России в различных средствах массовой информации, защищать соотечественников от несправедливых обвинений, отстаивать общечеловеческие права. Нельзя дискриминировать бизнес и культуру только потому, что они русские. У наших соотечественников за границей должны быть равные права с гражданами тех стран, в которых они проживают.

В мире известен опыт создания подобных организаций. К примеру, за границей Франции живут несколько миллионов французов. Они объединены в общенациональную организацию, которая называется «Союз французских граждан за рубежом». У этой организации есть свои представительства во всех посольствах Франции. Они имеют право выдвижения своих представителей в Национальное собрание — в парламент Франции. Это очень сильная структура, которая не воспринимается как зарубежная организация. Благодаря ей французы, которые живут за рубежом, не оторваны от общественно-экономической жизни Франции. Данному примеру может последовать российская эмиграция. Совместное использование знаний и возможностей эмигрантов пойдет только на благо России, поможет оставаться единым народом, иметь общие цели и общие интересы. Доказательством этому является, к примеру, представление в апреле 2009 г. проекта «Русские истории».

Выходцы или дети тех, кто когда-то уехал из Советского Союза и России, прислали свои видео-, аудио- и печатные материалы, посвященные стране своих корней. В кадре 9-минутного мини-фильма «Мой Петербург» — двенадцатилетняя Моника из Нью-Йорка. Моника родилась в этом «Городе желтого дьявола», но говорит оборотами русского языка XIX века: чисто и чрезвычайно литературно. В сегодняшней России так не разговаривают. Моника рассказывает о своих впечатлениях от Санкт-Петербурга, читает стихи Пушкина, рассуждает о Петербурге Достоевского и Гоголя. За кадром фильма остались петербургские бабушка и дедушка Моника, в гостях у которых девочка и влюбилась в российскую Северную столицу. Другие 9 минут, другая история — фильм «Про любовь». Сергей Савельев, молодой человек лет двадцати пяти из Риги. Он не может ходить, его речь трудно разобрать. Сергей сочиняет стихи, а на них рижский композитор Арнис Милтониш пишет песни. Милтониш говорит, что для него очень важно передать «ощущение русского языка».

За кадром фильма «Про любовь» — история о том, как русский язык в Латвии был практически под запретом, и родители-латыши, из страха перед русофобами, запрещали своим детям говорить по-русски, взимая штраф за каждое русское слово. Но Сергею Савельеву на запреты было наплевать.

Слово «история» в названии конкурса несет двойной смысл, — говорит один из организаторов проекта, проректор Гуманитарного института телевидения и радиовещания (ГИТР) Татьяна Комарова. — Конкурсной работой может стать как history — рассказ о тех или иных эпизодах из русской истории (например, созданный по воспоминаниям родителей, бабушек, дедушек), так и story — интересный случай из жизни автора фильма, отражающий русский менталитет, характер». Среди «исторических» работ — воспоминания узников минского еврейских гетто, короткометражка об истории российского цирка... Среди story — короткометражка «Москва—Париж—Москва» о Жене Маресьевой. Она не совершала подвигов, как её знаменитый однофамилец, но сумела сделать сказку былью. В 20 лет она, написав письмо французскому профессору и получив от него приглашение на учебу, уехала из Москвы и поступила в один из парижских университетов. Ходила на лекции по экономике и штудировала язык; сушила феном простыни в своей сырой квартире и рассылала в сотни компаний написанные от руки резюме. Наконец, Женя нашла хорошую работу в Ницце, но через некоторое время, бросив все, решила вернуться на родину («у русских всё веселее — здесь, во Франции, даже Новый год празднуют как-то неправильно»).

Работы на конкурс присылает как русскоязычная молодежь из стран СНГ и дальнего зарубежья, так и студенты ГИТР (место действия их историй — современная Россия). «Когда мы думали о создании этого проекта, то хотели сделать его интересным не только для молодых соотечественников за рубежом, но и для студентов нашего института, — рассказывает президент ГИТР Юрий Литовчин. — Не все же им снимать ночные клубы и всякие тусовки!» «Русские истории» заинтересовали многих студентов. В короткометражке «Барин» герой фильма «Барин» — пожилой человек, который, продав жилье в Москве, переехал в деревню на Валдае. Объясняя своё решение, старик говорит: «Конечно, если бы здесь не было электричества, то эта деревня ничем не отличалась бы от деревень XIX века. Тут не очень просто жить. Но жизнь здесь как-то чище, правильнее...»

Говоря о критериях оценки конкурсных работ, Литовчин отмечает: «Конечно, нельзя сравнивать по уровню профессионализма студенческие фильмы и работы, снятые любителями на любительской же видеоаппаратуре. Поэтому, оценивая присланные на конкурс видео, мы будем обращать внимание не на их профессионализм, а на сюжеты».

Все конкурсные видеоработы можно увидеть на сайте проекта www.russian-stories.com. «Такая творческая лаборатория, открытая интернет-площадка, на наш взгляд, очень нужна талантливым молодым людям, интересующимся отечественной историей и культурой», — говорит Татьяна Комарова. Интерес соотечественников к конкурсу вполне объясним. Изучение, осознание российской истории позволяет ребятам с корнями из России, родившимся уже за рубежом, найти общий язык и понять своих родителей и бабушек с дедушками. А значит, лучше понять самих себя.

Российские туристы за границей

Важным фактором создания имиджа России являются стратегии поведения соотечественников на «чужой земле». На отдых за рубеж с целью туризма выезжает менее 5% россиян, то есть менее 6 миллионов сограждан. По данным исследований российских туроператоров, из тех, кто регулярно отдыхает за границей, 15,7% представляют топ-менеджмент российских и западных компаний, 36,5% — менеджеры среднего звена и 47,8% — менеджеры, занимающие начальные позиции (10). По свидетельству экспертов туристического рынка, в летний период российские туристы по-прежнему предпочитают отдыхать в Турции, в зимний — в Египте.

За этими общими цифрами масштабов зарубежного туризма скрывается масса легенд и анекдотических подробностей о наших соотечественниках: русские отбирают лежаки на пляжах, в гостиницах вырезают напольные покрытия под кроватью и прихватывают с собой, на балконах коптят рыбу, около бассейнов разводят костры и греются в обществе девушек легкого поведения.

Одновременно создаётся впечатление, что русские вытесняют других иностранных туристов. Так, в Турции таблички «Мы говорим по-русски» все чаще встречаются в ресторанах и магазинах, причем, немецкий текст идёт под русским. Немецкие дети, играющие в детских комнатах, на втором плане, ведь здесь

есть дети русских с их капризами. Исконно немецкие кафешки, такие, как «У Вилли», уступили место кабакам с такими названиями, как «Пивнушка Чингиз-хана». Владельцы и продавцы ювелирных магазинов владеют русским.

Шеф одной из гостиниц даже составил шуточный документ, к которому сам относится довольно серьёзно. Текст там таков: «Англичане во время отпуска не переносят немцев. Немцы не терпят англичан. Французы не любят англичан и немцев. Бельгийцы частично недолюбливают французов, частично голландцев. Против итальянцев никто ничего не имеет, пока они шумят себе в дальнем конце территории отеля. Никто никогда не имеет что-нибудь за или против скандинавов. Все вместе — против русских!»

Если выбрать некоторые наблюдения из различных СМИ о русских туристах, то могут получиться такие зарисовки:

«В стандартном представлении бывший советский гражданин — это человек низкого роста и крепкого телосложения с конституцией танка Т-34. Руки как у борца за приз в балагане, лодыжки — как печные трубы у таежной избушки. Этот тип начинает пить ещё утром и засыпает на своем лежаке после обеда. Он дымит, как сибирская баня, всегда и везде. Он никогда не извиняется. Вежливость — это привилегия дворянства и буржуазии, обе эти категории при советской власти были искоренены. Что не сделало Ивана симпатичнее. Жировая складка на животе, как у тюленя, свисает над треугольником плавок, когда он тяжело ступает по дрожащему под ним причалу. Его

жена — крупная женщина, которая выглядит как красноармеец в юбке из фильма времен холодной войны. Она выкрикивает команды своему потомству: «Давай, давай!». Это не мешает её полному московскому потомству успешно воровать сваренные вкрутую яйца к завтраку из чужой плошки, которую люди из другого номера поставили для себя у буфета».

«Есть и другой тип Ивана. Это образ сотрудника московской фирмы «Инкассатор». Мускулистый, толстогубый, лысый. У него всегда тяжелый взгляд. Над соском левой груди выведена татуировка с номером группы крови. Вид у него такой, будто он служил в отряде особого назначения и на его счету несколько операций по освобождению заложников, причём все операции закончились неудачно (для заложников). За ним, словно на поводке, следует длинноногая газель Натали. её ноги растут сразу из подмышек. её готовый к атомному взрыву бюст определённо стоил спонсору толстой пачки 100-долларовых купюр».

Помимо этих, существует ещё с полдюжины разных типов русских отдыхающих, которые мало приметны среди представителей других национальностей. В отеле «Alladin» на египетском курорте Хургада надо делать вид, что ты говоришь по-русски, тогда все будет в порядке!», — пишет Клаудиа из Дортмунда. Причина проста: русские постояльцы хоть и дают прикурить персоналу, но и не скупятся на чаевые и аккуратно платят. «За едой они ведут себя, как свиньи», — жалуется Хорст, отдыхающий в «Phaselis Princess». Он приехал по путевке агентства «Tui» из предместья Росток. «На них просто не надо обращать внимания. Ну, нет у них культуры. Если кто-то из них отмечает день рождения, то они сдвигают в столовой все столы и стулья, так что для нас уже не остается свободных мест. Они много покупают, в том числе золото. У многих из них женщины выглядят, как их дочери». «Женщины по вечерам ходят на шпильках и одеваются, как в оперу», — говорит тот же Хорст.

Хорошо известно, что нигде так не ждут русских праздников, как на дорогах европейских курортах. В разные времена русские богачи умели поражать мир. Началось это ещё со времен Петра I. Как только он «прорубил окно» в Европу, там сразу же появился необычный русский след. Дело дошло даже до того, что один англичанин, посетивший Россию в конце XVIII века, заявил, что русские богачи обобрали Европу для составления собственных коллекций. То есть, заработав деньги в России, они не только

познавали мир, но и скупали на Западе всё, что пригодится для страны. Отсюда и рождение определённого имиджа: русский богатей воспринимался в мире главным образом не как прожигатель жизни, а как патриот страны, жаждущий ей блага и заботящийся о её международном престиже.

Но, как говорится, меняются времена и меняются нравы. Нынешние богатые — люди с другой ментальностью. Богачи в первом поколении, они стремятся наверстать упущенное «голодными предками», жить на широкую ногу и по-прежнему поражать мир. В Куршевеле, например, когда в январские дни он становится почти русскоязычным городком и превращается в место выездного заседания российской деловой элиты. За элитой помимо телохранителей непременно следует группа телохранительниц — вослед самолету олигарха в местном аэропорту приземляется и самолет с русскими проститутками.

В этом смысле Куршевель не так уж показателен — подобные сцены наблюдаются на многих дорогах европейских курортах. Девушек, которые, как правило, даже не знают, куда их привезли, высаживают в аэропорту и потом, как гуманитарную помощь, разбирают и развозят по заказчикам. Местные жители искренне недоумевают: зачем ехать в Тулу со своим самоваром, если жрицы любви из числа аборигенов ничуть не хуже, только дешевле? И уж совсем им не понять, почему эти странные русские селятся непременно в Куршевеле, если в километре от него курорты ничуть не хуже, но тоже дешевле. Естественно, местная полиция не дремлет и проводит рейды в рамках борьбы с проституцией.

Целая группа крупнейших отечественных бизнесменов, отдыхающих в Куршевеле в 2007 году, оказалась в центре скандала. Французская пресса вынесла тему задержания российских олигархов на первые полосы газет, дав России очередную возможность испытать Геростратову славу. В то же время в сообщениях зарубежной прессы о куршевельском скандале не было ни грана удивления. Дело оказалось как бы привычным.

Кто же они, на самом деле наши русские туристы? На эту тему время от времени разгораются нешуточные дискуссии в Интернете. Обратимся к некоторым её материалам и, в частности, письму простого туриста Евгения Красильникова, который выступил против разнообразных клише или обобщений. Он, например, пишет: «Наоборот, за границей я всё время встречаю хо-

роших и интересных людей, которые ведут себя культурнее, чем многие «цивилизованные» отдыхающие из стран Западной Европы. Может быть, мне просто очень сильно везёт? Этим летом я отдыхал на Сицилии, в отеле Citta del mare, где я много общался с иностранцами (в основном итальянцы, французы, немцы). Хотя я не могу сказать, что знаю английский в совершенстве, но всё же я знал его лучше, чем кто-либо из иностранцев, с кем мне довелось разговаривать (я старался быть объективен). Это к слову о том, что русский турист знает только русский и исконно русский язык. Да и как собеседники русские были более интересными. Конечно, я понимаю, что есть туристы, поведение которых далеко от идеала. Но они есть в любой стране. В семье, как говорится, не без уroda. В Питере, например, поведение пьяных финнов уже вошло в поговорку. Или, например, в том же Citta del mare один итальянец повадился ходить на завтрак в одних плавках! Мне доводилось наблюдать и пьяные выходы немцев, и агрессивность итальянцев. Каждый может вспомнить что-то подобное» (11).

Участники дискуссии предлагают разобраться в мотивах поведения наших туристов. Ведь после падения «железного занавеса» они не знали и не понимали как себя вести. Это приводило к агрессивности и пьянству, а большое количество денег рождало чувство вседозволенности, желание, так сказать, выпендриться перед иностранцами. Однако сейчас за границей трудно встретить человека, оказавшегося за пределами России в первый раз, и все, как правило, уже знают как себя вести и ведут себя в соответствии с ситуацией. Так что стереотип о том, что русские ужасно ведут себя за границей, относится к 90-м годам и сейчас уходит в прошлое.

Нам кажется, что сейчас фокус обсуждений всё же смещается в другую сторону — проблему дискриминации наших туристов, а, следовательно, защиты их прав.

Безусловно, взгляд на русских, конечно, сугубо субъективен. Кто-то предпочитает замечать хорошие качества, кто-то — плохие. Кстати, иностранцы не обращают внимания на поведение своих соотечественников и не сравнивают себя с другими. Они ведут себя так, как им хочется, и как это принято в их обществе. Итальянцы, например, всегда очень громко говорят, хотя у нас это считается неприлично. Подавляющая часть русских туристов представляет собой весёлых, интересных и культурных людей, а не варваров и быдло.

Это заключение подтверждается оценками практически всех ведущих отечественных и зарубежных туроператоров. Они отмечают, что россияне «научились себя вести» и «у них появилось чувство собственного достоинства». «Наконец прошла адаптация к системе «все включено». Россияне посмотрели мир, себя показали. Можно сказать, что произошло окультуривание русского выездного населения, причём достаточно быстрыми темпами», — говорит представитель туристической компании «Амарант-Тур» Юлия Черкесова. По её словам, поведение россиян, в данном случае — культура потребления — формировалось в тесной связке с развитием туристического рынка в России. С ней согласен PR-директор международного туроператора «Тез-Тур» Роман Рыбаков, который считает, что процессы стабилизации в России повлияли на то, что «наши стали вести себя в целом спокойнее» (12).

«Проблемной» статистики, касающейся неприятных ситуаций, в которые попадают соотечественники за рубежом, никто не ведёт. Однако, по словам Романа Рыбакова, в процентном отношении к общему туристическому потоку, число людей, которые попали в ЧС (чрезвычайную ситуацию) лежит в пределах 3–5%: «Тут необходимо разделить проблемы на несколько категорий. Во-первых, проблемы, возникающие по стечению обстоятельств, как правило, это страховые случаи. Влиять на успешное разрешение подобных проблем можно путем выбора хорошо и давно работающего туроператора, который естественно работает только с надежными страховыми компаниями. Во-вторых, я бы выделил ЧП, происходящие по вине самого туриста, в 90% случаев — вследствие алкогольного опьянения. Остальные 10% приходятся на человеческое любопытство, типа: «Ой, какой красивый цветочек растет на краю обрыва» (13).

Российские политтехнологи объясняют феномен быстрого «окультуривания» отечественного путешественника «проделанной работой над собой». Политтехнолог консалтинговой группы «Бакстер» Дмитрий Гусев рассказывает, что ещё пять лет назад все путешествия на отдых за границу начинались со скандала в аэропорту. «Я даже привык к тому, что перед вылетом какая-то группа мужчин обязательно напивалась и начинала драться, её ссаживали с рейса в накопителе или уже в салоне самолета. Следующий конфликт обязательно возникал на борту и так далее. Но недавно я совершил многочасовые перелеты

в Токио, а потом в Сидней и отметил: на борту одни русские, все трезвые, учтивые, никаких конфликтов. Россияне реально стали меньше пить, и вследствие этого у многих выработалось чувство собственного достоинства. Теперь наши за границей ведут себя зачастую лучше немцев и англичан», — заявил Дмитрий Гусев (14).

В защите интересов русских всё более активную позицию занимают посольства РФ. К примеру, в 2007 года практически ни одна газета Великобритании не прошла мимо резкого заявления посла Юрия Федотова. Одни СМИ расценили это заявление как чуть ли не начало нового противостояния с Великобританией, другие, наоборот, отдали справедливость прозвучавшим словам. Юрий Федотов открыто обвинил британскую полицию в том, что она относится к туристам из России и вообще ко всем русским (а их живёт сегодня в Великобритании около 400 тысяч) как к бандитами. Британская «русофобия» выражается в самых разных формах, начиная с дискриминации в магазинах и ресторанах и заканчивая серьёзными нападениями на русских. Были приведены случаи избиения русских лондонской молодежью, но полиция не начала по этим инцидентам ни одного расследования. При этом нарушения, которые допускают сами русские, пресекаются немедленно с непропорциональным использованием силы (15).

Всё это происходит в условиях, когда Россия становится важным партнёром для Британии. Каждый год приезжает около 170 тысяч наших туристов. Ежегодно в британские университеты зачисляется на учебу более двух тысяч российских студентов. Объем торгового оборота между Великобританией и Россией в 2007 году по сравнению с прошлым годом вырос более чем на 7 миллиардов фунтов. На покупку недвижимости в Великобритании с 2000 года русские в общей сложности потратили более 2,2 миллиарда. Это больше, чем представители США и стран Ближнего Востока вместе взятые (16).

Таким образом, приведённые материалы и данные свидетельствуют о том, что «Русский мир», диаспора, русские, находящиеся постоянно или временно за границей, тесно взаимосвязаны между собой, а в целом составляют единый зарубежный фактор образа России. На протяжении десятилетий этот фактор не являлся постоянным, наоборот, подвергался серьёзным изменениям, а порой, словно маятник, раскачивался то в одну, то в другую сторону. Для того, чтобы наступила стабилизация необходи-

мы усилия не только на уровне государственных и общественных организаций, но и личные усилия, ответственность и достоинство российских граждан.

Примечания:

1. См.: *Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества. Статьи и интервью. М., 2008. С. 49.
2. См.: Московские новости. 2007, 9 ноября.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. См.: *Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие. С. 58–59.
7. Там же. С. 60–69.
8. Там же. С. 68.
9. См.: *Гайдамак Аркадий.* Всё окупится сторицей // Независимая газета. 2002, 11 июня.
10. См.: www.kemerinfo.ru/ki_news.php?id
11. См.: www.italy.ayda.ru/hotels.php?0=142.
12. См.: www.kemerinfo.ru/ki_news.php?id
13. Там же.
14. См.: www.nr2.ru/nn/101552.html
15. См.: www.kuda.ua/2694
16. См.: www.inosmi.ru/translation/235404.html

Литература к III теме:

- Березкина О.П.* Политический имидж в современной политической культуре. Дис. докт. политических наук. СПб., 1999.
- Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.
- Блажнов Е.А.* Паблик Рилейшенз. М., 1994.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.
- Галумов Э.А.* Международный имидж России. М., 2003.
- Джеймс Дж.* Эффективный саммаркетинг. Искусство создания положительного образа. М., 1998.
- Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
- Киселев И.Ю.* Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформации // Полис. 2003. № 3.

Кононенко В.А. Формирование образа как аспект внешней политики современного государства. Дис. канд. полит. наук. СПб., 2005.

Кононенко В.А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. № 2.

Мифы и мифология в современной России. М., 2003.

Почепцов Г.Г. Имиджеология. М., 2002.

Старо-новые российские мифы. Кризис знания или сознания? М., 2009.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества. М., 2008.

Струве Г. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы (1-е изд., Нью-Йорк, 1956; 2-е изд. Париж, 1984).

Сэмсон Элери. Имидж: гид для эффективной самопрезентации. М., 1998.

Шановалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. М., 2000. № 1.

Black S. The essentials of public relations. – London, 1993.

Foster L. A. Bibliography of Russian Emigre Literature, 1918–1968. Boston, 1970. Vol. 1–2.

Keohane Robert. After Hegemony, Princeton, 2003.

Murgenhau Hans. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace (4 edition). New York, 1967.

Mercer L. Reputation and international politics. N.V, 1996.

Wang H. National image building: a case study of China. Hong Kong, 2001.

ТЕМА IV

МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОГО И НЕГАТИВНОГО ОБРАЗОВ

Лекция 10

Структуры информационной политики и пропаганды

Как известно, грамотная имиджевая политика формирует на первых порах доход, затем – репутацию, наконец – авторитет. Почему легче информировать, порой и с упреждением, чем потом оправдываться? Какой опыт информационных технологий XX века пригоден и сегодня? В чём состоит смысл новых методов конструирования имиджа?

Современные структуры информации в значительной мере зависят от обмена новостями. Четкую грань между информацией для «внутреннего» и «международного» использования в этих условиях провести непросто. Любая информация локального характера в любой момент потенциально может стать международной сенсацией. Даже если руководство СМИ принимает мотивированное решение инициировать информационную кампанию, для её проведения должны быть соблюдены определённые условия. Они зависят не только от чьей-то воли. Конечный продукт этих усилий должен быть конкурентоспособен. Он должен отвечать принятым в профессиональной среде стандартам, или превосходить их, устанавливая, таким образом, новые требования к информации.

Информационный импульс можно считать безрезультатным, если он не передан по цепочке «ретранслирующих» СМИ. При этом их выбор должен быть осознанным, а не обусловленным коммерческим сотрудничеством с пиар-компаниями. Бесконфликтный и лояльный информационный бизнес – это не реальность, а доктрина. Она ведёт к вытеснению национального сегмента массмедиа на периферию процессов, связанных с развитием рынка информации и обеспечением на нем имиджа страны. Правила работы диктуют не только «национальные интересы», но также рынок и конкуренция на нем.

Средства массовой информации поддерживают в умах обывателей некие суждения и ценностные ориентации, востребованные в данном политическом сообществе. Сами обыватели чаще всего считают, что в условиях гарантированной свободы слова и запрета на цензуру, они способны самостоятельно судить о тех политических процессах, которые вызывают их интерес. Однако все более очевидным становится тот факт, что и в России, и в зарубежных странах массмедиа добросовестно отрабатывают социальный и политический заказ. Он поступает от властных структур или от политических контр-элит, финансирующих соответствующие издания. И именно они формируют господствующие в обществе представления. Именно они определяют бытующие среди населения той или иной страны стереотипы массового сознания.

Классические прецеденты

Опыт подобного воздействия формировался не одно десятилетие, некоторые примеры стали просто хрестоматийными в информационной политике. Как, например, формировался образ России в общественном мнении Великобритании в период Первой мировой войны? С августа 1914 года началось целенаправленное создание системы пропаганды для формирования «образа союзника» в общественном мнении Великобритании и России (1). Для контроля над распространяемой информацией в стране и за рубежом в обоих государствах были созданы бюро новостей при МИДе. Британский военный кабинет признал существование необходимости организации, которая координировала бы пропаганду в Британии, союзных и нейтральных странах и боролась бы с распространением дезинформации. Этим органом стало Бюро пропаганды под председательством главы национальной страховой комиссии К. Мастермана.

Для получения информации при посредничестве бюро пропаганды и МИД в Британию направлялись русские журналисты, а в Россию — британские, некоторые из которых получили доступ в действующую армию. С осени 1914 года русская публика получила широкий доступ к английской прессе. На формирование положительного восприятия союзника влияли работы британских и русских публицистов и учёных. В России и Британии были созданы организации, которые поддерживались правительством и имевшие полуофициальный характер. Это «Общес-

тво друзей России», открытие которого произошло в марте 1915 года в официальных апартаментах спикера палаты общин. В России были созданы «Общество британского флага», «Общество англо-русской дружбы». В Великобритании были созданы аналогичные общества. При поддержке официальных властей и на базе клубов проводились лекции с целью более близкого знакомства с культурой и историей союзников.

Участие России в войне в союзе с Британией потребовало ломки устоявшегося стереотипа её восприятия английским обществом. На протяжении XIX века она являлась соперницей Британии. В общественное сознание в этот период внедрялся тезис об угрозе для Индии «русской экспансии». В результате целенаправленной антирусской кампании британской прессы в стране сложилось негативное отношение к царскому режиму, которое трансформировалось в целом в неприятие России. В массовом сознании английского общества она представлялась как оплот тирании и азиатского варварства и противопоставлялась Европе, как оплоту Демократии, Прогресса и Цивилизации.

В ноябре 1914 года Бернард Шоу опубликовал памфлет «Здравый смысл о войне». В нем он утверждал, что Англии помогать России и Японии в борьбе с Германией столь же самоубийственно, как Канаде помогать индейцам-апачам в борьбе против США. Шоу видел разницу между русским народом и авторитарным политическим строем империи. Чтобы стать действительно цивилизованной страной, Россия должна измениться. Поэтому общий вывод памфлета Шоу свелся к следующему: «Победа, недостижимая без русской помощи, была бы поражением западноевропейского либерализма: наш союзник сегодня, завтра может стать врагом. Если мы не можем без помощи России победить Потсдам, то нам следует просто «отдать» Германии лучшее и рассчитывать на союз с Америкой ради нашего места под солнцем» (2).

Шоу не был одинок в своей критике официального курса на союз с Россией. Против правительственной политики выступала группа радикалов из Кембриджа. Радикалы и пацифисты были против союза с царизмом, они объединились в «Союз демократического контроля», проводивший митинги, выпускавший листовки и памфлеты, которые осуждали альянс с Россией и всю политику Антанты.

В британской прессе сразу после начала войны стала разворачиваться масштабная прорусская пропаганда. К делу искоре-

нения вредных стереотипов общественного сознания были привлечены лучшие британские учёные – специалисты по России. Издательский комитет «Виктория-Лиги» предложил самому знаменитому специалисту сэру Дональду Макензи Уоллесу сказать веское слово патриарха. Он откликнулся серией статей «Наш русский союзник», которая была издана в виде брошюры для массового читателя. Профессор Эдинбургского университета Чарльз Сароли, также с целью борьбы с русофобскими настроениями англичан, опубликовал книгу «Долг Европы России». По тематике и направленности с этими работами перекликались книга Д.У. Макейла «Дар России миру». Русский корреспондент в Британии Шкловский, который работал под псевдонимом Дионео, писал, что книга имела «полуофициальный характер». В составлении этой книги принимали участие учёные, такие, как профессор Томсон, Уайтхед, Старлинг. Поэтому, цель книги состояла в том, чтобы «дать широкой английской публике, в том числе и рабочим, самое общее представление о русской литературе, искусстве, музыке, науке. Выявить индивидуальность русского народа и установить, таким образом, дружбу между ним и английским народом».

Профессор Бернард Пэйрс выступил с серией фронтовых репортажей, которые далее были собраны и опубликованы отдельной книгой «День за днем с русской армией».

Самым активным участником прорусской компании был корреспондент «Таймс» Стивен Грэхем. В начале 1915 года была издана его книга «Россия и мир». За его работами внимательно следила британская пресса, в которой регулярно появлялись рецензии на сочинения о России. За годы войны Грэхемом было опубликовано четыре книги.

Наибольший вес в глазах англичан, включая правительство, имел фактор русской военной мощи. Широко в прессе эксплуатировался тезис о русском паровом катке, который, развив стремительное наступление, способен смять немецкие армии и добиться победы в кратчайшие сроки. Характерной чертой прорусской пропаганды стало неимоверное преувеличение её военной мощи и большое внимание к русской армии. Источник силы армии усматривался Грэхемом в мистическом «русском духе».

При поддержке правительства в Британии создавались общества дружбы, задача которых состояла в распространении среди англичан знаний о России. В конце февраля 1915 года в Лон-

доне состоялось открытие «Общества друзей России». На базе Англо-русского общества в Лондоне и при поддержке официальных властей в Британии были организованы лекции о России. В 1915 году в Королевском колледже была организована серия лекций «Дух союзников».

28 апреля 1915 года в Лондоне состоялся День русского флага. Его целью было подчеркнуть перед населением Англии значение побед доблестной русской армии и значение её побед в общей борьбе союзников. В течение 1915 года дни флага проводились три раза. В ходе мероприятий, организованных Русским обществом и Англо-русским литературным обществом, были прочитаны лекции и проведен сбор денег для раненых. Общая британская акция сбора пожертвований для русских раненых была проведена в мае 1915 года одним из обществ. Акция была поддержана лордом Розбери, который в приветственном послании писал, что мы все должны стремиться служить России и чествовать её за то, что она со славою держит фронт в одну тысячу миль (3).

Итак, во время Первой мировой войны в Великобритании был создан аппарат пропаганды, имевший многоуровневую структуру. Его активность демонстрировала большую заинтересованность в восточном союзнике. Цель британских обществ состояла в просвещении, знакомстве общества с культурой и историей союзника. Это, по мнению учредителей, должно было сформировать положительный образ России. Именно эта задача являлась наиболее актуальной для Британии. Однако, несмотря на усилия прессы, так и не удалось создать благоприятного, привлекательного имиджа восточного союзника в глазах британского общества. Так случается. И причиной этого была инерция общественного мнения, которое привыкло воспринимать Россию как врага. Период союзнических отношений был слишком коротким, чтобы изменить стереотип.

Рассмотрим ещё ряд исторических примеров информационной политики.

Известен так называемый «эффект CNN», когда информация этого американского телеканала одновременно доступна как президентам, так и простым зрителям. Это позволяет прибегать к манипуляции общественным мнением. Так, в октябре 1993 года, когда развернулись острые события вокруг «Белого дома», примерно в 2.00–2.30 CNN дала в эфир очное интервью председателя Верховного Совета РФ Руслана Хасбулатова и

текст Обращения на фоне кадров прямой трансляции маневров в окрестностях «Белого дома» и приготовлений к атаке войск МВД РФ. По российским телеканалам этот материал не прошёл. По истечении небольшой паузы, после 3.00, CNN прокомментировала интервью Хасбулатова как параноидальный бред и показала снятые, видимо, в предыдущие сутки ночные кадры окрестностей «Белого дома» без внутренних войск МВД РФ, которые к этому моменту ещё продолжали стоять на изготовку к атаке вокруг Дома Верховного Совета РФ (4).

Вспомним также видеоряд воздушной атаки на здание Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Он заметно пошатнул уверенность американцев. До сих пор для них остаётся открытым сакраментальный вопрос: «Как это могло случиться в США?». Именно прямой режим трансляции, не знающий языковых барьеров видеоряд и «эффект присутствия», обеспечиваемый электронными СМИ, мгновенно создали в мире резонанс, приведший к формированию глобального пространства сочувствия американцам и Америке. Если представить, что события, подобные теракту 11 сентября, произошли в до-телевизионную эпоху, можно предположить, что реакция общественного мнения в мире была бы менее эмоциональной, и геополитические последствия трагедии были бы не столь значительны.

Противоположный пример. Информационно-пропагандистские службы Советского Союза долгие годы накапливали опыт переработки негативной для образа государства в позитивную информацию. Своеобразной точкой отсчёта здесь можно считать трагическую гибель парохода «Челюскин», раздавленного в 1934 году льдами. Это событие было так трансформировано СМИ, что общество восприняло её в состоянии всенародного ликования. Появились даже первые Герои Советского Союза — в связи с успешным окончанием спасательной операции высшая

степень отличия была присвоена лётчикам Ляпидевскому, Слепневу, Молокову, Каманину, Водопьянову, Доронину. Одновременно все они были награждены орденами Ленина. Откровенный негатив стал столь же откровенным позитивом, сохранившим пространство уверенности в обществе. Но это было при Сталине.

Встреча челюскинцев

А как строилась информационная политика и пропаганда в мире СССР во времена Брежнева? Этим занимались мощные организации, обладавшие практически неограниченными средствами и многотысячными штатами — Агентство Печати «Новости» (АПН), Радиовещание на зарубежные страны на десятках языков и Главное управление внешних сношений Государственного комитета по телевидению и радио СССР (Гостелерадио) с большим производственным аппаратом для производства телепрограмм, Дома дружбы и культуры в столицах десятков государств. И это далеко не полный список организаций, занимавшихся (как это тогда называлось) внешнеполитической пропагандой. К этому списку следует добавить многочисленные радиостанции, вещавшие в приграничных районах на зарубежные страны, пропагандистские аппараты в системе МИДа, Интуриста и ряде других организаций.

Нацеленные на создание привлекательного образа Советского Союза за рубежом, эти организации в то же время жестко блокировали любую возможность получения и распространения негативной информации об СССР. Они же выполняли функцию надзора за деятельностью иностранных корреспондентов на территории Советского Союза.

Но насколько эффективной была пропаганда позитивного облика советского образа жизни средствами внешнеполитической пропаганды?

На протяжении многих лет Гостелерадио отчитывался перед директивными органами или Инстанцией — так называли тогда на «тайном» бюрократическом языке ЦК КПСС — о проделанной работе в области внешнеполитической пропаганды. Отчитывался исключительно цифрами — сколько отправлено в ту или иную страну фильмов или информационных сюжетов. Цифры были внушительными. Количество фильмов, специально снятых для бесплатной отправки за рубеж, исчислялось сотнями, информационных сюжетов — тысячами. Но вот в конце семидесятых годов советник нашего посольства в Марокко, ответил на вопрос: а часто ли показываются по местному телевидению наши информационные сюжеты? Выяснилось, что пленки, с каждым рейсом Аэрофлота прилетавшие в Рабат, выбрасывались в мусорный ящик уже на таможне. Материалы об СССР, которые появлялись на местном телевидении, приходили исключительно со стороны международных агентств телеинформации (5).

Аналогичная ситуация существовала во всех капиталистических странах и большинстве развивающихся стран. Разница была лишь в том — где выбрасывали прилетавшие из Советского Союза плёнки — либо на таможне, либо самими адресатами. Но победные отчеты с впечатляющими цифрами регулярно шли в «инстанции» и обеспечивали руководителей дальнейшие ассигнования и всевозможные поощрения.

Во время войны в Афганистане в 1979—1989 годах сюда также поступали многотысячные тиражи пропагандистских брошюр. Их практически никто не читал: во-первых, потому, что 96% населения не умели ни читать, ни писать, а, во-вторых — это было исключительно скучное чтение. Зато торговцы на базарах утверждали, что плотная бумага, на которой печатались такие брошюры, была исключительно хороша для сворачивания из неё пакетиков, в которых продавались орехи и изюм. Другой случай — тоже в

Афганистане — был ещё более поразительным. В начале 80-х годов старые черно-белые телевизоры в СССР обменивались в магазинах на цветные. При этом стоимость нового уменьшалась за счет сданного на 20 рублей. Для старых телевизоров «гении» внешнеполитической пропаганды нашли великолепное применение. Было решено не утилизировать их, а отправить в качестве дара народу Афганистана — «сотни тысяч афганцев будут смотреть передачи официального местного и советского телевидения». Более двухсот тысяч телевизоров были доставлены в воюющую страну. Нашими специалистами были в кратчайшие сроки построены мощные ретрансляторы в Джелалабаде, Кандагаре, Герате и Кабуле. Это давало возможность принимать передачи почти на всей территории страны. Но, увы, никто при этом не подумал о том, что почти нигде на этой территории не было электричества. В результате, в глинобитных домах, лишенных, как правило, элементарной мебели, дареные телевизоры использовались в качестве тумбочек (6).

Однако в арсенале государства были и действительно эффективные формы ведения внешнеполитической пропаганды, которые постоянно использовались: гастролы выдающихся музыкантов и музыкальных коллективов, балета и оперы Большого театра. Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии месяцами не бывал дома, то же было и с «Березкой», ансамблем народного танца Игоря Моисеева и многими другими. Таким образом, достигались поставленные цели — миллионы людей становились почитателями, друзьями, поклонниками страны, в которой рождалось такое искусство.

Огромное влияние на интеллигенцию зарубежных стран оказывали достижения советской науки. Имена великих учёных Капицы, Ландау, Курчатова, Тамма, Семенова оказывали уже сами по себе мощное пропагандистское влияние. Оно многократно усиливалось советскими космическими достижениями: восторг от улыбки Юрия Гагарина, помноженный на бесконечный страх перед ядерной мощью. Всё это обеспечивало создание в широких кругах зарубежной общественности положительного образа великого социалистического государства. И этот результат многократно усиливался тем, что Советский Союз «бескорыстно дарил» развивающимся странам металлургические заводы, огромные плотины и гидроэлектростанции. На таком фоне меркли «клеветнические» выдумки о низком и уровне жизни в СССР.

Ложные искушения

Сегодня многие эксперты сожалеют, что с наступлением новых времен в запале борьбы со старым режимом вместе с водой с легкостью выбрасывали и ребенка. Сторонники демократических перемен решили: внешнеполитическая пропаганда — порождение тоталитарной системы, и её надо прекратить. Доля истины в этом была. Надо было прекратить приукрашивание действительности, открыть свободный доступ к информации о жизни в стране, предоставить свободу передвижения по стране иностранным журналистам и выезда из страны — российским. Надо было прекратить бессмысленную трату денег на производство специальных фильмов, прославлявших социалистический образ жизни, на печатание миллионов книг и брошюр, которые никто (кроме, разве что, спецслужб) не читал. Но создавалась новая ситуация, на которую до последнего времени мало кто обращал внимание. Государство фактически ликвидировало все средства ведения внешнеполитической информационно-пропагандистской деятельности. Оно сняло с себя заботу о том, как воспринимается новая российская действительность за пределами страны. Результат оказался не только не положительным, но и весьма опасным.

Как показывает опыт, полтора десятка лет свободы получения и распространения информации привели к тому, что российские СМИ быстро восприняли традицию ставить сенсационность и «горячие» факты превыше взвешенности и объективности. Тем самым, они невольно способствовали (разумеется, вместе с усилиями своих зарубежных коллег) созданию сугубо отрицательного имиджа современной России за её границами. Отрицание необходимости пропаганды положительного образа России расценивается многими как возрождение одной из функций тоталитарного режима. Игнорируется тот факт, что развитые демократические государства, в том числе и США, открыто и зачастую весьма эффективно, ведут внешнеполитическую пропаганду.

Безусловно, в применении тех или иных информационных технологий не следует ожидать мгновенного получения результатов. Известен пример главного героя Агаты Кристи Эркюля Пуаро. Он был гениальным сыщиком, но он не мог преодолеть настроенность по отношению к себе даже тех английских клиентов, которым спасал жизнь, честь или состояние. Именно потому, что

был бельгийцем. Совершенно очевидно, что отрицательная установка англичан на континентальную Европу, а Европы — на Россию сложилась не вчера. Поэтому, хаотичными пиар акциями эту устойчивую, подкрепленную временем традицию резко переломить не удаётся. Из этого совсем не следует, что мы должны на всё «махнуть рукой», однако, настаивая на своей самобытности, пробиться на европейские рынки трудно с любыми деньгами.

Некоторые российские пиар **компании** верят в слабую информированность тех, чьи сердца, голоса или акции хотят завоевать. Они считают, что одних лестных публикаций в западных СМИ и удачной наружной рекламы хватит, чтобы внушить клиентам если не любовь, то уважение к нашей стране. Но на Западе тот же туристический имидж Москвы или Петербурга только этим улучшить нельзя. Помимо самокритики и тщательного разглядывания себя в зеркале, нужно ещё уметь имидж продвигать. У нас же своим имиджем за границей занимаются частные компании, да и то разрозненно и время от времени. И о них на Западе судят по образу страны, а его продвигать необходимо, как говорят в МИД РФ, многовекторно. Та же англосаксонская пресса сильна тем, что работающие там люди уже давно не журналисты в классическом понимании этого слова, а агитаторы и пропагандисты. Они «занимаются не только морализаторством, но и завоеванием новых земель, выполняют миссионерскую функцию для новой религии, которой де-факто является либеральная демократия» (7).

Эта пресса, бесспорно, выполняет заказ элит и оправдывает определённые ожидания своих читателей. Есть востребованность образа врага и историй, когда хорошая капиталистическая модель побеждает плохую социалистическую. Такого действительно мышление «постхолодной войны» — победитель должен доказать правомерность своей победы. Необходимо также учитывать, что существуют финансово-экономические рычаги, подогревающие нелюбовь к России. Пугающий образ России часто используется коммерческими компаниями. Ясно, что после истории с Сахалином-2 должна была начаться антироссийская компания — потому что такой крупной корпорации, как Shell, стало не очень хорошо.

Многообразие технологий

Арсенал приемов, используемых современными СМИ в процессе создания общественного мнения, достаточно велик. Это

может быть замалчивание одних фактов и выпячивание других. Это и публикация ложных сообщений, и пробуждение в аудитории определённых эмоций с помощью визуальных средств или словесных образов, это и апелляция к системе ценностей определённого общества и т.д. Кроме того, к эффективным приемам воздействия относятся использование совпадения интересов, внешнее сходство события с внушением, увязка новых стереотипов со старыми, подмена стереотипов, выпячивание чувств отдельных групп, стимулирование столкновений и т.д.

Подобные эффекты достигаются сочетанием различных средств. Например, *вербальных* (номинация различных объектов, явлений, процессов) и *невербальных* (использование только текста, сочетание текста с фотографиями или рисунками, применение схем, графиков, карикатур, определенной цветовой гаммы, выбор размера и гарнитуры шрифта).

Однако необходимо учитывать ещё одну особенность подачи материала в современных средствах массовой информации — фон, на котором рассматриваются те или иные явления жизни общества. Это связано с такими фундаментальными свойствами человеческого восприятия, как селективность и контекстная обусловленность. Во-первых, в процессе коммуникации субъекты восприятия должны осознавать, что имеют дело не с фактами как таковыми, а с интерпретацией этих фактов. А во-вторых, одно и то же событие в различных исторических или культурных ситуациях может быть интерпретировано совершенно по-разному.

Специалисты неоднократно предпринимали попытки классифицировать многообразие различных информационных технологий и способов пропаганды. О некоторых из них мы уже говорили в этом и предыдущем блоках наших лекций. Например, организация празднования тех или иных значимых «круглых дат», способных привлечь лидеров разных государств и многомиллионную аудиторию по всей планете. Эффект дают также: усиление новости за счет присутствия влиятельных людей (при условии участия глав государств, известных политиков и бизнесменов); сочетание новости с общественно важной проблемой (экологические проблемы, терроризм и др.); использование интриги, сенсации; использование информационного повода (примером может служить перезахоронение останков императрицы Марии Федоровны в сентябре 2006 г.) и др.

Институт анализа пропаганды США вообще предложил семь основных приемов пропаганды (8):

- *приклеивание ярлыков (name-calling)*.

Данный прием связывает страну с каким-либо негативным смыслом. В результате этого, у аудитории складывается негативное отношение к данной стране не на основе рациональных выводов, а из-за негативного отношения к используемому символу. Примером может служить такой ярлык, как «страна третьего мира».

- *сверкающие неопределенности (glittering generality)*.

Это приём, обратный вышеописанному, заключается в использовании слов с положительной коннотацией. Он строится на использовании представлений аудитории о чем-то, что имеет для неё безусловный авторитет или престижность, и перенос этого отношения на что-то иное. Данный прием опирается на использование широко известных символов для того, чтобы вызвать необходимые эмоции.

- *перенос (transfer)*.

Этот прием строится на использовании представлений аудитории о чем-то, что имеет для неё безусловный авторитет или престижность, и перенос этого отношения на что-то иное. Данный прием опирается на использование широко известных символов для того, чтобы вызвать необходимые эмоции.

- *свидетельство (testimonial)*.

Перенос авторитета к человеку или организации, озвучивающей определенную точку зрения.

- *подтасовка карт (card stacking)*.
- *фургон с оркестром (band wagon)*.

В основе этого приема лежит апелляция к «стадному» чувству, когда аудиторию призывают делать что-то, так как все это делают.

К числу распространённых относится выявление лидеров мнений. *Лидеры мнений — это люди, чьи суждения, оценки, утверждения воспринимаются аудиторией как значимые, заслуживающие доверия.* Как правило, каждый лидер мнения имеет определенную аудиторию, т.е. определённый круг слушателей, который всегда готов согласиться с ним. Среди таковых можно выделить экспертов (люди, которые воспринимаются как специалисты в данной области; к их мнению относятся как к компетентному) и престижные лица (звезды кино и эстрады, известные писатели, актеры, спортсмены и пр.).

Одним из основных средств распространения информации, в том числе политической, в настоящее время является *Интернет*. Это средство массовой коммуникации отличается от остальных СМИ преимущественно способом распространения и предоставления информации, большей точностью измерения эффективности пиар **кампаний**, большей скоростью в получении характеристик по ходу проведения той или иной акции, лучшей возможностью оперативного реагирования в соответствии с получаемыми в ходе акции показателями эффективности.

Возможности интерактивного взаимодействия были по достоинству оценены пользователями Интернета, число которых с каждым днем неуклонно растет. Общение в Интернете приобрело совершенно иные свойства, чем в реальной жизни, оно может происходить между географически удаленными субъектами. Так, сайт радиостанции «Голос России» сегодня признан одним из лучших в сети Интернет. Редакторы крупнейшей Интернет-энциклопедии «Британика», проводившие в сети отбор наиболее интересных страниц, оценили оперативность и точность информации, размещенной на сайте, авторитет авторов, дизайн, простоту в общении. По всем критериям сайт «Голоса России» признан самым удачным, он дает наиболее полное представление о жизни России. Радиовещание и возможности сайта предлагают на выбор 32 наиболее распространенных языков в мире.

Некоторые политологи предлагают развивать концепцию «электронного правительства», что позволит повысить эффективность, как внутренней работы государства, так и престиж России в глазах мировой общественности (9). Электронное правительство рассматривается как способ управления, присущий информационному обществу и опирающийся на возможности телекоммуникационных технологий и ценности открытого гражданского общества. Во многих странах «электронное правительство» только создается, а в некоторых странах оно давно и успешно функционирует. Однако сегодня «электронное правительство», за редким исключением, пока ещё не стало реальностью. В идеале электронное правительство должно состоять из трех основных модулей: G2G (government to government) — правительство правительству; G2B (government to business) — правительство бизнесу; G2C (government to citizens) — правительство гражданам. Первый этап процесса создания правительственной сетевой инфраструктуры в России характеризуется созданием

Интернет-сайтов федеральных органов исполнительной власти. По поручению Президента Российской Федерации в Правительстве Российской Федерации был подготовлен и утвержден Перечень регулярной обязательной информации для размещения федеральными органами исполнительной власти в российском сегменте сети Интернет. Следующим этапом является развертывание в сети Интернет инфраструктуры, предоставляющей пользователям возможные сервисы сугубо информационного характера, работающие с пользователем во внешнем информационном контуре.

Сегодня, в рамках работ по созданию Интернет-портала Правительства Российской Федерации сложилась более совершенная инфраструктура системы информирования общественности о деятельности органов государственной власти. Создается инфраструктура сетевых механизмов диалога (взаимодействия) правительства (ведомств) и граждан (сообществ) в виде специализированных онлайн-форумов по тем или иным общественно значимым проблемам. Создаются онлайн-сервисы для журналистов и редакции средств массовой информации. Для пользователей создан справочно-информационная база данных правительственных документов, интегрирующие тексты более 17 тысяч правительственных документов с интерфейсами, обеспечивая удобный поиск.

И, наконец, надо сказать о непривычных пока для нас лоббистских центрах. Бывший канцлер Германии, а ныне председатель наблюдательного совета Северо-Европейского газопровода (СЕГ) Герхард Шрёдер, предложил российским властям создать лоббистскую структуру по продвижению интересов России на Западе. Предложение создать лоббистский центр в Германии впервые прозвучало на неформальных переговорах с помощником российского президента Виктором Ивановым, когда тот в середине февраля приезжал в Берлин по приглашению Германского комитета по внешней политике. По замыслу экс-канцлера одним из центральных направлений деятельности новой структуры должно стать формирование позитивного имиджа России в немецких СМИ и сопровождение совместных российско-немецких проектов, в том числе и балтийского газопровода (10).

Итак, информационные процессы по продвижению образа страны требуют определённой совокупности скоординированных действий, формирующих отношение к стране. Но и послед-

няя способна формировать естественную коммуникационную среду, которая соответствует потребностям общества и состоянию экономики. Объективная образная реальность влияет, как мы показали, на деятельность внешнеполитических субъектов информационного процесса. Если эти субъекты искажают реальность, то возникает искусственная коммуникационная среда, способная проецировать только мифы. Эффективность продвижения позитивного образа страны вовне начинает снижаться, начинают восстанавливаться старые стереотипы.

Примечания:

1. *Грушина В.Ю.* Образ России в общественном мнении Великобритании в период Первой мировой войны // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке) : материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.Г. Чернышева. Барнаул, 2007.

2. Там же. С. 127.

3. Там же. С. 132.

4. См.: *Иванов И.* Анафема. Хроника государственного переворота. Записки разведчика. М., 1995.

5. См.: Воспоминания *Леонида Золотаревского* // www.interatr.org/rus/inner.php?menu_id

6. Там же.

7. См.: <http://www.frip.ru/newfrip/cnt/analtic/sel?cid=1556>

8. См.: www.bookap.by.ru/psywar/culadze/gl9.shtm — 40k

9. См.: *Суворова И.С.* Имидж современной России в мировой политике: технологии формирования и позиционирования. М., 2006. С. 72.

10. Коммерсант. 2006, 28 марта.

Лекция 11

Информационные войны

Глобализация самым серьёзным образом затронула современные коммуникации. Информационные потоки теперь могут проходить вне контроля тех или иных режимов власти. Сегодня невозможно удерживать информацию в пределах своей страны. Однако доступ к любой информации может играть позитивную и отрицательную роль. Проблема заключается не в сути информации, а в силе её воздействия на людей и в силе тех образов, которые используются. Тем более что жизнь политиков и других публичных людей становится всё более прозрачной. Крайне трудно сохранить в тайне процесс мотивирования и принятия тех или иных решений, которые, безусловно, влияют на имидж страны. Результаты этих решений становятся предметом настоящих информационных войн. В чём их смысл? Каковы их последствия? Кто разрабатывает стратегию ведения этих войн?

Смыслы информационных баталий

Изначально само понятие «информационная война» появилось в связи с военными действиями и вооружёнными формированиями. Специальные действия обеспечивали информационное превосходство и воздействие на информационные системы противника с тем, чтобы обеспечить избранную военно-политическую стратегию. Одновременно защищались собственные национальные информационные системы. В современном понимании *информационная война трактуется более широко, она представляет собой комплекс мероприятий по информационному воздействию на сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных действий.* Информационная война нацелена на все возможности и факторы уязвимости, неизбежно возникающие в зависимости от информации, а также на использование информации в различных конфликтах (1).

Объектом войн является как массовое сознание, так и индивидуальное. Индивидуальное воздействие касается лиц, от решения которых зависит принятие решений по интересующим противоборствующую сторону вопросам — президент, премьер-министр, глава МИД, дипломатические представители, главы

воинских формирований и т.д. Информационное воздействие может осуществляться как на фоне информационного шума, так и информационного вакуума. При этом именно *навязывание чуждых целей* делает информационную войну войною и отличает её от обычной рекламы. *Средствами* ведения войны являются любые средства передачи информации – от СМИ до почты и сплетен.

В техническом отношении информационная война велась непрерывно – прослушивание, утечка конфиденциальных сведений, подбрасывание компромата на те или иные лица и организации, проникновение в информационные сети и базы, в том числе через Интернет (2). Одновременно отрабатывались и различные практики по видам вводимой информации, способам её переработки и результирующему поведению.

Стало очевидно, что методы информационной войны воздействуют на сознание аналогично тому, как методы психотерапии воздействуют на сознание индивидуальное. К примеру, психологам известно, что при тревожных расстройствах активизируется «программа выживания». Индивид из потока информации выбирает «сигналы опасности» и блокирует «сигналы безопасности» (3). В этом варианте терапии человек больше реагирует на *когнитивные схемы* у себя в голове, чем на реальность.

Когнитивность (познание) важна для формирования образов. Она характеризует процесс преобразования знаний посредством определённых умственных операций – концептуализация, суждение, воображение. Всё это обычно противопоставляется волевым усилиям и эмоциям, которые играют иную роль в строительстве образов. Когнитивные схемы, которые задают модель поведения, можно представить в такой последовательности:

Персонализация. Когда все события интерпретируются человеком преувеличенно личностно.

Дихотомическое мышление. Когда все события и их образное восприятие могут быть либо только хорошими, прекрасными, либо плохими, ужасными.

Выборочное абстрагирование. Когда оценка одной детали начинается трактоваться как оценка всего события.

Произвольные умозаключения. Когда бездоказательные умозаключения становятся определяющими (например, фраза: «Я ужасная мать!»).

Сверхгенерализация. Когда обобщение строится на основании единичного случая (к примеру, «Все мужчины одинаковы», «Я всегда делаю неправильно»).

Преувеличение, катастрофизация. Когда последствия какого-либо события явно преувеличиваются (4).

Данный список (с учётом определённого пересечения названных искажений) показывает, что часто нами руководит не реальная действительность, а заранее заданная схема её интерпретации. При наличии определённой схемы мы начинаем избирать «сигналы», которые работают на её подтверждение.

Альтернативные модели

Однако когнитивной модели можно противопоставить альтернативный образ мира и конкретной ситуации. Массовая культура различает доминантную и не доминантную культуры. Хрестоматийный образец конфликтующих образов – генсек Брежнев на экране телевизора как мудрый руководитель большого государства и генсек Брежнев из анекдота в качестве глупого и ограниченного человека. Альтернативы, столкновение образов, безусловно, используются в информационных войнах. В её арсенал входит также «перевод» с одной картины мира в другую. В этом случае происходит процесс перекодировки. Посылаемое сообщение может трансформироваться до неузнаваемости. В частности, пропагандистское сообщение предполагает *три этапа* работы:

- привлечение внимания и создание интереса;
- эмоциональная стимуляция;
- демонстрация того, как созданное напряжение может быть снято.

При этом надо помнить, что пропагандист может замедлить или ускорить направленность общественного мнения, но он не может пустить его в обратном направлении (5).

Последние десятилетия дают нам возможность внимательно отслеживать применение различных информационных технологий. Любой военный конфликт предполагает учёт двух основных типов целевой аудитории – войска противника и общественное мнение своей страны. В отношении противника обычно используются листовки, контрпропаганда радио и участие в ней пленных солдат или офицеров. На общественное мнение основное влияние оказывает, безусловно, телевидение, периодические

брифинги для представителей прессы. Хотя известны негативные случаи работы с прессой. Они хорошо известны на примере событий в Чечне, в частности, теракта в Будённовске. Эксперты зафиксировали отсутствие оцепления, сквозь которое к террористам проходили журналисты, которым те позировали и давали интервью. Не было единого представителя штаба для контактов с общественностью и СМИ (6).

В рамках информационных войн хорошо прослеживается использование отвлекающей информации — отвлекающей от действия (будущего или прошлого) и отвлекающей, собственно, от информации. Первый вариант употребляется довольно часто в военных операциях. Историки подробно проследили, как обманывали Сталина в отношении начала военных действий 1941 года, как обманывали Гитлера о месте высадки войск союзников. Второй вариант связан с борьбой за определение «повестки дня», когда СМИ задают те проблемы, о которых говорит общественность. Пресса может влиять как через отбор новостей, так и изменение значимости новостей.

В случае, когда сообщения от оппонента поступают регулярно, используются такие приёмы в работе с ними:

- описание действия иным способом, который носит более благоприятный характер;
- перевод акцента на другое действие, при этом общественное действие уходит в сторону;
- акцентирование негатива противника;
- опровержение информации (здесь надо иметь в виду, что оно привлекает внимание к введённому другими содержанию, тем самым занижается эффективность своей работы) (7).

В политической борьбе нередко можно наблюдать запуск компромата на конкретные личности, чтобы вывести их из обочки привычных норм и сложившегося образа. (Это примеры купания в сауне бывшего министра юстиции Н. Ковалёва или посещения стриптиза Б. Немцовым).

Сильным стабилизатором являются сообщения о «неуправляемости ситуацией» (катастрофы и др.). В результате человек выводится из рационального состояния. Начиная действовать эмоционально, он лишается многих социальных ограничителей, заражает паникой других людей. Как следствие типы «панических сообщений» включают более древние участки мозга, кото-

рые несут в себе исключительно животные реакции на ситуации (убегать, драться и др.). Из репертуара поведения исчезают прогнозируемые человеческие реакции. Они, как и реакции толпы, сбрасывают с себя разного рода условности. Толпа сама по себе усиливает тягу к несанкционированному поведению, так как человек в толпе защищён анонимностью. Информационные войны как раз и преследуют цель ввести элементы неуправляемости социальными системами.

Южноосетинский прецедент

Одним из последних развернутых примеров по нашей теме являются трагические события в Южной Осетии (август 2008 г.) и их последствия. Основной линией освещения событий в Южной Осетии стали нападки на Россию за «вторжение» и даже «оккупацию» Грузии. Особенно усердствовал в этом, судя по результатам нашего отслеживания ситуации, такой канал телевидения, как CNN. Репортажи о «русской агрессии» против маленькой беззащитной Грузии сопровождался актуализацией образа России как гегемона и захватчика. Действия России сравнивались с вводом советских войск в Афганистан, Венгрию и Чехословакию, политика нынешней российской власти трактовалась как «сталинская» и «гитлеровская» (8). Этот американский и международный спутниковый канал, первым в мире начавший круглосуточную трансляцию новостей практически в режиме реального времени, показывал, к примеру, картинку российского телеканала «Russia Today» с демонстрацией горящего города Цхинвала после его обстрела грузинской артиллерией, установками «Град» и бомбардировки авиацией. Однако диктор объяснял зрителям, что показывают город Гори, уничтоженный российской армией. Чуть позже шло объяснение, что произошла ошибка, но кадры из горящего города повторяли часами, а про «ошибку» сказали мимоходом и больше к этой теме не возвращались (9).

На BBC World журналисты пытались хоть что-то передать из самой Южной Осетии, но так и не смогли туда попасть. Сообщения же журналистов BBC из России по своему содержанию были довольно нейтральными. Они просто передавали отношение россиян к происходящему, ничего не добавляя. Но общая тональность освещения пятидневной войны, и это очевидно, определялась не журналистской беспристрастностью, а политической позицией британского Форин Офиса.

Американский FoxNews, ориентированный в основном на внутренние события в США, повторял в основном то, что сообщали другие СМИ. Было заметно, что ведущие довольно слабо разбираются в том, где и почему все это происходит. Первые дни были просто сообщения о военных действиях на Кавказе, затем кто-то сказал, что «Грузия – наш союзник» (т.е. союзник США), и после этого все ведущие FoxNews стали повторять эту фразу, которая, видимо, должна была объяснить, почему США вообще должна интересоваться ещё одна Джорджия на другом конце света. Любые попытки рассказать о событиях с точки зрения России и Южной Осетии пресекались. Достаточно вспомнить нашумевшее интервью двух осетинков на этом канале, где им просто не дали говорить, как только стало ясно, что они будут благодарить Россию за своё спасение.

В целом же было четко видно, кто на чьей стороне был в этой пятидневной войне. Большинство западных каналов и изданий вещали исключительно из Грузии, а российских – из Южной Осетии. Правда, российские журналисты первые два дня передавали сообщения и из самой Грузии, несмотря на довольно враждебное к ним отношение и полную блокаду российских СМИ и Интернета грузинскими властями.

Западная аудитория видела только и исключительно страдающих грузинских беженцев, грузинскую армию, бесконечные пресс-конференции грузинского президента и разрушения в Грузии (некоторые из которых потом оказались кадрами разрушенного Цхинвала). Создавалось полное впечатление, что война идёт именно против Грузии, которая подверглась неспровоцированному нападению со стороны России. Южной Осетии с её жертвами и разрушениями в западном медийном пространстве практически не было. Если о жертвах и упоминали, то в том ключе, что это все «военная пропаганда». Схожая ситуация с освещением событий была и на европейских телеканалах.

В печатных мировых изданиях был определённый разброс мнений. Однако большинство западных газет и журналов всё-таки осуждали Россию и таким же единым хором поддерживали Грузию. Говорить о профессионализме и беспристрастности в данном случае не приходится. Поэтому крайне важной была оценка итога конфликта со стороны авторитетной правозащитной организации Human Rights Watch. В своём специальном докладе правозащитники описали и проанализировали события и

последствия этой войны с точки зрения нарушения международного гуманитарного права (10). Этот подход позволяет сформировать непредвзятый взгляд на августовские события в условиях, когда все стороны конфликта вели активную информационную войну.

Сотрудники Human Rights Watch осуществили несколько миссий в Грузию и непосредственно Южную Осетию, опросили более 460 пострадавших, свидетелей и других участников событий, включая представителей властей. Именно Human Rights Watch впервые заговорила о применении запрещенного международными конвенциями кассетного вооружения. В результате погибли гражданские лица, возникла значительная угроза для жизни и здоровья жителей данного региона. Грузия признала применение оружия неизбирательного поражения, причём высокопоставленный чиновник министерства обороны Грузии оценил его «как в целом успешное». Россия не признала факт применения кассетного оружия.

Доклад развеивает многие мифы «пятидневной войны» и её информационного сопровождения. Квалифицированы и даны оценки военным преступлениям, совершенным воюющими сторонами. Что касается нарушений со стороны со стороны *грузинских сил*, то признаётся, что в ночь с 7 на 8 августа грузинские войска подвергли массированному артобстрелу Цхинвал и несколько окрестных сел. В Цхинвале больше всего пострадали южная, юго-восточная и юго-западная части города и центр. Был причинен серьёзный ущерб многочисленным гражданским объектам, включая университет, несколько школ и детских садов, магазины и большое число многоквартирных и частных жилых домов. Среди объектов, пострадавших в Цхинвале от ракет из установок «Град», была Центральная республиканская больница – единственное медицинское учреждение в городе, где в течение первых дней боев оказывалась помощь раненым. По словам одного из врачей, больница обстреливалась в течение 18 часов, и им пришлось перенести всех раненых в подвал. А ведь в соответствии с нормами гуманитарного права больницы пользуются особым статусом помимо того, что они относятся к гражданским объектам, и даже присутствие там раненых комбатантов не делает их законными военными целями.

В селе Хетагурово, особенно в его южной части, которая была ближе к позициям грузинской артиллерии, правозащитники

наблюдали значительное число домов, которые были полностью уничтожены или получили серьёзные повреждения. Так, в один из домов на ул. Аланская на южной окраине села попали четыре ракеты и три мины, в соседний дом попало пять мин. Аналогичные истории рассказывали жители сел Нижний Гуджабер, Сарабуки, Мугути, Дмениси и Новый Тбет. Грузинское наступление на ряд сел тоже, как представляется, осуществлялось без должного учета безопасности гражданского населения. В селе Хетагурово грузинские военнослужащие буквально поливали очередями ворота и заборы, требуя, чтобы ополченцы сдавались. По словам очевидцев, 8 августа шальной пулей была убита пожилая жительница Анастасия Джиоева, вышедшая во двор покормить кур. Небольшое, с десятков дворов, село Новый Тбет на окраине Цхинвала было почти полностью уничтожено огнем грузинской артиллерии и танков. По словам 63-летней Изольды Галиевой, все молодые мужчины, в том числе и её сыновья, ушли в ополчение в город, и на момент занятия села грузинскими войсками 8 августа там оставались только женщины и старики.

Большинство опрошенных свидетелей на другие нарушения со стороны наступающих грузинских сил не жаловались. По их словам, входившие в села войска не причиняли жителям преднамеренного физического вреда. Несколько опрошенных отмечали, что грузинские солдаты говорили им, что у них приказ — женщин, детей и стариков не трогать. Отдельные свидетели из различных сел, однако, жаловались на то, что в поисках боевиков грузины переворачивали весь дом, а иногда и забирали деньги, ценности, российские документы или другие вещи.

В ходе военных действий в Южной Осетии грузинскими войсками были задержаны, по меньшей мере, 32 человека. Часть задержанных осетин содержались на военной базе в Вазиани под Тбилиси. Другие осетинские задержанные содержались в учреждениях Министерства юстиции: четырех следственных изоляторах, тбилисской тюрьме № 8 и центральной тюремной больнице. Грузинская сторона утверждает, что лица, задержанные в связи с конфликтом, размещались отдельно от других заключенных в новых или недавно отремонтированных тюрьмах, а также, что им обеспечивалось трехразовое питание в соответствии с «принятыми нормативами», неограниченный доступ к воде и, по необходимости или по просьбе самого задержанного, — к медицинской помощи.

Говоря о нарушениях со стороны *российских сил*, доклад устанавливает, что нарушения норм гуманитарного права совершались российскими силами как в Южной Осетии, так и на территории собственно Грузии. Российские авиационные и артиллерийские удары 8–12 августа по грузинским военным целям в Гори и грузинских селах в Южной Осетии и Горийском районе нередко сопровождались гражданскими потерями и разрушением гражданских объектов, таких как индивидуальные или многоквартирные дома. В Кехви была разрушена школа, местные жители называли имена по меньшей мере трех человек, убитых осколками.

Утром 9 августа российская авиация уничтожила грузинскую военную базу на ул. Сухишвили на окраине Гори. При этом пострадали три 5-этажных дома на той же улице, 14 человек погибли, десятки были ранены. В каждом из трех жилых домов попадание пришлось прямо в центр, что позволяет предположить «преднамеренное нанесение ударов» по ним. Примерно в 11.00 российская авиация нанесла несколько ударов по горийской школе № 7 и окружающей территории. По словам 60-летнего Гиви Меланашвили, в момент появления российской авиации на школьном дворе было около сотни грузинских резервистов. Насколько ему было известно, никто из них не пострадал. Резервисты являются комбатантами и, соответственно, законной военной целью.

К 12 августа многие жители Гори покинули город. Персонал военного госпиталя остался, чтобы не бросать пациентов. Около двух часов ночи 13 августа с российского вертолета была выпущена ракета по группе врачей, куривших во дворе госпиталя. В результате ранения в голову погиб врач Георгий Абрамишвили (около 40 лет). Перед этим он четыре дня оперировал раненых. Правозащитники убедились в том, что на крыше госпиталя присутствовал хорошо различимый знак Красного Креста, пользующийся особым покровительством Женевских конвенций. Данное нападение является серьёзным нарушением международного гуманитарного права.

8 августа из различных сел Южной Осетии колоннами автомашин на юг — в направлении собственно Грузии. У села Ередви на объездной дороге вокруг Цхинвала эти колонны попадали под удары авиации. Свидетели, ехавшие в колонне из нескольких десятков машин, рассказывали как около 16.00 (и позже, в 19:00)

8 августа над их колонной появились пять российских самолетов, которые прошли, развернулись и открыли огонь. По их словам, в тот момент на дороге не было никаких военных целей (солдат или машин). Удары по гражданским автоколоннам в районе села Ередви можно с большой долей вероятности признать нарушением гуманитарного права.

Когда Россия вводила свои силы в Грузию, в том числе Южную Осетию и Абхазию, которые де-юре являются частью грузинской территории, она действовала без согласия Тбилиси и в отсутствие двустороннего соглашения. Соответственно, Россия приобрела статус оккупирующей державы, как фактически контролирующая часть грузинской территории. При российском попустительстве эти районы превратились фактически в ничейную землю, на которой «мародеры могли безнаказанно совершать военные преступления: убивать, грабить и жечь дома».

К нарушениям со стороны *осетинских сил* правозащитники отнесли, прежде всего, тот факт, что, начиная с 10 августа, по мере того как российские войска стали завершать вытеснение грузинских сил из Южной Осетии и продвигаться на территорию собственно Грузии, следовавшие за ними осетинские силы занимали грузинские села. После этого они проводили «зачистки», сопровождавшиеся «грабежами, поджогами и нападениями на оставшихся жителей». К 11 августа нападения усилились и приняли массовый характер. В большинстве грузинских сел грабежи и поджоги продолжались до конца сентября, кое-где — ещё и в октябре, и ноябре.

Власти Южной Осетии с безучастностью смотрели на разрушение грузинских сел и не принимали никаких сколько-нибудь серьёзных мер, чтобы не допустить их уничтожения, обеспечить безопасность жителей и привлечь виновных к ответственности. 13 августа тогдашний секретарь югоосетинского Совета безопасности Анатолий Баранкевич в интервью «Российской газете» признал, что проблема мародерства действительно имеет место, но, «к сожалению, на войне как на войне». Президент Южной Осетии Эдуард Кокоев высказывался относительно разрушения грузинских сел вполне определенно. На вопрос о ситуации в «грузинских анклавах» он ответил: «Мы там практически выровняли все» (11).

Как правило, объективный анализ ситуаций, в том числе и приведённый, происходит значительно позже самих событий и информационных столкновений. Экспертам крайне сложно из-

менить тот образ, который формируется по ходу конфликта. Если снова обратиться к фактам, то они свидетельствуют, что в течение первого дня войны Россия могла передавать свои телесюжеты на грузинские каналы, но к середине дня Грузия прекратила вещание из России.

Публикации обеих сторон в открытых СМИ носили выражено противоположное значение. Грузия сумела добиться полной неопределённости информации о своих потерях в ходе войны. При этом грузинская сторона широко распространяла завышенные цифры российских потерь. К концу недели, по информации тбилисских СМИ, «сбитых российских самолетов» насчитывалась более 20. При этом не было передано никаких документальных видеоматериалов и документов. На митинге 14 августа Саакашвили произнес фразу о том, что в Грузию вторглись 1200 российских танков (12). Столько их просто быть не может. Согласно фланговым лимитам ДОВСЕ, суммарно в Ленинградском и Северокавказском военных округах может находиться не более 1300 танков, а Россия и это количество никогда не выбирала. Однако эта информационная агрессия достигала своей цели, по крайней мере, в отношении населения Грузии. Если в начале 2007 года лишь каждый четвертый грузин выступал в поддержку войны, то к июлю 2008 года, согласно данным опросов, уже свыше 80% граждан Грузии поддерживали действия президента Саакашвили, направленные на «усмирение» Южной Осетии военной силой. Запад подыгрывал грузинским СМИ, которые изо дня в день внушали своим гражданам, что их армия, «закаленная в боях с Ираком», имеет «всесторонний, богатый опыт», а президент Саакашвили «обладает полководческим талантом». Грузинские и западные СМИ умышленно исказили данные своей разведки о «недееспособности российской армии» и «слабости полувоенных криминальных структур Южной Осетии» (13).

В сентябре 2009 года глава международной комиссии по расследованию обстоятельств прошлогоднего конфликта на Кавказе Хайди Тальявини передала в Брюсселе доклад с выводами европейских экспертов постпреду России при ЕС Владимиру Чижову. Одновременно документ был вручен представителям других заинтересованных сторон — Грузии, Евросоюзу, ОБСЕ и ООН. Грузия в тексте этого документа названа стороной, ответственной за развязывание военных действий в Южной Осетии. Таким образом, если отвлечься от дипломатических формулировок, Са-

акашвили и его режим признаны европейским сообществом агрессорами, что, по сути, легитимизирует последующие действия России по противостоянию акту агрессии. Решение признать президента Грузии агрессором, как известно, далось европейскому уполномоченному органу нелегко. Косвенным подтверждением этого факта может служить компромиссная направленность выводов, сделанных европейской «миссией правды». Поскольку, по мнению авторов доклада, Россия все же виновна в эскалации конфликта, который был начат режимом Саакашвили. Таким образом, несостоявшийся покоритель абхазов и осетин все же получил небольшой «утешительный приз» от Европы.

Выводы, представленные в докладе европейской «миссии правды», прокомментировал политолог Михаил Александров: «Определение европейской комиссии о том, что Грузия является агрессором, начавшим войну, — это, безусловно, шаг в правильном направлении. По существу, европейцы сами поставили точку в вопросе о том, кто же был виноват в развязывании августовской войны. По сути дела, из этого тезиса логически вытекают все остальные выводы, которые европейские политики по политическим же соображениям не захотели сделать. А именно — что агрессор должен понести заслуженное наказание. И Россия сделала это, признав независимость Абхазии и Южной Осетии. Что касается вывертов европейской группы относительно того, что Россия виновна в чрезмерном применении силы и эскалации конфликта, — конечно, это все пустая болтовня. Потому что не указывается, в чем именно заключается эта «эскалация». Мы что, в ответ на массированные бомбардировки Грузии с использованием систем залпового огня применили тактическое ядерное оружие? Нет, мы использовали те же обычные вооружения, что и Грузия. А то, что мы вошли на грузинскую территорию, — это было продиктовано военной необходимостью. Потому что в противном случае Саакашвили бы не уgomонился и продолжал вести военные действия. Для того чтобы предотвратить дальнейшую грузинскую агрессию, нужно было уничтожить военную инфраструктуру и технику грузинской армии. А что касается «непропорционального применения силы», то это вообще смешно после таких вещей, как наатовские бомбежки Югославии, когда погибло более 2000 человек. Я уже не говорю про Ирак, где чуть ли не миллион человек было убито. А сегодня страны НАТО продолжают уничтожать людей в Афганистане. То в свадебную процес-

сию из миномета попадут, то в бензовоз на заправке — и сотен мирных ни в чем не повинных людей как будто и не существовало. В то время как во время российско-грузинского конфликта было убито лишь около 100 грузин. О каком «непропорциональном применении силы» тут можно говорить?» (14).

И, тем не менее, экспертный анализ необходим и в дальнейшем, поскольку общественное мнение (при похожих историях) неизбежно возвращается к прошлому опыту. Более того, глубокий анализ способен упредить тех, кто собирается снова создать напряжение — рано или поздно все мотивы и цели проявятся.

Трансформация информационных войн

Итак, в новейшей истории можно выделить три информационные войны, связанных с навязыванием чуждого образа России. Это вторая чеченская операция в 1999 году; события вокруг оранжевой революции в 2005 году и Южной Осетии в 2008 году. Информационное сопровождение «дел» вокруг, к примеру, ЮКОСа и Литвиненко — это всего лишь классические пропагандистские кампании. Все три войны развивались по практически сходным сценариям. Достигалось видимое единство «развитого мира» насчет предмета разногласий. И оно предьявлялось России без видимого эффекта, поскольку в России имелся противоположный консенсус. Заметим здесь, что те, кто принес людские, материальные и моральные потери России — чеченские боевики, лидеры оранжевых или М. Саакашвили, — впоследствии не раз вызывали разочарование у тех мировых лидеров, которые когда-то их поддерживали.

Современные информационные войны переживают определённую трансформацию, им присуще несколько отличительных черт. Прежде всего, они приобретают постоянный характер. При этом используются кибератаки. Например, 8 августа, одновременно с обстрелом Цхинвала, хакерским кибератакам подверглась значительная часть югоосетинских сайтов. Позже были совершены нападения и на российские СМИ, в частности, на телеканал «Russia Today». Ответные шаги не заставили себя ждать: были взломаны сайты президента Саакашвили, парламента Грузии, правительства, МИД. Сайт президента Саакашвили подвергся DDos-атакам с пятисот IP-адресов одновременно. После блокирования адресов атаки возобновлялись с других IP. Смысл атак — полное отключение грузинских сайтов. Поскольку при

DDos-атаке множество компьютеров посылают запросы к серверу, затрудняя его отклик, сайт начинает работать очень медленно или полностью отключается. Специалисты Tulip Systems блокируют эти адреса, однако через несколько минут образуются новые 500 атак уже с других адресов. На устранение последствий каждой хакерской атаки уходит порядка двух часов (15).

Раньше информационные войны при достижении узких, сиюминутных результатов довольно быстро завершались. Другой момент — реакция мировой прессы, что становится новым поводом для повторной информационной волны. Кстати, недавно Фонд «Петербургская политика» и Агентство политических и экономических коммуникаций приступили к проведению регулярного мониторинга резонансности политических конфликтов. Эта резонансность оценивается по двум критериям — насколько события стали известны, насколько они повлияли на процесс принятия решения? События последних лет можно оценивать по четырем категориям резонансности: высокой, когда есть большой интерес и когда существует влияние на принятие решения и соотношение сил; средней резонансности, низкой и отрицательной, когда получаемый результат оказывается противоположным желаемому (16).

В последнее время эксперты активно обсуждают вопрос о недостаточности имеющихся сегодня у России информационных структур. Управление Президента РФ по межрегиональным и культурным связям ни по численности персонала, ни по кругу своих полномочий не может осуществлять всю необходимую работу по информационному противодействию и ведению информационной войны. Совет Безопасности РФ оказался к событиям августа 2008 года не готов. К информационной войне не приспособлены ни МИД, ни подотчетный ему Росзарубежцентр. Пресс-центр министерства обороны России в информационной войне решал свои «важные задачи», например, просил иностранных журналистов помочь России прорвать информационную блокаду. Практически ни одна из этих структур оказалась не в состоянии выполнять полный круг задач по информации, дезинформации, нарушению информационных сетей, защите своих сетей, подаче нужных информационных блоков в ведущие информационные агентства и т.д.

Специалисты предложили руководству страны по итогам войны на Кавказе создать специальные организационно-управленческие и аналитические структуры для противодействия ин-

формационной агрессии. Возникла идея создания Информационных войск, в состав которых вошли бы государственные и военные СМИ. Цель Информационных войск — создание такого информационного пространства, которое делает международную реальность отвечающей российским интересам. Эти войска могли бы решать задачи стратегического анализа, информационного воздействия и информационного противоборства, работали бы одновременно на внешнюю и внутреннюю аудиторию. В состав Информационных войск могли бы войти дипломаты, эксперты, журналисты, писатели, публицисты, переводчики, операторы, сотрудники связи, веб-дизайнеры и др.

Для решения первой задачи необходимы: стратегический анализ сетей управления (вхождение в сети и возможность их подавления); контрразведка; мероприятия по оперативной маскировке; обеспечение безопасности собственных сил и средств; обеспечение безопасности информации. Для решения второй задачи необходимы: антикризисный центр; государственный медиахолдинг по связям с телеканалами и информационными агентствами, включающий государственные СМИ — «Голос России», «Маяк», ТРК «МИР», «РПР-Планета», «Russia Today», «Россия аль Яум»; структуры по связи с общественностью; учебные заведения по подготовке специалистов в области прикладной журналистики, военной печати, журналистов радио и телевидения.

Для решения третьей задачи необходимы: центр определения критически важных информационных структур противника; физическое их уничтожение; радиоэлектронная борьба; психологические операции; системная контрпропаганда; сетевые операции (подготовка «хакеров») (17).

В апреле 2009 года Государственная Дума РФ на своих парламентских слушаниях обсудила законодательные аспекты информационного обеспечения национальных интересов России на международной арене. Основная претензия парламентариев к СМИ: пресса, вещающая на зарубежную аудиторию, если и не проигрывает полностью все информационные сражения, то уж точно не выходит из них победителем. Одним из рецептов для изменения этого положения призвано стать, по мнению депутатов, создание единого госоргана, определяющего внешнюю информационную политику и отвечающего за неё. Глава информационного комитета Госдумы Валерий Комиссаров в своем выступлении жестко заявил: «Информационная политика нашей стра-

ны до сих пор не предполагает превентивных ударов, стратегического планирования, агрессивного формирования общественного мнения». Депутат также призвал «сформировать из так называемых внешних СМИ (Иновещание, Russia Today, РИА Новости) единый пропагандистский кулак». Комиссаров пообещал, что, если надо, депутаты готовы такой работе помочь. Видимо, он имел в виду Закон «Об основах информационной безопасности», который, как понятно из розданных на слушаниях документов, в предварительном порядке уже обсуждается.

Председатель думского комитета по международным делам Константин Косачёв напомнил, что на первый план в мировой политике сейчас выдвигается такое понятие, как «софт-паувер», то есть «мягкая сила». По мнению депутата, Запад раньше России осознал, что «репутация государства — такой же товар, как и нефть». Теперь, считает Косачёв, нашей стране тоже надо браться за дело, тем более, по его мнению, она продолжает оставаться в мире чуть ли не главным объектом для приложения пресловутой «мягкой силы». Глава международного комитета Госдумы выявил несколько ключевых проблем в ответной политике России. Во-первых, считает он, она создает слишком мало позитивных информационных поводов. Сейчас о нас либо не говорят ничего, либо плохо. Во-вторых, внешние СМИ у нас создают контент, но он до зарубежной аудитории не доходит. Например, телекомпания Russia Today почти нигде за границей не видна. В-третьих, Косачёв призвал проработать чёткую стратегию присутствия российских политиков на международных дискуссионных площадках. О других странах хорошо говорят не только они сами, но и их партнёры. У нас таких партнёров практически нет, чтобы они о нас говорили хорошо, констатировал Косачёв, тем самым явно поставив под сомнение эффективность российской внешней политики.

Исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, который как раз и финансируется, в том числе из бюджета страны, именно для просветления имиджа России в чужих глазах, на вопрос, нужен ли такой орган, ответил утвердительно. Правда, по его мнению, он должен быть структурой при президенте. По мнению члена Общественной палаты Павла Гусева, русскоязычная пресса, существующая примерно в 80 странах мира, должна получать гранты из России (18).

Таким образом, факт информационных войн и их трансформации с учётом новых вызовов очевиден. Осознаются слабые

места в её обеспечении и меры, которые необходимо принять, прежде всего, в плоскости координации усилий разных органов.

Примечания:

1. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М., 2000. С. 5–7.
2. См.: *Ковов С.А.* Информационная борьба в политических конфликтах: вопросы теории // Информатика и вычислительная техника. 1996. № 1–2; *Викторов А.Ф.* Информационная война в современных условиях // Информационное общество. 1997. № 1; *Филимонов А.Ф.* О разработке в США системы мер по защите национальной информационной инфраструктуры // Там же; *Расторгуев С.П.* Информационная война как целенаправленное информационное воздействие информационных систем // Там же.
3. См.: *Александров А.А.* Современная психотерапия. СПб., 1997. С. 83.
4. Там же. С. 85–91; См. также: *Шенк Р.* Обработка концептуальной информации. М., 1980.
5. См.: *Brown J.* Techniques of persuasion. From propaganda to brainwashing. Harmondsworth, 1971. P. 77–79.
6. См. подробнее: Информационная война в Чечне. М., 1997.
7. См.: *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. С. 67–75.
8. *Яхно Олеся.* Уроки грузино-осетинского конфликта для России. http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=13509
9. Стенограмма ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции, Нью-Йорк // Там же (29 сентября 2008 года).
10. См.: Новая газета. 2009, 28 января; www.intelros.ru/subject/ross_rasput/3406-human-rights-watch-predstavila-dokl
11. См.: Коммерсант. 2008, 15 августа.
12. *Зыгарь Михаил, Соловьев Владимир.* Пятидневная война // Власть. 2008. № 32.
13. Там же.
14. www.news.km.ru/evropa_vojnu_razvyazala_gruziya
15. Американцы не справляются с атаками хакеров на сайт Саакашили // <http://www.beenergy.ru/technology/30344-amerikancy-ne-spravljajutsja-s-atakami-khakerov.html>
16. *Ильин Андрей.* Возвращение информационных войн // Трибуна. 2009, 15 апреля.
17. *Цыганок Анатолий.* Информационная война — реальность геополитики // <http://www.rusk.ru/st.php?idar=153453>
18. См.: Независимая газета. 2009, 15 апреля.

Лекция 12

Рейтинги и бренды как способ представления образа страны

Рейтинги и бренды в анализе реальных образов и имиджа России – сравнительно новые понятия при рассмотрении темы нашего курса лекций. Тем не менее, они способны внести много новых красок и наблюдений, связанных с продвижением позитивных представлений о нашей стране. Что стоит за этими понятиями? Каковы результаты различных современных измерений и т.н. «брендирования» у нас и за рубежом?

Имидж и рейтинги отношения к стране

Весной 2005 года был опубликован первый рейтинг-лист национальных брендов развитых и развивающихся стран. Его основой стал международный опрос, осуществленный компанией Global Market Insight под руководством известного британского эксперта по проблемам странового имиджа С. Анхольта. Теперь, в связи с существенно возросшим в последние годы интересом к теории и практике «странового брендинга», такие опросы проводятся ежеквартально. В данном рейтинге по своей «брендовой привлекательности» Россия оказалась на 21-м месте в списке из 35 государств.

В прошлом году компания E-Generation.ru разработала систему оценок отношения иностранных средств массовой информации к России, в результате чего появилась возможность составления рейтинга русофобии анализируемых СМИ. Материалом исследования стали статьи иностранных средств массовой информации, переведенные авторитетным сайтом ИноСМИ, специализирующимся на освещении наиболее значимых публикаций мировой прессы. Все статьи были тщательно отобраны и сгруппированы по тематическим блокам. Центральным из них стало отношение иностранных СМИ к председателю России в «Большой восьмерке» (2006 год). Эта тема позволяла выявить весь спектр отношений к России, всех реакций на несомненный политический успех страны (1).

Система оценок складывалась из ряда показателей, основанных не на внешнем облике высказываний о России, а на содержании (смысле) этих высказываний. Все параметры образовали три группы:

- положительные высказывания,
- обоснованная критика,
- необоснованная критика.

К положительным высказываниям были отнесены: позитивное отношение к России журналиста, позитивное отношение к России общественности, позитивное отношение к России экспертов, позитивные прогнозы, конкретные позитивные факты, попытка встать на сторону России, смягчение критической позиции, сопоставление с положительно оцениваемыми историческими лицами/культурными героями, сопоставление с цивилизованным миром. После того, как все статьи по данной теме были проанализированы, т.е. было подсчитано количество случаев, относящихся к тем или иным параметрам, полученные данные формализовались.

Одним «позитивным» параметрам (сопоставление с цивилизованным миром, положительно оцениваемыми историческими лицами/культурными героями, смягчение критической позиции) приписывалось значение, равное 1, другим (позитивное отношение к России журналиста, эксперта и общественности, позитивные прогнозы, конкретные позитивные факты и попытка встать на сторону России) – значение, равное 2 (т.к. в этом случае более четко просматривается «заинтересованное» отношение к России). Заметим, что сопоставление с положительно оцениваемыми историческими лицами/культурными героями во всех случаях было не явное (например, Рузвельт упоминался исключительно в связи с цитированием его Путиным и т.д.), поэтому и оценка фактов по данному параметру была умеренной. То же самое явление наблюдалось и на примере сопоставлений с цивилизованным миром.

«Негативные» параметры маркировались следующим образом: использование статистики для выражения критической позиции, как и упоминание об объективно негативных фактах, оценивались значением –1. Негативная оценка экспертов, общественности и журналиста, негативные прогнозы экспертов, общественности и журналиста, безапелляционные критические утверждения экспертов и журналиста, сопоставление с нецивилизованным миром и отрицательно оцениваемыми историческими лицами/культурными героями оценивалось как –2. И, наконец, сопоставление с образами зла, призыв к силе, «чтение в сердцах» тайных мотивов и целей, ирония (скепсис) маркировались числом –3.

Некоторая непропорциональность в зеркальных оценках: положительно оцениваемые исторические лица/культурные герои оценивались 1, в то время как их противоположность маркировалась числом –2 объясняется тем, что позитивные образы, как уже отмечалось выше, являлись скорее позитивным фоном, нежели характеристикой, в то время как негативные образы выступали явной оценкой.

В итоге численно выраженные показатели суммировались, и полученное число являлось оценкой негативного/позитивного отношения автора статьи (а вместе с ним и самого издания) к России. Результат – рейтинг русофобии иностранных СМИ представлен в таблице.

Рейтинг русофобии иностранных СМИ:

«Newsday», США	–43
«The Financial Times», Великобритания	–34
«The Wall Street Journal», США	–34
«Le Monde», Франция	–30
«Time», США	–29
«Les Echos», Франция	–27
«Embassy», Канада	–19
«Los Angeles Times», США	–18
«Christian Science Monitor», США	–15
«The Boston Globe», США	–13
«Postimees», Эстония	–11
«The Economist», Великобритания	–9
«La Repubblica», Италия	–7
«Japan Times», Япония	–6
«The Washington Times», США	–5
«The New York Times», США	–4
«Le Figaro», Франция	–3
«Stratfor», США	–3
«Lietuvos Rytas», Литва	0
«The Guardian», Великобритания	5
«USA Today», США	5
«United Press International», США	6
«The Scotsman», Великобритания	10
«Asharq Al Awsat», Арабская пресса	11
«ExtraPlus», Словакия	13
«The Conservative Voice», США	26
«Toronto Star», Канада	27

Видно, что в целом отношение к России в мире негативное: суммирование всех значений даст число –207. Лишь некоторые из СМИ идут «наперекор» общей тенденции. И данный путь, как это ни странно, связан со стремлением разобраться в происходящих процессах.

Русская тема в британской прессе

В 2008 году то же агентство представило анализ отношения к «Русскому миру», складывающемуся в качественной британской прессе: в газетах *The Independent*, *The Times*, *The Telegraph*, *The Observer*, *The Guardian* (2). Исследование британской прессы о России производилось методом сплошной выборки на основе изучения электронных версий периодических изданий во временном диапазоне 1998–2006 годов. В поиск вводились слова *Russia* и *Russian*. Последнее, имеющее, как известно, значения «русский» и «российский» для простоты переводилось как «русский» – таково бытование его значения в западном массовом сознании.

Анализ материала (свыше 500 статей) позволил выявить основные стереотипы, сложившиеся в британской прессе при обращении к «русской тематике». Обнаруженные стереотипы – это стереотипы британского менталитета, отражаемые и формируемые, в первую очередь, авторитетными национальными СМИ. Стереотипы помогают британской общественности ориентироваться в мире, особенно при контактах с «русским миром».

В процессе анализа выяснилось, что одним из наиболее распространенных стереотипов, явно или подспудно присутствующих в подавляющем большинстве статей, где описывается или упоминается Россия, оказалось *варварство* русских. Британцы смотрят на Россию (национальный характер, менталитет, культуру, историю и др.) как на варварскую страну.

На «объективный» характер складывающихся представлений о России указывают данные соцопросов, которые время от времени публикуются в СМИ. Так, например, *The Observer* приводит данные опроса специальной Службы – National Brands Index – среди представителей разных народов мира с целью выявить индекс популярности тех или иных наций. Согласно ему, Россия – «предпоследняя в списке, она оценена как склонная к насилию, нестабильная, продающая мало стоящего, за исключением оружия и нефти». Существенно, что отношение к русским

вынесено в первую строчку наряду с восприятием американцев, итальянцев и британцев: «Американцы невежественны, русские склонны к насилию, итальянцы забавны — а британцы умны, вежливы, заслуживают всяческого доверия и честны, правда, слегка скучны». То есть ведущей характеристикой россиян оказывается в массовом сознании мирового сообщества (в опросе участвовало пять миллионов человек) *насилие* и, очевидно, *склонность к насилию*.

Другой оттенок варварства России выделяют те авторы статей, кто пишет о её «дикости» — *savage*. Например, в комплиментарной, в целом, статье «Где симфония заставила умолкнуть пушки» (*The Observer, Sunday October 16, 2005*) такой эпитет применен к Санкт-Петербургу: *красивый, иногда варварский (дикий, жестокий), всегда пышный, загадочный Санкт-Петербург*.

Кстати, слово «дикий» фигурирует и применительно к русскому человеку — пограничнику с автоматом Калашникова на российско-финской границе: «...контрольно-пропускной пункт, злой (отвратительный, угрожающий) сержант принялся тыкать в одну из наших групп своим Калашниковым, зловеще (яростно) крича и дико жестикулируя».

Правда, как выяснилось, совсем не обязательно при описании дикости русских упоминать вообще это оружие (отметим, что *Kalashnikov* — русскоязычное заимствование в английском языке), т.к. главная опасность со стороны «русского мира» таится в другом. По мнению западных историков, наполеоновская и царская армии, равно как и гитлеровская и Советская армии — именно так, попарно (!) — были побеждены ... *паразитами*. «...Ужасные потери, которые понесли наполеоновские солдаты, объясняли голодом и свирепым холодом русской зимы. Но, согласно новому исследованию французских учёных, знаменитая Великая Армия, к декабрю 1812 года уменьшившаяся с 600 000—700 000 солдат до 30 000 /.../ была поистине срублена под корень паразитами... как и, в свою очередь, царская армия, войска гитлеровских захватчиков и, наконец, Советская армия».

То есть, во-первых, стоит европейцам вторгнуться в Россию, на них нападают полчища вшей и блох — не то с русских войск на европейцев, не то синхронно на тех и других с *mouzhik'ov* и *babushkas*, и уничтожают весь цвет армии (было в Великой Армии Наполеона 600 000—700 000 солдат и офицеров, а осталось в 12—15 раз меньше: остальных вша поела да блохи сгрыз-

ли). Во-вторых, как вообще тогда могли существовать в России царская и советская армии — ведь они, следуя логике статьи, тоже должны были погибать от паразитов?

По частоте употребления в контексте со словами *Russian* и *Russia* «*брутальность*» России — ещё один синоним варварства — является едва ли не ключевым, «устойчивым эпитетом». В рецензии «Жизнь с брутальным медведем» (*The Observer, 17 June 2005*), посвященной книге анонимного автора «Женщина в Берлине» (*A Woman in Berlin by Anonymous*), — а по сути тенденциозному и одностороннему её пересказу, в одном заголовке читатель встречает сочетание двух стереотипов — *a brutal bear* (брутальный медведь). В статье повествуется о вакханалии насилия, устроенной Красной Армией в Берлине в 1945 году: «Анонимный автор этих воспоминаний жил в Берлине в апреле 1945 года, когда в город вошли солдаты Красной Армии. За этим последовала *вакханалия насилия*». Как это свойственно текстам жанра *features*, заключительные фразы воплощают кульминацию, квинтэссенцию содержания всего материала. В данном случае, особенно в перекличке с заголовком, это — подспудное *отрицание человеческой природы русских*, солдат и офицеров Красной Армии: «Однажды она повернулась к Анатолию, который насиловал её, защищая от других насильников, и сказала ему по-русски: «Ты медведь». Она знала, что использовала нужное русское слово — медведь... Но Анатолий подумал, что она ошиблась. «Нет, ты неправильно говоришь, — поправил он её. — Медведь — это животное. Коричневое животное, которое живет в лесу. Он большой и рычит. А я человек». Конечно, ведь насилие — это так по-человечески».

Тема взаимоотношений России с другими странами часто сочетается с темой «*нехорошего поведения*» России на внешнеполитической арене: от инициирования «брутального» разделения Европы после Второй мировой войны до трений со своими бывшими «со-узниками» по Союзу. Приведем один лишь пример: «На протяжении холодной войны Европа была центром мира. Линия глобального подразделения проходила через сердце Европы. Перед лицом советской угрозы Соединенные Штаты, самая могущественная страна мира, чувствовали, что могут действовать в органичном союзе с Западной Европой, западном альянсе, который вызвал к жизни слово “западный” в современном его смысле. Коммунистическая угроза /.../ и т.д.» (*The end of the west, Guardian, Thursday December 4, 2003*). В статьях же о стра-

нах СНГ или бывшего соцлагеря вообще очень часто упоминается Россия в связи с прошлым этих стран в контексте репрессий против народов, давления, подавления.

О варварском отношении в России к личности, к правам человека, к собственным согражданам и к гражданам других стран читателям английских газет с завидным упорством напоминает такое русскоязычное заимствование, как *gulag* (тюремный лагерь, использовавшийся в Советском Союзе в прошлом, где заключённые содержались в очень плохих условиях). Исследование языка английских газет методом контент-анализа — поиск ссылок на слово *GULAG* в одном контексте со словами *Russia* или *Russian* — дает небезынтересную статистику: *The Guardian* — 453 результата за 1998—2006 годы; *The Telegraph* — 236 (2001—2006); *The Independent* — 150 (2005—2006); *The Times* — 22 (за 2006 год). В контексте со словами *Russia* и *Russian* также оказываются выражения *Soviet-style*, *Soviet-style regime*, *etc.* — правда, гораздо реже (около 70 упоминаний во всех качественных британских газетах за интересующий нас период). См., например, об Украине: «...больше не контролируется режимом в советском стиле. Они обнаружили, что «оранжевый» фронт может устранить пророссийского г-на Януковича».

Кроме указанных стереотипов, связанных с варварством, Москва, отличает *избыточность во всём, излишества*: «Москва огромна, избыточна и гламурна... Это идеальное место для того, чтобы увидеть те излишества, которыми Москва столь славится... При всех её излишествах...она отмечена советской суровостью и скорбностью...»; контрасты поражают своим размахом: «Это город подозрительных мужчин и надменных женщин, высокого искусства и «низкой» жизни, домашнего борща, бабушек ... и побрякушек («стекляшек»)». Блеск «стекляшек» — *blings*, — которые неоднократно упоминаются как атрибут Москвы и достояние москвичей: «Красивые люди выгуливают свои побрякушки», — на фоне угрюмости и неприветливости людей — «едва глядящие на тебя мужчины в темных пальто» — и серых зданий сталинских времен лишний раз свидетельствует о неумеренности, излишествах, избыточности демонстрируемых русскими качествами.

Угрюмость, серость и строгость, суровость, свирепость как элементы *Soviet-style* и как одно из проявлений *варварской нечувствительности* русских ко всему прекрасному и высокому очень часто фигурируют в одном контексте со словами *Russia* и

Russian — от объективного замечания: «Правила оформления визы не такие строгие, как в бытность СССР /.../ (Запад отправляется на Восток: Добро пожаловать на крымское побережье /.../». Например, в статье из рубрики *Travels*: «Где в 2005 жарко» встречаем: «Не упустите возможность, если вы хотите обнаружить новые для себя места для проведения отпуска, издатели путеводителя — первые помощники в этом. Опираясь на книги, взятые наугад с книжной полки, Том Холл выбрал 20 мест, где можно получить неплохую встряску в 2005 году». Туристов привлекают в Калининград и Минск тем, как *хорошо сохранился там советский дух*. А довольно мрачное впечатление: тяжеловесность сталинской архитектуры, подавляющая громоздкость скульптур Ленина и объектов, носящих его имя, — составляют в глазах автора особую прелесть, экзотику: «Тяжеловесные здания в советском стиле подавляют город, в то время как большая и разрушающаяся статуя Ленина... Тот же аромат эпохи вы найдете в Минске; впечатляющие коммунистические сооружения ... были возведе-

На фото в американском журнале изображен сюжет, снятый в период весенней распутицы в Сибири, когда легковые автомобили преодолевают непроходимые участки в кузове грузовика-вездехода

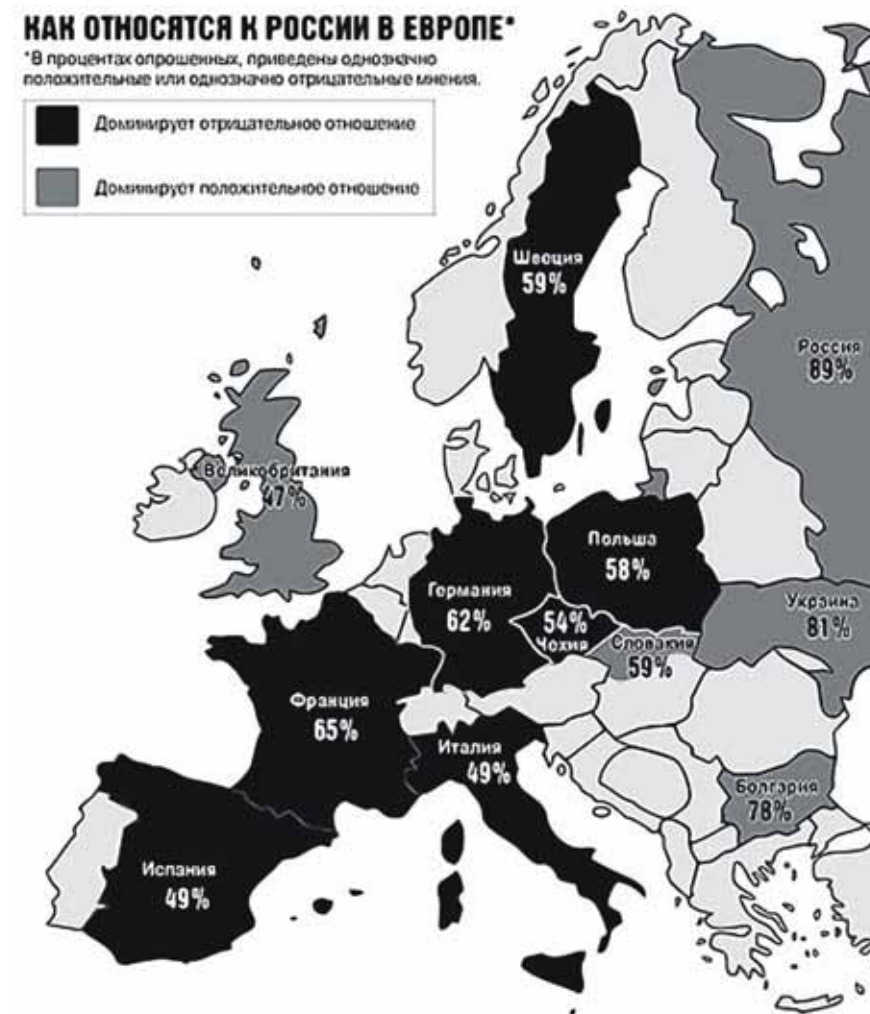
ны под личным руководством Сталина... Отгороженный от остальной России новыми странами Евросоюза, Калининград, когда-то известный как Кенигсберг, предоставит возможность почувствовать, какова была жизнь за Железным Занавесом».

В текстах группы features, посвященных настоящему России, также нередко подчеркивается *пренебрежение к быту*. Не только прошлое России грязное, но и в современной России много грязи: ветхие дома, оборванцы, попрошайки, грязь на улицах и дорогах. В основном этот стереотип подкрепляется телевизионным видеорядом, что отмечают побывавшие за границей и повидавшие «их» телевидение наши соотечественники. Приведем один пример из статьи *Холодный комфорт* (*The Guardian, Sunday April 27, 2003*) – рецензии на фильм шведского режиссера о постсоветской России. «Мы видим Россию – *депрессивное, оказавшееся без руля место*, где обанкротившееся коммунистическое общество было вытеснено незрелыми формами капитализма; *отвратительная, нечистоплотная квартира*; скитания, нищета, неприкаянность героев – девочка-подросток вынуждена проституцией добывать средства к существованию, а иногда она *лежит, плача, в грязи*». Правда, справедливости ради, корреспондент замечает вскользь: «Это ужасная история, но очень типичная для того, что происходит сегодня повсеместно». Но ассоциации-то у британского читателя возникают именно с Россией, а не с абстрактным «везде»... См. также, напр.: «Три тысячи сто миль от Москвы; грубо мощёная камнем дорога поднимается вверх, и всё... Зброшенная в открытой степи, стоит группа серых зданий, покрытых комьями грязи. Добро пожаловать в Краснокаменск, город на окраине цивилизации. Почти два века прошло с тех времён, как царь Николай I сослал восставших аристократов, известных как декабристы, в ... подобные отдалённые места, сети трудовых лагерей, называемой Гулагом» («Добро пожаловать в исправительную колонию ЯГ 14/10. Теперь дом одного из самых богатых людей России», *Guardian, Tuesday October 25, 2005*).

Таким образом, представление о варварстве русских можно считать не только сложившимся, но и детально разработанным. И об этом нам надо знать при анализе проблемы современного представления о России в мире. Реальная картина лучше, чем наивные упования о лучшем восприятии. Однако, как можно будет убедиться дальше, англичан-русофобов в соответствующем рейтинге – меньшинство.

Карта русофобии

В 2007 году в одной из газет была помещена красноречивая карта под названием «Кто больше всего не любит Россию?» (3).

Мировой «рейтинг нелюбви» составили благодаря Мадлен Олбрайт (бывший госсекретарь США при президенте Клинто-

не), возглавляющей Pew Global Attitude — американский проект по исследованию мирового общественного мнения. В прежние времена американские социологи в основном были озабочены изучением отношения остальных жителей планеты к себе. Но затем было решено измерить ещё и степень непопулярности других мировых держав. Результаты оказались для нас далеко не блестящими, а во многом — и неожиданными. Как оказалось, из 47 исследованных стран больше всего не любят Россию в Японии. Плохо к нам относятся 67% жителей страны восходящего солнца. Лозунг возвращения «северных территорий» является в Японии чем-то вроде национальной идеи. И упорные отказы России сделать это вряд ли способствуют повышению нашей популярности.

Более удивительно то, что к нам отрицательно относятся и в странах, которые принято считать наиболее близкими к России: забитых нашими бывшими соотечественниками Израиле и Германии, «всероссийской здравнице» Турции. Из шести исследованных стран ЕС количество русофилов превысило число русофобов только в одной стране. Как ни странно, это Великобритания.

Впрочем, для России есть и неплохие новости. Среди жителей США и Китая — сверхдержав, способных при желании создать для нас максимальное количество неприятностей, — нелюбовь к России не очень-то распространена. А на Украине русских и вообще любит 81% населения. Однако привязанность к Москве вовсе не значит, что украинцы не хотят в Евросоюз. Положительно к этой организации относятся 77% жителей Украины.

Еще один тревожный показатель: большое количество иностранцев крайне озабочено энергозависимостью своих стран от России. На политическом уровне отношения Москвы и Рима можно назвать почти безоблачными. Но 71% итальянцев опасаются потенциального энергошантажа Москвы. Среди хорошо относящихся к России англичан тот же самый страх испытывают 66%, среди немцев — 58%.

Главный вывод такой: степень отчуждения между Россией и Западом увеличивается. Конечно, в 90-х годах мы и западники возлагали друг на друга слишком много наивных надежд. Но сейчас процесс взаимного отторжения, похоже, зашел слишком далеко.

На рейтинг русофобии, безусловно, влияют и ежегодные доклады правозащитной организации Freedom House по поводу свободы прессы. В последних её пресс-релизах повторяется кри-

тика российского правительства за попытки изоляции независимых медиа-голосов и регулирования Интернета. СМИ в 10 бывших республиках Советского Союза признаны Freedom House несвободными. Ухудшение показателей, в частности, объясняется законодательными ограничениями работы СМИ и отсутствием надлежащего расследования преступлений против журналистов, поясняется в докладе.

Российские бренды

На фоне неблагоприятных рейтингов вполне положительна динамика по так называемой «брендёмкости» России. Три года назад английский исследователь и специалист по улучшению имиджа стран Саймон Анхольт опубликовал рейтинг брендов 25 государств, который был составлен совместно с американской компанией Global Market Insight. Исследователи предложили гражданам десяти государств оценить «брендёмкость» различных стран по нескольким позициям. Согласно данному исследованию, Россия заняла предпоследнее место, обогнав лишь Турцию. Не только Китай, но даже ЮАР, Египет и Мексика оказались более привлекательными для иностранных граждан, нежели Россия (4).

В общественном мнении России и Запада тогда ещё не сложилось четко очерченного и адекватного образа современной России. Все представления о нашей стране были весьма фрагментарны, противоречивы и плохо оформлены. Кроме того, интерес к России в мире нельзя сравнить с периодом «холодной войны» или начала 1990-х. Снижение интереса приводит к упрощению восприятия. Чем меньше страна вызывает интерес, тем большую силу обретают стереотипы. А клиширование образа меняет его далеко не в лучшую сторону.

Однако измерения последних двух лет показывают, что в этой сфере происходят серьёзные изменения. К примеру, бренд «Сочи-2014» прогремел рекламой на всю Европу.

На панъевропейском ТВ (не эфирных каналах, вещающих одновременно на несколько стран) поставлен рекламный рекорд: впервые российская компания вошла в топ-10 рекламодателей. В первом полугодии 2008 года заявочный комитет «Сочи-2014» потратил на этом носителе более чем 5,7 миллионов евро. Согласно оценке исследовательской компании TNS Media Intelligence доля рекламы Сочи составила 1,7% от всех затрат на

панъевропейском ТВ, включающим в себя BBC World, CNN, Discovery, Eurosport, NBC Universal и другие не эфирные каналы, вещающие на несколько стран одновременно. Затраты этого рекламодателя сопоставимы с бюджетом Nokia.

В пресс-службе «Сочи-2014» подтвердили, что размещали рекламу на CNN, BBC, Eurosport, Euronews, поскольку «около половины голосовавших членов МОК – европейцы». Креатив для этой кампании разрабатывало агентство FCB MA, входящее в рекламную группу Media Arts. По словам вице-президента Media Arts Group

Олега Волкоша, Медиа-стратегией и размещением рекламы за рубежом заявочный комитет занимался самостоятельно. При этом он отметил, что это была первая широкомасштабная кампания России за рубежом. По данным Media & Marketing Europe, за исключением «Сочи-2014», российские рекламодатели, в частности телекоммуникационная компания «Роснет» и группа «Ренова», пока представлены только на канале Russia Today (5).

Управляющий директор агентства Medialect Эдуард Роднянский признает, что заявленные 5,7 миллионов евро – это «внутренняя сумма для кампании за рубежом». Российский рынок рекламы на не эфирном ТВ незначителен. Поэтому мониторинг рекламы на нём пока просто не проводится. На рынке эфирного ТВ годовые затраты на рекламную поддержку одного бренда эксперты оценивают минимум в 5 миллионов евро. По оценке агентства OMD Media Direction, крупнейшим рекламодателем на ТВ в России является Procter & Gamble с бюджетом 117 миллионов долларов, которые компания тратит на продвижение нескольких десятков брендов (6).

Сейчас уже говорят о том, что рекламный рекорд «Сочи-2014» может побить компания «Русский стандарт». Во второй половине 2008 года рекламная кампания трех её водочных брендов стартовала во Франции, Германии и Великобритании. Рекламируются «Оригинальная», «Платиновая» и «Империя». По словам PR-директора «Русского стандарта» Престона Менденхолла, рекламный

бюджет во Франции составит 4 миллиона евро, в Германии – 2 миллиона евро, Великобритании – более 7 миллионов евро. В кампании задействуются ТВ (в ЕС допускается телереклама алкоголя), наружная реклама и прессы (7).

Мы привели эти примеры и цифры для того, чтобы обратить внимание ещё на один аспект – деловая репутация страны сродни репутации бренда. Потребители разных стран предпочитают покупать товары у надежных и стабильных компаний, которые ради поддержания собственной репутации заботятся о качестве своих товаров и услуг.

Компании и инвесторы предпочитают заключать сделки и инвестировать в страны с надежной репутацией, где соблюдаются права собственности и риск глобальных потрясений минимален. Сегодня бренд только одной компании Coca-Cola оценивается в сумму от 70 до 100 миллиардов долларов. При этом рынок не прощает ошибок при появлении малейших признаков нестабильности – стоимость, к примеру, бренда Ford упала более чем на 9 миллиардов долларов (32%) в течение одного только 2002 года (8).

Точную стоимость бренда «Россия» оценить сложно, но потенциальный урон может быть значительным. Вкладывая усилия в создание и поддержание собственной репутации, Россия также может значительно увеличить свою экономическую привлекательность. Не заботясь о своей репутации, экономическую привлекательность легко потерять.

Как полагает вице-президент инвестиционного фонда Delta Capital Management Кирилл Дмитриев, можно искать сложные макро- и микроэкономические модели восприятия России, но часто все происходит на удивление просто. Чем больше положительных сообщений, создающих ощущение стабильности, тем большее количество компаний и инвесторов интересуются возможностями в России, тем больше заключается соглашений, тем больше приток капитала в страну и сильнее рост экономики. Для роста необходим капитал, а капитал приходит при наличии стабильности и соблюдении правил игры (9).

Журнал The Economist считает, что Россия могла бы получать как минимум на 10 миллиардов долларов больше иностранных инвестиций в год именно за счет повышения уровня стабильности бизнес- и политической среды до уровня других восточноевропейских стран (10). Неопределенность приводит к тому, что значительное число инвестиционных сделок не происходит или откладывается. Улучшение делового климата в России, например, вызвала интерес British Petroleum к созданию совместной компании с ТНК. Эта сделка позволила повысить эффективность производства, снизить стоимость привлечения заемных средств и освободить значительные денежные средства для инвестиций в другие (не нефтяные) секторы экономики. Однако история с ЮКОСом обошлась стране в десятки миллиардов долларов, а может ещё больше. Инвесторы не способны воспринимать переход собственности как однократный — неуверенность остается на долгие годы. Позитивная репутация России нужна не им (иностранным капиталистам), а всем гражданам России. Любой удар, нанесенный по репутации страны, напрямую отражается на экономическом росте и благосостоянии людей.

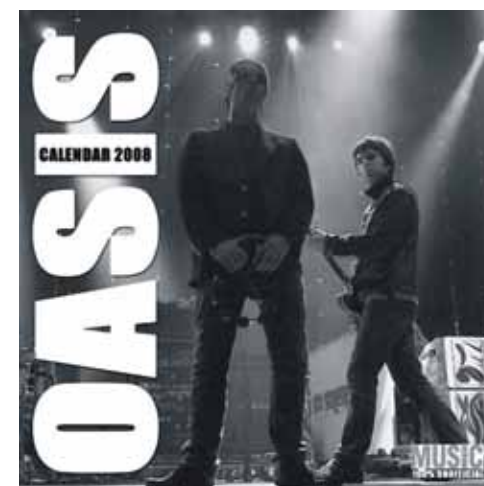
Имиджевые макропроекты

Поэтому важно изучение опыта «многомерностей», в частности, макропроекта «Cool Britain» — «Классная Британия» (11). Этот проект был инициирован «новой» лейбористской партией.

Усилия Тони Блэра, претендующего на роль самого амбициозного премьер-министра современности, авангардиста Дэмиена Херста, стремящегося, по его собственным словам, «сделать из искусства «электрошок» для обывателей», и культовой рок-группы «Oasis», однако, не принесли ожидаемого результата.

Конечно, Блэр вернул лейбористской партии способность побеждать на выборах, но именно в 1998—1999 годах большинство британцев оценивало его как «поверхностного политика, имеющего талант к театральности и саморекламе». Самая известная работа Херста «Физическая невозможность смерти в уме чего-то живущего» была впервые выставлена уже в ставшем далёким 1991 году. Акула в контейнере из стекла и стали, плывущая в растворе силикона и формальдегида, вызвала в художественных кругах Великобритании сенсацию. Позже авангардное творение было признано культовым, и последний владелец купил её за 6,5 миллионов фунтов стерлингов.

Вершина успеха группы «Oasis» пришлась на 1997 год. Их третий альбом «Be Here Now» достиг первой позиции в британских чартах и стал самым продаваемым в Великобритании. За первый день продаж было реализовано около пятисот тысяч копий. Но именно 1998 г. ознаменовался для группы братьев Галлахеров началом серии творческих кризисов и уходом нескольких участников коллектива.

В ноябре 2001 года британский министр по делам культуры, СМИ и спорта Т. Джоуэлл объявила о провале «Классной Британии», потому что в ходе этой кампании «было признано, что наша национальная культура — нечто неупорядоченное, изменяющееся и сложное». Проект завершился. Но *имидж проекта остался!* Политическая жизнь страны продолжала пополняться знаковыми событиями. Победа эксцентричного левого кандидата Ливингстона на выборах мэра Лондона, протесты по пово-

ду увеличения налогов на топливо и частичной приватизации лондонского метро, резкий рост недовольства состоянием железных дорог и госпиталей, прибавка основной ставки государственной пенсии всего на 75 пенсов – все это впоследствии повредило имиджу Блэра как премьер-министра. У правительства было достаточно серьёзных неудач, за которые Блэр несет персональную ответственность. Сегодня очевидно, что это, прежде всего, Ирак – поддержка американцев во главе международной антитеррористической коалиции.

Кто-то, наверняка, найдёт символичным то, что в ноябре 2006 года вышел сборник лучших хитов Oasis под названием «Stop The Clocks». Кто-то обратит внимание на то, что такая икона как «Битлз» может уже и не один из самых ярких феноменов мировой культуры 60-х годов XX века. *Коммерциализация имиджа* достигла (за-) предельных точек. К примеру, экс-битл и экс-модель достигли «мирового соглашения» по разводу. Хизер Миллз получит от сэра Пола Маккартни «откупные» – 178 миллионов евро, по 5184 евро за каждый час их четырехлетнего брака – сообщили мировые/глобальные СМИ в ноябре прошлого года.

Другой сюжет. 1999 год. Госдепартамент США, возглавляемый тогда Колином Пауэллом, предложил перейти *от простой «продажи» США к реальному брендингованию внешней политики*. Продвижению демократии требовались «тонкие» инструменты наводки и доставки. Известный американский PR-специалист Шарлотта Бирс пошла по пути интенсивных, кажущихся практически нескончаемыми, рекламных кампаний в зарубежных СМИ. Через пятнадцать месяцев с момента начала реализации имиджевого проекта маркетинговые и социологические замеры показали, что большинство тех, на кого были направлены орудия политического позиционирования, прежде всего в странах Ближнего Востока и Латинской Америки, и без того разделяют американские ценности демократического устройства и справедливого распределения доходов. Проблема возникла как раз с нарушением этих ценностей и механизмов распределения со стороны самих Соединённых Штатов. Ещё через два месяца госпостора Бирс была вынуждена уйти в отставку (12).

Ситуация критически осложнилась после событий 11 сентября 2001 года «Неожиданность» антитеррористического дискурса привнесла новое измерение в процесс формирования странового имиджа Америки и, на самом деле, продемонстрировала от-

сутствие способностей официального Вашингтона оперативно модернизировать модели внешнего бренд-строительства. Это проявилось, прежде всего, через определение образа врага, который по определению представлялся единым в отношении всех, кто разделяет в той или иной степени американские/западные ценности. Именно здесь и нашли своё выражение противоречивые следствия политизации и десоверенизации дискурсивного антитеррористического пространства.

С начала так называемой «war on terror» в США образ врага политизировался, что в практических категориях означало опознание его фигуры исключительно через акт политического, а не морально-ценностного выбора. Суть действия на своём завершающем этапе сводилась к жесту суверенного решения, «назначающего» тот или иной суверенитет, но ни в коем случае не тот или иной политический режим «ответственным» и «виновным». В этих условиях процесс политизации дискурса означает номинирование, а жест суверена – достижение внутриэлитного соглашения. В реальной системе политических координат это, безусловно, оправдывает иракскую и афганскую военные кампании. Но только для «внутреннего потребления», которое, в свою очередь, в условиях современного этапа глобализации перестаёт быть только «внутренним». Повторяется ситуация, при которой отторжение вызывают не собственно американские ценности, а «штыковые» методы их насаждения.

Такая ситуация способствует проявлению феномена «подавления истории». Наиболее полно он предстаёт при наблюдении разрывов в политической, экспертной и медийной репрезентации складывающейся реальности. Примером «подавления истории» может служить формула, предложенная Джоном Эдвардсом, одним из действующих кандидатов в президенты США от демократической партии, 23 мая 2007 года. Характеризуя необходимость обновления военной и внешнеполитической стратегии, Эдвардс сформулировал запрос на «*post-Bush, post-9/11, post-Iraq*», а одной из основных причин указал следующую: «Война с террором – слоган, спроектированный исключительно для политики, а не стратегия, позволяющая «делать» Америку безопасной/благополучной» (13). Трехединный запрос на «пост-» означает попытку «подавления» и персонифицированного, и пространственно-временного измерений десоверенизации. Она понимается как изменение традиционных ценностей суверенитета, от-

рицание приоритета понятия «суверенитет» над прочими, что рано или поздно создаёт условия для расширения набора правил, регулирующих систему международных отношений.

Что объединяет рассмотренные примеры? Имидж страны реализовывался исключительно через имидж власти. Если в сознании авторов-разработчиков положение «страна — это власть» являлось практически аксиоматическим, то для «нишевых» аудиторий знак тождества просто отсутствовал. Консервативная «ориентация» на государственный суверенитет представлялась в качестве некоторой универсальной опоры.

На основе опыта, пускай пока и небольшого, по строительству и продвижению имиджа «новой» России, следует отметить ещё одно важное положение. Оно заключается в попытках постоянной инвентаризации символов прошлого. По сути дела, поиск российских/русских вечных ценностей напоминает попытки конструирования (с целью последующей продажи на экспорт) российско-го/русского вечного двигателя.

В этих условиях дело в принципе не может двигаться далее квази-идеологических постулатов. Примером попытки «инвентаризации» может служить следующее положение руководства «Международного пресс-клуба. Чумиков ПР и консалтинг»: «Стержнем политического брендконструирования являются старые символы. Под брендом «Россия» всегда понимались купола соборов, березки, бескрайние просторы полей, водка, продукты сельхозпроизводства, матрешки, балалайки, сувениры народных промыслов. За рубежом говорили о «загадочной русской душе», которая выражалась в русской классике литературы и искусства, «Русских сезонах», Большом и Мариинском театрах, красоте русских женщин, которая спасет мир. В советскую эпоху это трансформировалось в бренды «Водка столичная», «Золотое кольцо», ансамбль и магазины «Березка», сувениры Хохломы, Жесткова, Палеха, икру красную и черную, крабы «Чатка», масло «Вологодское». Загадочная русская душа сделала СССР космической державой, а советские спортсменки наполнили содержанием понятие красоты. Красные флаг, звезда, серп и молот, Октябрь, Аврора и силуэт Ленина прочно вошли в сознание как советские символы-бренды. Сейчас многое из этого продолжает работать, как, например, красное знамя Российской Армии и Гимн на музыку Б. Александрова, а что-то навсегда ушло в небытие вместе с Советским Союзом» (14).

Однако такое простое перечисление выхолащивает сущностное, ценностное наполнение политики России. В отсутствие чётко артикулируемых политической и внешнеполитической стратегий, эффективных механизмов самоопределения страны (государства, суверенитета, нации, но не власти) самый благоприятный имидж «на экспорт» становится политической пустышкой. Когда же последовательное отстаивание национальных интересов дополняется инновационными формами укрепления международного статуса России, имидж начинает выполнять исключительно продуктивную функцию.

Свободное от прежних штампов и стереотипов сотрудничество должно акцентировать стремление России к переменам. Следует согласиться со специалистами по имиджу в том, что по большому счёту частности бренд-стратегий не столь важны. Они могут и должны меняться. Сегодня бренды Maria Sharapova или/и Anna Netrebko воспринимаются наряду со «старыми» лицами Эрмитажа и Юрия Гагарина. Они дополняются «новыми» образами российских компаний — лидеров глобализации («Билайн», «Российский алюминий», «Лукойл», «Норильский никель») и такой уникальной услугой как космический туризм, которую предоставляет уже несколько лет только наша страна. И этому не надо препятствовать. Это позволяет лучше и глубже понять, что такое суверенитет, чем был Советский Союз, и почему его нет сейчас. И, значит, это позволяет органично преодолеть те гипертрофированные имиджи России, которые препятствуют пониманию и принятию современного, устремлённого в будущее образа страны. Ведь имиджи существуют, пока в них верят.

Примечания:

1. См.: Белоусов К., Зелянская Н. Рейтинг русофобии в западной прессе // www.pravaya.ru/lefright/473/11296 (февраль 2007 г.).
2. «Брутальный, грязный медведь» // www.smi2.ru/wist/c13267 (март 2008 г.).
3. См.: Московский комсомолец. 2007, 28 июня.
4. См.: www.gtmarket.ru/news/state/2006/08/18/11
5. См.: www.sostav.ru/news/2007/06/04/spb1
6. См.: www.e-xecutive.ru/news/686340
7. См.: www.vitrina-a.org/vanew/8366.htm
8. См.: www.brif.kz/arhiv/buletin290.php

9. См.: www.dn.kiev.ua/Analytics/midj-1407-print.htm

10. Там же.

11. *Реут О. Ч.* Имидж России под брендом «суверенитет-табу» // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке) : материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.Г. Чернышева. Барнаул, 2007.

12. См.: www.ashpi.asu.ru/talks/th_s_2007/th_s02/reut.html

13. См.: www.netpolitics.ru/public.php?doc_id

14. См.: http://ashpi.asu.ru/talks/th_s_2007/th_s02/reut.html

Литература к IV разделу:

Аги У., Кэмерон Г. и др. Самое главное в PR. Пер. с англ. СПб., 2004.

Беркитт Х., Зилли Дж. Маркетинг победителей. Секреты лучших маркетологов мира. М., 2008.

Берроу С., Мосли Р. Бренд работодателя. Лучшее из бренд-менеджмента. М., 2008.

Вокруг России. Сб. статей экспертов РИА «Новости». М., 2007.

Государственная информационная политика: проблемы и технологии. Сб. статей / Отв. редактор и составитель Е.П. Тавокин. М., 2003.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. (Серия: История России. Современный взгляд). М., 2000.

Коробков Д. Особое мнение: как построить бренд «Россия» // Ведомости. 2007, 14 июня.

Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехники, психотехнологии. М., 2007.

Политическая имиджелогия. Под ред. Л.Г. Лаптева, Е.А. Петровой. М., 2006.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000.

Расторгуев С.П. Информационная война. М., 1998.

Рожков И.Я., Кисмеришкин В.Г. Имидж России. Ресурсы. Опыт. Приоритеты. М., 2008.

Ющук Е.Л., Кузин А.В. Противодействие чёрному PR в Интернете. М., 2008.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Лекция 13

Россика, славистика и советология: влияние профессионального изучения России на общественное мнение

Закономерно рассмотрение вопроса о том, а какую же роль в формировании имиджа играют профессиональные исследования России за рубежом? Что происходит с академическим знанием, связанным с изучением нашей страны? Слышен ли голос специалистов по России в СМИ?

Начнём с россики, как наиболее старой попытки иностранцев систематизировать знания о нашей стране. В принципе, *россика* — это псевдолатинское слово, изобретённое в Европе в XVIII веке. для обозначения всех вещей и понятий, связанных с Россией. Европейская «россика» изначально включала в себя воспоминания, путевые заметки и исследования, написанные европейцами в XV–XX веках. Эти сочинения начали привлекаться учёными-историками ещё в XIX веке для изучения России. Кроме того, путешественники — очевидцы различных периодов, сами того не подозревая, создали не только бесценный исторический материал, но и систему стереотипов восприятия образов и оценок России. Впоследствии она стала важной гносеологической установкой в процессе описания России иностранцами.

Европейцы, приезжающие в Россию, уже имели определённые представления и стереотипные установки о ней и поэтому следовали в своих наблюдениях за этими моделями, которые сформировались в их сознании до личного столкновения с русской действительностью. В результате они искали подтверждения своим представлениям. Одни темы и явления привлекали их особое внимание, а другие оставались ими незамеченными. Поэтому, когда они сами писали о России, то тем самым предоставляли как своим современникам, так и последователям готовую базу уже для их восприятия России и русских. Стереотипные модели «обрастали» уже личными впечатлениями, которые либо проверяли их начальные представления, либо подтверждали. Последнее встречается, как правило, гораздо чаще, поскольку основным свойством стереотипа является его высокая резистен-

тность и низкая изменяемость под влиянием поступающей информации.

База формирования имиджа

Таким образом, европейская россика на протяжении нескольких веков предлагала определённый круг тем, их изложение и интерпретацию, которые стали базисом для восприятия и современной России на Западе. Актуальные культурологические проблемы русской цивилизации, истории и культуры, которые представлены в записках иностранцев («россике»), можно объединить названием «социокультурная проблематика». Содержание европейской россики можно условно разделить на два информационных пласта: конкретно-исторический и социокультурный. Конкретно-исторический включает в себя разного рода бытовые описания и темы: города, дороги, климат, стоимость товаров, привычки и обычаи народа (чем питались, как молились, что читали и пр.) и другие сведения, позволяющие составить картину ежедневной жизни народа и общества. Социокультурная проблематика содержит в себе уже не конкретное бытописание, а отвлечённые, обобщённые рассуждения авторов о сути русской цивилизации и общества.

Несмотря на тот безусловный интерес, который представляет этот анализ России иностранцами для учёных различных направлений научного знания, он крайне редко привлекается в исследованиях по истории, культуре и философии России, чему есть несколько объяснений. До 1917 года записки иностранцев о России были известны как ведущим историкам, так и широкому кругу просвещённых читателей, которые использовали их как пособие по истории собственной страны, нередко «отретушированной» русским правительством. Но при этом как историков, так и общественность интересовали больше конкретные исторические события и бытовые подробности жизни русского общества прошлых эпох. Рассуждениям о сути России уделялось мало внимания, поскольку они считались неинтересными и предвзятыми. Эта предвзятость, а вернее, критичность высказываний иностранцев о России является второй причиной, почему эти источники не получают должного признания и сегодня.

Ситуация с подробным изучением сочинений иностранцев о России XVIII века осложняется ещё и тем, что этот период характеризуется обилием отечественных источников, что незаслу-

женно ограничило необходимость в использовании россики. Если исследователи истории России XV–XVII веков с готовностью привлекают любой источник, касающийся этого периода, поскольку собственно русскоязычных материалов недостаточно, то XVIII век позволяет во многом игнорировать иностранные источники. Поэтому этот пласт историко-мемуарной литературы относительно плохо изучен.

Современные историки часто не доверяют сообщениям иностранцев и не считают целесообразным привлекать их в качестве источников по истории России.

По сравнению с советским периодом сейчас увеличивается степень их востребованности наукой, однако, рассуждения европейцев о русской цивилизации, их социокультурная проблематика по-прежнему остаются малоисследованными и малоизвестными. А именно этот аспект является первым опытом культурологического анализа России, в значительной степени повлиявшим на становление русской общественной мысли и философии XIX–XX веков. Изучение социокультурного аспекта сочинений иностранцев важно для понимания причин современного восприятия России и русских на Западе.

Неотъемлемую часть россики составляют, например, французские сочинения. Особенно богатый материал предоставляет последняя треть XVIII века, когда сложились традиции написания сочинений о России. До этого они имели не слишком оформленный характер в отличие, например, от уже созданного основательного корпуса английской и немецкой «россики». Французские сочинения о России XVIII века, начиная с Ж. Шапп д'Отроша, заняли важное место в ряду таких основополагающих сочинений о России, как записки С. Герберштейна, Дж. Флетчера, А. Олария. Кроме того, французская россика XVIII века стала не только «пособием» по узнаванию России во Франции того времени, но и основой для более поздних сочинений, о которых мы уже говорили — к примеру, для знаменитой книги А. Кюстина «Россия в 1839 году».

Известно, что появление первого собрания иностранной литературы о России связано с эпохой 1812 года. Уже в 1813 году директор Публичной библиотеки Петербурга А.Н. Оленин писал: «Настоящее время, столь обильное славными для России происшествиями, требует от начальства сей библиотеки особенного попечения о собрании сколь возможно полнейших сведе-

ний о нынешней войне между Россией и Францией...» (1). Первые закупки и иные приобретения 1813–1815 годов, в том числе через посредство учреждений цензуры иностранных книг, фактически положили начало целенаправленному формированию коллекции зарубежной россики. Так стала именоваться иностранная литература о России и собственно отдел, в который она выделилась по инициативе Модеста Корфа в 1850 году (до этого времени относящиеся сюда издания откладывались в отделении истории).

Адам Олеарий. *Обстоятельное описание нового восточного путешествия. Шлезвиг. 1647*

ка имела тесные связи и вела обмен, зарубежные учёные, все виднейшие коллекционеры и библиофилы. Сотрудники Библиотеки совершили ряд командировок в европейские страны. Сам Корф ездил в эти «библиографические поездки» трижды – в 1851, 1856 и 1861 годах.

Современное состояние русской монархии в Европе и Азии... Эрфурт. 1749

Создание россики стало предприятием общенационального культурного масштаба. Его значение и размах вышли далеко за пределы самой Публичной библиотеки. На ноги было поставлено всё: учебная поддержка крупнейших историков (Сергея Соловьёва, Николая Устрялова и других), книгопродавцы и антиквары в Петербурге и в европейских столицах, иностранные университеты и библиотеки, с которыми Императорская публичная библиотека имела тесные связи и вела обмен, зарубежные учёные, все виднейшие коллекционеры и библиофилы. Сотрудники Библиотеки совершили ряд командировок в европейские страны. Сам Корф ездил в эти «библиографические поездки» трижды – в 1851, 1856 и 1861 годах.

В плане комплектования россика, наряду с Русским отделом, имела привилегированное положение. Для неё не были установлены твёрдые нормы ассигнований. Книги для будущей коллекции не только выделялись и выделялись, не

только покупались и поступали по обмену, не только приходили в дар – их одновременно включали в карточные каталоги.

И непрерывно шли дополнения. В 1852 году в Публичную библиотеку была передана Эрмитажная библиотека. Через несколько лет – огромная библиотека Генерального штаба. В 1853 году у книгопродавца Брифа приобрели коллекцию редких печатных изданий, касающихся России. В 1860 году более тысячи редких книг принёс в дар сенатский переводчик Сеницкий. Тогда же поступило и подаренное библиотечарем шведского короля Клеммингом богатейшее собрание брошюр, касающихся России и относившихся к началу XIX веков.

Точное известие о ... крепости и городе Санкт-Петербурге. Лейпциг. 1713

Уже к началу 1854 года формирование коллекции было, в основном, завершено. В этот момент она включала 10 с лишним тысяч названий. Но уже через 10 лет состав коллекции увеличился почти втрое. 29 391 название включено в изданный в ноябре 1873 года каталог. Алфавитный каталог коллекции «RUS-SICA», уникальный проект Императорской публичной библиотеки, состоял в том, чтобы собрать воедино все опубликованные на иностранных языках книги и документы, содержание которых в той или иной мере касалось России

Описание коронации Анны Иоановны. 1731

и всех аспектов нашего государства. Через пять лет после выхода его в свет 1-й Международный библиографический конгресс признал его «бесценным и единственным в своем роде трудом» (2).

Сорок лет спустя отделение насчитывало уже 230 тысяч сочинений, став крупнейшим иностранным собранием Публичной библиотеки. Оно вклю-

чало научные и исследовательские труды, касающиеся истории, религии, различных аспектов культуры, всевозможных отраслей науки, а также переведённых на иностранные языки книги русских писателей, произведения, в основу которых легли впечатления зарубежных путешественников о России, альбомы гравюр и литографий, некоторые важные государственные документы и договоры (3).

В известном смысле этот период – канун Первой мировой войны – был апогеем расцвета россики. За годы революции и гражданской войны иностранное комплектование было непоправимо нарушено. Пожалуй, единственным крупным приобретением **Россики** этого времени стала покупка библиотеки известного историка и библиографа К.А. Военского (1919) с богатым и тщательным подбором иностранных книг по военной истории, главным образом наполеоновских войн (4). Ликвидация отделений и образование единого Иностранного фонда в 1930 году привели к тому, что комплектование россики по существу прекратилось. Она свернулась в замкнутую, историческую коллекцию.

Последующее развитие россики стало осмысляться главным образом на путях библиографического и книговедческого освоения её колоссального информационного потенциала. Так, ещё в 1960-е годы А.Л. Гольдбергом и И.Г. Яковлевой начала осуществляться продолжающаяся и по сей день обширная программа публикации материалов по отечественной истории из иностранных каталогов Публичной библиотеки.

Издания, поступившие в библиотеку до 1930 года, отражаются в электронном каталоге «Россика».

Всемирная наука

Славистика – это не одна наука, а целый комплекс наук о языках, истории и культуре славянских стран, среди которых центральное место занимает Россия. На Западе понятия «славистика» и «русистика» частично перекрываются. Однако русский язык и литература, и даже русская история и культура – это узкая специализация внутри существенно более широкой дисциплины, имеющей дело с более чем десятью славянскими языками и соответствующими культурами.

Славистикой профессионально и комплексно начали заниматься в 1920-х годах в Германии, а затем и в других европейских

странах. В 1960-е годы она буквально расцвела в США. Сейчас уже можно говорить, что славистика стала всемирной наукой. Кстати, вся русская классика находится в Интернете по-английски и по-испански, не говоря уже о языках славян.

Есть и узкое толкование славистики в университетах, где она всего лишь отрасль филологии (лучше подошло бы французское *Lettres*, которое шире «филологии» и включает и историю, и философию), занимающаяся славянскими языками. Русским языком занимается уже мелкая специализация внутри славистики – «русистика».

Сама академическая модель функционирования знания о *Lettres*, как она сложилась в Европе королей и империй, во Франции, прежде всего, предполагает моноэтнический имперский взгляд на способы порождения этого знания. Язык тождественен государству, литература на этом языке – достояние и выражение гения нации, объединённой в Империю. И аборигены новых территорий имеют возможность стать людьми, только приобщившись к национальному гению Империи, воплощённому в её великом языке и не менее великой литературе.

Российская ассимиляционная культурная политика также следовала этому лекалу. Структура воспроизводства знания скопировала французские образцы – и с тех пор особых изменений не произошло. Как не произошли эти изменения, строго говоря, и в системе европейских институтов воспроизводства знания. Оно остаётся в области «гуманитарных» наук моноэтническим империализмом. Университет – символ такой модели, и европейская славистика, и русистика, в частности, лишь элементарный элемент этой гигантской системы.

Ответственна ли славистика (русистика) за формирование образа России на Западе? Время от времени возникают дискуссии вокруг этого вопроса. Большинство экспертов склоняется к тому, что этот образ формируется всё же средствами массовой информации и людьми, зачастую вообще никогда в России не бывавшими и русского языка не знающими. Участие славистов в средствах массовой информации – минимально, и даже если какой-нибудь профессор Принстона или Йеля выступит по CNN со своим экспертным мнением (или профессор Сорбонны по TF1) по какой-нибудь текущей проблеме, то уж никак не это определит формирование общественного мнения.

Новая академическая дисциплина

Начиная с середины XX века в зарубежной науке и публицистике широкое распространение получил термин «советология» (sovietology). Этот термин обозначал *научное направление, посвящённое изучению политики, истории, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза*. Оксфордский словарь отмечает его первое употребление 3 января 1958 года в лондонском еженедельнике «Observer». В академических кругах термин поначалу был воспринят достаточно осторожно. На рубеже 1950–1960-х годов, как писал Д. Армстронг, основатели американского изучения СССР всё ещё отвергали определение «советология», отдавая предпочтение более банальному «изучению российского региона». А. Улам отмечал в середине 1960-х годов, что «советология» — ужасное слово, но как можно его не использовать? (5). К такой позиции был близок и Стивен Коэн, для которого «советология — незелегантное, но полезное слово» (6).

В зарубежной традиции рассматриваемый термин не имеет какой-либо оценочной коннотации, тогда как в Советском Союзе его обычно использовали с уничижительными определениями.

В близком значении иногда использовался термин «кремлинология» (kremlinology), внутренняя форма которого подчеркивала повышенный интерес соответствующих специалистов к дискурсу советских лидеров, которые жили и работали в Кремле. Поэтому *кремлинология нередко определяется как исследование дискурса советских (а теперь и российских) политических лидеров*.

Вместе с тем следует отметить, что советология и кремлинология — это ещё и обозначения соперничающих научных направлений. Классические советологи акцентировали эвристичность своих методов и достоверность прогнозов, тогда как кремлинологи подчёркивали, что их внимание к деталям приносит весьма существенные результаты. Например, советологи гарвардской и чикагской научных школ скептически относились к «кремлинологам», сосредоточившим внимание на мельчайших изменениях в языке, поведении, образе жизни «хозяина Кремля» и его ближайшего окружения. Так, «гарвардцы» считали поспешными выходы кремлинолога М. Раша, указывавшего на становлении «культы Хрущёва» на основании того, что в газете «Правда» от 1955 года привычную подпись «первый секретарь» вдруг написа-

ли с заглавных букв («Первый Секретарь»), а в речи Хрущёва обнаружилось «типичные словечки Сталина» (7).

Кремлинологи же любят вспоминать, как они, уделявшие пристальное внимание протокольности коммунистической элиты, обратили внимание на то, что как-то в Большом театре среди большевистских лидеров не оказалось Берии, и сделали вывод о его смещении. Скептики говорили о том, что, может быть, Берия не любит балета, но через несколько дней Берия был объявлен предателем.

В вышедшем в постсоветский период исследовании этапов развития рассматриваемого научного направления М. Малия представляет советологию как академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением «изучение региона», а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием «советология» (8). По мере накопления исследований и дифференциации научных интересов появились политическая, экономическая, социологическая, юридическая и иные виды советологии. Несмотря на позднее «терминологическое оформление» указанных исследований под наименованием «советология», точкой отсчёта для этого направления стало возникновение на политической карте мира Советской России и СССР, потому что первые советологические исследования появляются сразу после возникновения советского государства.

Ряд специалистов сегодня внимательно изучают даже лингвистическую советологию, предметом которой служат языковая политика в СССР, особенности советского тоталитарного дискурса, функционирование, взаимодействие и эволюция языков народов Советского Союза. Вполне закономерно, что основное внимание советологи уделяли русскому языку как языку «межнационального общения», который никогда не признавался государственным, но реально был таковым все годы существования советской власти.

Можно выделить четыре этапа существования лингвистической советологии. Первый относится к периоду с 1920-х годов до конца Второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем, что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в Северной Америке, Западной Европе и других регионах. Следующий этап приходится на период «холодной войны», когда идеологическое противостояние было макси-

мально обострённым и многим казалось, что близится начало третьей мировой войны. Именно в эти годы многие западные советологи стремились найти общие черты в советском и фашистском политическом дискурсе, хотя советским специалистам кощунственной казалась уже сама попытка такого сопоставления. Третий этап совпадает со временем «разрядки» в отношениях между Советским Союзом и США, между странами Варшавского договора и НАТО. Угроза прямого военного столкновения миновала, но сохранялась острая идеологическая борьба, которая сопровождалась боевыми действиями во Вьетнаме, в Афганистане и иных регионах. Четвёртый этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри советской страны, а зарубежные консультанты всё чаще начали выступать как эксперты по вопросам строительства новой политической системы в России (9).

Исследования российского политического языка, по-видимому, уже выходят за рамки советологии и в последние годы нередко обозначаются зарубежными специалистами как «пост-советология» (post-sovietology).

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на клевете на социалистическое государство, а советологи — малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей ослеплённых ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и страшилками. Вместе с тем среди советологов были и талантливые учёные, которые стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приёмов. Вместе с тем всегда были специалисты, которые изучали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

До 1970-х годов в советологии лидировали концепция тоталитаризма и теория конвергенции двух систем — капитализма и

социализма. Затем, в конце 1970-х годов возникла концепция ревизионизма (А. Шлезингер, Дж. Гэддис), а в 1980-е годы получило распространение представление о миросистеме как единой основе мирового развития (К. Дейч, Д. Сингер, М. Каплан).

Сама концепция тоталитаризма сформировалась ещё в межвоенный период, уже тогда её начали использовать для объяснения явлений советской системы. Из представителей этого направления следует назвать: Х. Арэнд, К. Дейч, Ф. Нойман, С. Нойман, Д. Кеннан, Р. Арон, М. Фейнсон, Ф. Боркенау. Она строилась на вымышленных параллелях между фашистским и советским режимами. Тоталитарная схема имела монопольное влияние на советологию 1950–1960-х годов. Ослабление международной напряженности в 1970-е и облегченный доступ к архивным материалам способствовали отказу от тоталитаризма многих учёных. Однако в начале 1980-х годов «школа тоталитаризма» заметно усилила свои позиции в официальных кругах США.

В 1985 году известный американский политолог У. Лэкер выступил в октябрьском номере журнала «Комментарии» со статьей «Есть ли сейчас и была ли когда-нибудь такая вещь, как тоталитаризм?» Он выразил сомнения, которые более четверти века терзали многих западных теоретиков. Вслед за этим вопросом напрашивался другой: если обществоведческая концепция столь длительное время подвергается сомнению учёными, почему же она всё же остается в арсенале науки?

В 1950–1960-е годы в немарксистской политологии и социологии выделялись две главные точки зрения: 1) тоталитаризм представляет собой специфическое явление, характерное для некоторых государств XX века, которые отклонились от «нормального» исторического пути, по которому шли всегда Англия, Франция и США; 2) тоталитаризм имеет глубокие исторические корни и не раз наблюдался в истории разных эпох и народов. П. Сорокин, стремясь показать условность концепции тоталитаризма, утверждал, что посредством выдвигаемых её сторонниками критериев можно обнаружить тоталитарные периоды даже в истории Древнего Рима после правления императора Диоклетиана и в государстве древних инков. Но то, что служило для Сорокина предметом иронии, вскоре станет серьёзно обсуждаться многими его коллегами.

Ещё легче оказалось обнаружить «тоталитарные личности» среди политических деятелей в истории. К ним разные западные

исследователи отнесли Кромвеля, Робеспьера, Сен-Жюста, Ивана Грозного, Петра I. Столь расширительное толкование тоталитаризма вызвало критику со стороны многих немарксистских историков, социологов, политологов. Известный советолог профессор Лондонского университета Л. Шапиро во вступительной речи своей книги «Тоталитаризм» сетовал на неразборчивость, неточности и понятийную путаницу при употреблении этого термина политиками, публицистами, учёными.

Образ СССР как «тоталитарного врага» стал меркнуть в сознании населения западных стран на рубеже 1960–1970 годов, и это обстоятельство также ставило под вопрос концепцию в целом. Одним из первых западных политологов, понявших неадекватность объяснения советского общества с позиций неизменной «тоталитарной модели», был З. Бжезинский. Ещё в год написания вместе с Фридрихом «классической» работы Бжезинский в статье «Тоталитаризм и рациональность» отмечал, что «советский тоталитаризм, наиболее развитое тоталитарное общество нашего века, вступает в новую стадию развития». На протяжении 1960–1970 годов критика концепции тоталитаризма самими немарксистскими учёными стала столь же типичным явлением, как ранее приверженность ей. Критикующие, среди которых оказались авторитетные советологи И. Дейчер, Р. Такер, А. Инкельс, практически единодушно указывали на то, что она заслоняет многообразие социально-исторических явлений и связей, сводит содержание и механику исторического процесса к действиям отдельных политических группировок.

Далее возник вопрос: можно ли отнести ту или иную страну к разряду таких режимов в силу существования в ней однопартийной системы? Этот вопрос был поставлен на семинаре западных советологов в Лондонской школе экономики и политических наук в мае 1966 года. Открывавший дискуссию Р. Арон переформулировал его так: может ли партия в однопартийном государстве единолично вершить всеми государственными делами? И дал противоречивый ответ. Чаще всего вместо тоталитаризма стали говорить об авторитаризме. Критерии и рамки его также не были определены достаточно чётко. Один из ведущих адептов теории модернизации, например, полагает, что авторитарные режимы включают военные диктатуры — социалистические, фашистские и просто националистические. Профессор Свободного университета в Западном Берлине Р. Левенталь

охарактеризовал государственный строй СССР как «посттоталитарный авторитаризм».

Поиск модели, которая более адекватно отразила бы существенные черты государственного и социального строя в СССР, подтолкнул к появлению дефиниций типа «администрируемое общество», «мобилизационная система», «консультативный авторитаризм», «моноиерархическое общество» и др. Убедительной типологической аргументации они не содержали. В условиях дефицита базовой советологической модели на авансцену выдвинулась точка зрения, несущая в себе элементы веберизма, троцкизма и современного радикализма. Согласно этой точке зрения, в СССР сложилось бюрократическое общество, характеризующееся такой же или ещё большей самодовлеющей природой государства.

На волне обострённого интереса западных исследователей к работам М. Вебера участилось обращение к веберовской концепции власти. В первую очередь здесь привлекает внимание тезис Вебера о том, что если при капитализме элементы бюрократизации экономики и государственного управления аккумулируются постепенно по мере их развития, то при социализме они возникают с самого начала в силу единства политической и экономической власти.

На смену концепции тоталитаризма не пришла никакая другая, которая могла бы полностью обесценить её исходное назначение — описать и классифицировать политические режимы, представляющие aberrации современного движения стран и народов к большей свободе. Глобальная теория модернизации, ставящая акцент на общности развития государств и обществ в определённых исторических условиях, лишь способствовала переориентировке многих блестящих умов на благородный экуменистический поиск. Речь шла, собственно, о политизации научных категорий и понятий. В этом, собственно, и заключается уязвимое место концепции тоталитаризма с точки зрения научной методологии. Главный урок дискуссий о тоталитаризме в западной литературе состоит в том, что в общественно-политическом развитии стран и народов мира, вероятно, существуют явления, к которым тоталитарная концепция может быть приложена с большими или меньшими основаниями.

В работе «Тоталитарная диктатура и автократия» Фридрих и Бжезинский нашли достаточно оснований для вывода о том, что тоталитарные диктатуры явились логическим развитием некото-

рых тенденций нашего современного индустриального общества (часто именуемого капитализмом). Этот вывод примечателен тем, что он, во-первых, шёл вразрез с мнением участников дискуссии 1939 года о тоталитаризме как «восстании против исторической цивилизации Запада». Ведь индустриальное общество и капитализм увенчали именно западноевропейскую традицию. Во-вторых, он подтверждал мнение исследователей-марксистов о зарождении в недрах монополистического капитализма крайне реакционных шовинистических и милитаристских течений, получивших своё логическое завершение в фашизме.

Разъясняя связь между тоталитаризмом и индустриализмом, Фридрих и Бжезинский указали, что тоталитарные диктатуры могут возникнуть «только в условиях массовой демократии и современной технологии». Это положение использовалось многими западными учёными, как решающий довод в пользу ограничения хронологических рамок тоталитаризма XX века. Впервые в западной политологии Фридрих и Бжезинский предложили определение тоталитарных режимов на основе шести критериев: 1) Официальная идеология. 2) Единственная массовая партия. 3) Система террористического полицейского контроля. 4) Контроль партии над всеми средствами массовой информации. 5) Контроль партии над вооружёнными силами (10).

Особенно известной у нас и в мире была именно группа либеральных историков и политологов «младшего поколения», которые дистанцировались от своих предшественников-советологов 1950–1960-х годов. Радикальный ревизионизм 1960–1970-х годов разрушил в исторической науке США консервативный консенсус 1950-х. Они отвергли «тоталитарную модель», считая её порождением пропагандистских кампаний времён «холодной войны». Советская система — это диктатура, но и Запад отнюдь не идеален. Ревизионисты подошли к изучению советского общества без вражды и с допустимой лояльностью, с менее идеологизированных позиций и более конкретно-эмпирического подхода. В частности, ими разрабатывалась тема «реформистской традиции» в Советском Союзе на материале 1920-х и 1960-х годов. Сегодня эти исследователи с удвоенной энергией критикуют тех консервативных советологов, которые многие десятилетия рисовали СССР сплошь «тоталитарным государством», исключали любую иную перспективу, любую возможность перемен, которые могли бы произойти изнутри. В оформлении этого направления

(методологически, теоретически и организационно) участвовали историки разных поколений. В США — Дж. Хаф, Р. Такер, А. Даллин, У. Таубман, М. Левин, С. Коэн, Ш. Фицпатрик, А. Рабинович и др.; в Англии — группа историков из Бирмингема во главе с Р. Дэвисом; в Германии — специалисты по социальной и экономической истории Р. Лоренц, Х. Хауман, Г. Мейер и Д. Гайер; в Италии — школа, оформившаяся вокруг Д. Прокаччи во Флоренции (Ф. Бенвенути, Ф. Беттанин и др.).

Ревизионизм объяснял развитие дел в Советском Союзе скорее «снизу», как результат общественных отношений, а не «сверху», как нечто, принесённое государством. На протяжении последних двадцати лет советская история переписывалась в указанном направлении, особенно на уровне метаисторических «больших проблем». В итоге Октябрь сделался подлинно пролетарской революцией, вызванной к жизни «поляризацией» классов рабочих и капиталистов. Этот тезис отстаивают Л. Хеймсон, У. Розенберг и многие другие исследователи. Партия, какой она была в 1917 году, представлялась ими недисциплинированной, плюралистичной, а отсюда — демократичной. На это указывают А. Рабинович и Р. Суни. Поворот Ленина к террору и повальной национализации в годы «военного коммунизма» (1918–1921 годы) трактовался как временные издержки, вызванные гражданской войной, а отсюда его истинным наследием объявлялась «смешанная экономика», свойственная новой экономической политике 1920-х годов. Единственным же законным наследником Ленина провозглашался Николай Бухарин. Самыми последовательными сторонниками этих взглядов является Ст. Коэн.

Таково в сжатом виде содержание течения ревизионизма. Главным его положением можно считать полное отделение Ленина и Октября от Сталина.

Существует и более радикальное направление ревизионизма, адепты которого полагают, что сталинизм, должным образом понятый и очищенный от некоторых крайностей, и есть истинное воплощение ленинизма. Сложившийся советский строй характеризовался новой школой как взаимодействие «групп интересов» по образцу «институционального плюрализма». Эта вторая ревизионистская школа в лице своих наиболее ярких представителей — Ш. Фицпатрик и Дж. Хафа, как бы возвращается к тоталитарной модели с её подчёркиванием роли преемственности между Лениным и Сталиным.

Все течения ревизионизма сходятся между собой в следующем: с Горбачёвым и перестройкой советский эксперимент, наконец, вернулся к истинному Октябрю, все отклонения от правильного пути будут преодолены, а все пороки изжиты. Перенос внимания на общество не носил в советологии чисто идеологического характера, но был частью общего для всей исторической науки течения — изучения общественной истории. Этот феномен связан не только с марксизмом в стиле Е.П. Томпсона, но и со Школой анналов или антропологией. Благодаря ревизионистским исследованиям в самих США советологи стали оперировать такими понятиями, как «разлагающая бюрократия», «социальная мобильность», особый советский подход к «модернизации». Историки писали книги, в которых доказывали, что большевистский переворот 1917 года вовсе не был переворотом, а неизбежным, в конечном счёте, благотворным социальным процессом. Советский Союз — это и есть социалистическое государство.

Появились достаточно серьёзные исследования представляющие СССР как модернизирующееся корпоративное общество иного, чем на Западе образца; анализировались его отдельные подсистемы-советы, профсоюзы, другие общественные организации и т.п. Усилиями Дж. Хафа, Д. Лейна, С. Коэна, К. фон Байме и других исследователей формировалось восприятие СССР как стабильного общества со своей специфической шкалой ценностей и системными приоритетами, которое, во-первых, не может оцениваться исключительно по западным критериям, а, во-вторых, в ряде отношений идёт впереди Запада. Советский режим стал очень популярен: он стремительно догоняет Запад, утверждало новое поколение советологов, у него множество достижений в различных областях, и Западу следовало бы основательно поучиться на советском опыте. В силу этого для учёного правильнее считалось занять позицию равноудалённости от обеих систем, может быть, даже чуть приблизиться к советской.

У «ревизионистской революции» было идеологическое измерение — считает У. Лакер. Прежнее поколение специалистов по Советскому Союзу не принадлежало к числу чистых учёных. Они занимались политикой, многие из них знали марксизм-ленинизм и коммунистические партии, что называется изнутри. Поэтому у них был опыт и познания, которых большинство ревизионистов были почти полностью лишены. Вся их жизнь про-

шла в университетских городках, они не смогли понять не только коммунизм, но и политику как таковую, за исключением, может быть, университетской политики. Они страдали тем, что психологи называют «зеркальным воображением». То, что произошло с Советским Союзом в последние годы, повергло их в шок. Они почувствовали себя преданными, особенно когда русские стали говорить и писать о тоталитаризме, который, как утверждали западные советологи, просто не существует.

В конце 1980-х годов в Америке вышло в свет необычайно много новаторских работ. Стимулом для многих авторов послужили эти споры, которым предшествовали более широкие историографические дискуссии. Исследовательский совет по общественным наукам и национальный фонд гуманитарных наук стали спонсорами нескольких конференций, на которых проверялись существующие концепции и намечались новые научные направления исследования. Обмен мнениями на трёх заседаниях национального семинара по российской и советской социальной истории XX века нашёл отражение в сборниках статей. В 1989 году вышел сборник «Партия, государство и общество в гражданской войне в России: исследования по социальной истории». Затем появился сборник «Россия в период нэпа: исследование советского общества и культуры» под редакцией Ш. Фицпатрик, А. Рабиновича и Р. Стайтса. Итогом заключительного семинара по социальной истории, который состоялся в апреле 1988 года, стал сборник «Социальные измерения советской индустриализации», опубликованный в 1993 году. Решение прекратить семинары по социальной истории, знаменовало переключение интереса многих американских специалистов по России с критического исследования ключевых постреволюционных проблем на пересмотр истории позднимперского периода (11).

Естественно, всё это внимательно изучалось в Советском Союзе и после его распада, хотя и не всеми. Работы западных учёных до начала 1990-х годов хранились в специальных хранениях крупных библиотек и доступ к ним имели лишь проверенные специалисты. Основная их задача сводилась к тому, чтобы раскритиковать советологов и разоблачить их «фальсификации». В ряде академических институтов возникли специальные сектора, возник поток диссертаций по «буржуазной фальсификации», хотя их авторы часто не знали иностранный язык или не имели доступа к оригинальным западным исследованиям. Сложилась

даже историография наиболее известных трудов по разоблачению идеологических противников (12).

Противостояние советологов и их разоблачителей давно позади, но и в самые конфликтные времена оно редко выходило за границы академического мира. Правда, наработками специалистов пользовалась власть при разработке концепций безопасности и составлении кратко- и среднесрочных прогнозов. Наиболее глубокие советологические исследования, так же как в روسике и славистике, составляют бесценный фонд, который позволяет проследить характер изменений образа России в мире на протяжении более пяти веков.

Примечания:

1. См.: www.nlr.ru/fonds/rossika/.8KB
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. См.: Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 48.
6. Там же.
7. См.: journals.usp.ru/i/inst.ling27/ling_27_03.pdf
8. Цит. по: *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 26.
9. Там же. С. 30.
10. Более подробно см: *Аделман Джонатан.* Тоталитарная школа в советологии // www.petrov5.tripod.com/T2.htm
11. См.: *Аделман Джонатан.* Ревизионистское направление в американской советологии // www.petrov5.tripod.com/T2.htm
12. См., прежде всего, коллективный труд ведущих специалистов Института истории СССР АН СССР под названием «Против фальсификации истории» (М., 1959), а также книги *Б.И. Марушкина* «История и политика. Американская буржуазная историография советского общества» (М., 1969), «Буржуазные концепции культуры: кризис методологии» (Киев, 1980), *А.Н. Тура* «Буржуазная советология – важнейшее направление антикоммунизма. Несостоятельность методологических основ буржуазных «моделей социализма» (Минск, 1987), *В.В. Борщукова* «Поле битвы идей. Советская литература за рубежом» (М., 1988), «Буржуазная советология: основные направления и тенденции» (М., 1988) и др.

Лекция 14

Мировое руссиеведение и перспективы выстраивания образа России

Руссиеведение наследовало всё то, что наработали советология или «кремлюнология». После распада СССР, собственно, и стало возникать то, что сегодня получило название «мировое руссиеведение». Некоторые советологические центры в США и Западной Европе попросту прекратили своё существование из-за прекращения финансирования. Цель достигнута – Советского Союза больше нет. Новое направление исследований появилось как в результате изменения внешнего фактора – изменением самого объекта изучения, так и обострения борьбы, прежде всего, в США, между тоталитаристским и ревизионистским направлениями. Причём, эта борьба быстро зашла в тупик. А причиной этого стал тот факт, что никто из представителей названных течений не смог предсказать крушение СССР, а значит, подтвердить свою состоятельность.

Известно, что тоталитаристы лишились своей монополии в изучении России, а ревизионистское направление утратило свой авторитет. Однако, к примеру, журналист Пётр Черёмушкин считает, что американский историк и политолог Стивен Коэн всё-таки предсказал распад СССР (1).

Оказавшись в кризисе, мировое руссиеведение стало искать пути выхода из него. Во-первых, через освоение методов и данных других гуманитарных наук – социологии, политологии, социальной антропологии и психологии. Во-вторых, через обращение к этнокультурным идеям. Можно назвать ещё одно популярное в 1990-е годы направление. Речь идёт о транзитологии, в основе которой присутствует идея догоняющего (Запад) развития России (2).

Прогнозы о месте России в мире

Обратимся к основным идеям, которые разрабатывает руссиеведение, и к основным дискуссиям, которые ведутся сегодня вокруг современной России. По-прежнему, профессионалы внимательно прислушиваются ко всему, что говорит патриарх французского руссиеведения Ален Безансон (3). Так или иначе, многие из его коллег возвращаются к поставленному им вопро-

су: сумеет ли Россия стать одним из полюсов в многополюсном мире? Для самого Безансона это отнюдь не очевидно. Запад в течение последних десяти лет бережно обходился с Россией в силу уверенности, что, пережив нынешнее «смутное время», она вновь станет той величайшей державой, которой оставалась на протяжении трёх столетий. Поэтому нужно было стараться не «унижать» её, мириться с её капризами, преуменьшать масштаб преступлений, творящихся в Чечне. Кроме того, если смотреть геополитически, то Россия вот уже четыре столетия занимает пространство, являющееся самым «сердцем Евразии». И важно, чтобы эта имеющая первостепенное значение территория контролировалась цивилизацией, всё-таки более близкой Европе, чем тюрко-монгольская или китайская.

Но если посмотреть чисто по-человечески, считает Безансон, то кажется маловероятным, чтобы Россия вновь стала величайшей державой. В период между 1763 и 1815 годами Франция утратила этот статус и никогда впоследствии не сумела его себе вернуть. Не удалось это ни Великобритании после 1918 года, ни Германии после 1945 года. Сегодняшнее состояние России никоим образом не гарантирует, что она будет способна прочно удерживать «сердце Евразии», которое она лишь занимает, но не заполняет. Если она сумеет установить у себя нормальные политический и экономический режимы, то скорее проявит тенденцию отойти на свою исконную центральную территорию — единственную, которую она в состоянии успешно развивать и эксплуатировать. Таким образом, как бы парадоксально это ни звучало, Россия сможет стать одним из полюсов в многополюсном мире, к которому стремится Запад, лишь при условии, что она не станет «западной», а будет по-прежнему играть роль великой державы, «вымученную, бессмысленную и губительную для неё самой» (4).

«В России не было либеральной демократии при Ельцине, и при Путине она не скатилась к тоталитаризму. Но давнее, с религиозной подоплёкой, опасение Америки “потерять” Россию снова занимает центральное место в ходе дискуссий» — считает известный профессор Стивен Коткин (5). Почему Россия всё время выводит англосаксов из себя? — спрашивает он. Советский коммунистический режим рухнул, империя «распустилась». Затем пришёл черед великих надежд и провалов девяностых. Достаточно вспомнить «полу-путч» и танковую атаку на парламент в 1993 году, референдум по новой конституции с

«подправленными» результатами, сомнительную приватизацию, войну в Чечне и дефолт 1998 года. Но после всего этого, в декабре 1999 года Ельцин попросил прощения у сограждан, досрочно ушёл в отставку — и назначил исполняющим обязанности президента своего премьера и бывшего шефа тайной полиции В.В. Путина. К ужасу многих Ельцин предсказал: этот никому не известный разведчик — именно тот человек, что «объединит вокруг себя тех, кто возродит великую Россию». Невероятно, но факт: все произошло именно так.

И теперь западные россиеведы называют это жесточайшим разочарованием, или даже пугающей перспективой. Возвышение Путина — закулисный ход, организованный ельцинской семьёй (как в буквальном, так и в политическом смысле), движимой не столько патриотизмом, сколько инстинктом самосохранения — войдёт в историю, по мнению Коткина, как один из самых позитивных элементов неоднозначного наследия первого российского президента. Теперь уже Путин, как и его покровитель, лично подобрал себе преемника. В характерной манере Путин сумел соблюсти конституционное ограничение относительно двух президентских сроков. В мае 2008 года Д.А. Медведев взял в свои руки громадные полномочия президента (подарок Ельцина) в условиях, когда российское государство больше не одолевает разброд (подарок Путина).

Почему это стало поводом для почти единодушного неприятия на Западе?

Пропасть непонимания между Россией и Западом образовалась из-за двух мифов. Во-первых, хаос и всеобщее обнищание при Ельцине приравнивается к утверждению демократии, пусть и несовершенной, которая в дальнейшем была свернута. Но если какие-то завоевания можно так легко ликвидировать, они, вероятно, были не так велики, как их изображали. Тем не менее, миф о сворачивании демократии Кремлём объединяет тех, кто испытывает ностальгию по «холодной войне», кому «не хватает врага», с новым поколением специалистов по России, многие из которых в девяностые участвовали в проекте «построения демократии», и теперь испытывают разочарование. Согласно второму мифу, бытующему в России, КГБ был единственным институтом, унаследованным от советской эпохи, что устоял перед коррупцией, сохранил патриотизм, и способность восстановить порядок. В результате либерализация российской экономики

ставится в заслугу «шпионам» из путинского окружения, хотя на самом деле она стала результатом усилий его помощников, не связанных со спецслужбами.

Каждый из этих мифов раздражает другую сторону. Когда подавляющее большинство россиян соглашается с концентрацией власти, англо-американские наблюдатели усматривают в этом не только незнание истинного положения дел, но и приверженность авторитаризму. Когда же зарубежные учёные превозносят ельцинскую Россию, чей национальный доход едва дотягивал до 200 миллиардов долларов, и клеймят Россию путинскую, с ВВП в 1,2 триллиона долларов, большинство россиян подозревает, что здесь кроется злой умысел (6).

Что происходит, когда в большой стране динамично развивается свободная рыночная экономика, а политическая система остаётся недемократической? Это непростая задача для экспертов. Политологи успокаивают себя аргументами о том, что экономический рост без верховенства закона неустойчив. Развитие рыночной экономики в конечном итоге неизбежно приведет к политической либерализации. На практике, однако, Россия далеко не единственная страна, где проводятся манипуляции с выборным процессом и отсутствует верховенство закона, но рыночная экономика при этом динамично развивается. В России права частной собственности не гарантированы, но сама частная собственность уже получила широкое распространение.

Парадоксы российской ситуации

Приспособление концептуального инструментария к, казалось бы, невозможной российской ситуации уже началось. «Когда я работала в Москве в 1994–1995 годах на Национальный демократический институт (National Democratic Institute), американскую неправительственную организацию, я и представить себе не могла подобное развитие событий», — призналась недавно на страницах «American Scholar» Сара Мендельсон, специалист по России и старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований. Мы думали, что находимся на переднем крае демократической революции. Но это было не так. Мы были свидетелями рыночной революции. Это запоздалое осознание сути происходящего пока не нашло широкого распространения. Преобладают мысли по поводу того, как «Запад в очередной раз “потерял” Россию», и призывы «сопротивляться» Путину (7).

Корреспондент журнала «Economist» в Центральной и Восточной Европе Эдвард Лукас опубликовал книгу «Новая “холодная война”». Россия, утверждает автор, развязала настоящую войну за влияние во всём мире, опираясь на свои гигантские сырьевые ресурсы и финансовые средства, но грозному медведю пытаются противостоять лишь США и Британия; Германия же вступила с ним в сговор, а Китай, возможно, даже «сотрудничает» (8). Впрочем, сам Лукас опровергает собственный тезис о возврате к «холодной войне». Он отмечает, что Восточная Европа теперь свободна. Россияне могут свободно выезжать за границу. В самой стране царит потребительский бум. Военной угрозы Россия не представляет (на оборону она расходует в 12 раз меньше, чем США). Прежняя «холодная война» действительно завершилась. Что же касается «новой идеологии» в России, которая и привела Лукаса к выводу о начале новой «холодной войны», то её основные ингредиенты не новы: обострённое чувство особого предназначения страны, предпочтение стабильности свободе и сильная неприязнь к лицемерию и поверхностности Запада. Сам же Лукас добавляет, что аналогичные взгляды бытуют во многих странах, помимо России. Тем не менее, настаивает он, по сочетанию и остроте этих взглядов Россия выделяется на общем фоне. Раздражение вызывает то обстоятельство, что Россия способна подкрепить делом эти разделяемые многими странами взгляды. В отличие от Германии и Японии, потерпевших поражение во Второй мировой войне, Россия «не покаялась» и ведёт себя «дерзко» (9).

Особенно по отношению к Восточной Европе, которая находится на линии фронта новой «холодной войны». Парадокс, отмечает Лукас, заключается в том, что эти плохо управляемые, капризные, нетерпимые страны расположены на передовой линии, которую Запад пытается защищать. Другими словами, объявлена тревога по поводу новой «холодной войны». Однако страны, которые якобы подвергаются серьёзной опасности, входят в состав ЕС и НАТО.

Многие эксперты не преуменьшают экономические достижения России. Они сравнивают новую Россию с динамикой развития Бразилии и Индии. Осознаётся и позитивное значение России для Европы, поскольку Россия — один из самых перспективных рынков мира, по масштабам значительно превосходящий все другие страны Центральной и Восточной Европы вмес-

те взятые. Однако, противореча самим себе, эти эксперты заявляют: западные бизнесмены без малейшего стыда следуют туда, куда указывает их кошелек и трудно винить немецкие компании в том, что они действуют в интересах своих акционеров. Из всего этого можно сделать два вывода. Во-первых, единого «Запада», в том смысле, что обычно вкладывается в это понятие, возможно, уже не существует. Во-вторых, не исключено, что российский «авторитарный капитализм» не является тупиковым путём. А значит, остальному миру, возможно, придётся сосуществовать с богатеющей авторитарной Россией. Нравится это или нет, эффективную геополитику в XXI веке уже невозможно осуществлять, вынуждая других становиться такими, как США. Она должна приспособливаться к появлению новых великих держав, отбросить иллюзии и признать российские реалии, отказаться от наивной идеи о том, что Запад способен повлиять на внутриполитические процессы в России.

В книге «Миссия Америки и “империя зла”»: крестовый поход за “свободную Россию” с 1881 года до наших дней» Дэвид С. Фоглсонг, профессор Университета им. Ратджерса, показывает, что начало деятельности миссионеров, экономических советников и активистов-общественников, пытающихся нести в Россию слово божье, капитализм и демократию, положили ещё ветераны американского аболиционистского движения (10). «Очарованность» Россией у американцев возникла после убийства террористами царя Александра II в Петербурге в 1881 году. Показывается, как многие влиятельные американцы раз за разом указывали на возможность, даже необходимость, распространения «слова истины» в России, а затем, когда она не превращалась в некое подобие США, в ужасе отстранялись и начинали обвинять во всём несносный русский национальный характер или лидеров страны. Достижение автора состоит в том, что он демонстрирует, как ещё задолго до «холодной войны» Россия стала для Америки «заблудшим братом». То есть Россия была объектом несбыточных ожиданий, покровительственного снисхождения и истинным источником уверенности в своей правоте на пути к собственной цели (без особых практических результатов, достигнутых в самой России).

Так в нужный контекст помещается и сама «холодная война». Это был период, когда публицисты вроде Уильяма Ф. Бакли-младшего и политики вроде Рональда Рейгана провозглаша-

ли «крестовые походы», чтобы поднять боевой дух Америки. Россия в те времена была не только угрозой, но и средством для осуществления чисто американских целей. Некоторые сосредоточивались на борьбе с «порождением коммунизма» в США. Другие после вьетнамской катастрофы хотели возродить веру в то, что Соединённые Штаты является благородной страной с особой исторической миссией. Раскрывая присущее американцам «пьянящее ощущение богоизбранности своей страны», Фоглсонг помогает объяснить эйфорию, сменившуюся разочарованием, по отношению к постсоветской России в 1990-х годах и начале XXI века (11).

В 2006 году Стивен Сестанович из американского Совета по международным отношениям подготовил нашумевший доклад под сенсационным заголовком «Неверный путь России: что могут и должны сделать США». Он вышел за подписью двух политиков — Джона Эдвардса и Джека Кемпа. В этом документе констатируется, что попытки Вашингтона подключить Москву в качестве партнёра (младшего) к реализации глобальной программы США провалились. Поэтому рекомендуется политика «избирательного сотрудничества» в тех вопросах, где ещё есть надежда заставить Россию действовать по американской указке. При этом в нём отмечается, что в осуществлении своей давней миссии — «спасении» России от авторитаризма — Америка столкнулась с серьёзными затруднениями. Следовательно, США должны увеличивать, а не сокращать ассигнования в соответствии с Законом о поддержке свободы. Надо уделять особое внимание организациям, борющимся за проведение свободных и честных парламентских и президентских выборов (12).

Ещё больший резонанс вызвала статья Майкла Макфола и Кэтрин Стонер-Вайс «Миф об авторитарной модели», опубликованная в журнале «Foreign Affairs». Она прозвучала как боевой клич для упавших духом американских поборников «распространения демократии», жаждавших восстановить позиции, утраченные из-за Ирака. Соавторы стараются доказать, насколько авторитарен нынешний режим по сравнению с ельцинской «электоральной» демократией, насколько мало этот авторитарный режим причастен к экономическим успехам России (13). Однако дело не авторитарности, а в ряде важнейших мер по либерализации экономики. Радикальный пересмотр налоговой системы, сокращение бюрократической волокиты, введение

частной собственности на землю, поддержание жесткой финансовой дисциплины и макроэкономической стабильности авторами почему-то замалчиваются. Словом, новая забота о России вписывается в русло столетней традиции «евангелизма», выявленной Фоглсонгом.

Насущной необходимости распространения демократии с точки зрения внешней политики США подчинены тезисы Роберта Легволда, редактора вышедшего в прошлом году сборника статей «Российская внешняя политика в XXI веке и тень прошлого». Побуждая аналитиков исследовать прошлое России, Легволд одновременно призывает саму Россию «избавиться от собственного прошлого», под которым он подразумевает авторитаризм. Он также настаивает, что заинтересованность США и ЕС в характере внутривнутриполитического устройства России вполне «легитимна», так как оно непосредственным образом отражается на соседних странах. Источником российской внешней политики являются не национальные интересы страны, а характер её политической системы. Это типичный пример проекции вовне одного из основополагающих представлений Америки о самой себе. США действует на мировой арене исходя не из своих национальных интересов, а из демократичности своего политического строя (14).

Не все авторы статей, вошедших в сборник, согласны в том, что российский «абсолютизм» не годится для эпохи глобализации. Дэвид Макдоналд, к примеру, считает, что российский абсолютизм содержит достаточно эффективный инструментарий. Он и сегодня может пригодиться для экономического и культурного развития страны, хотя здесь очень важно не перегнуть палку.

Таким образом, о сегодняшней России, как в своё время о китайском и арабских авторитарных режимах, россиеведы склонны говорить «русские идут». Впрочем, могущество России на мировой арене не переоценивается. В будущем на долю США, ЕС и Китая будет приходиться как минимум по 20% общемирового ВВП. Аналогичная же доля России, даже если она займёт пятое место среди крупнейших экономических держав мира, не превысит 3%. Кремль будет использовать статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и место в «большой восьмёрке» для защиты своих интересов на международной арене, и одновременно стремиться к поддержанию хороших отношений с Ки-

таем в рамках различных форумов. Однако Россия не входит в ЕС, и не является ни союзницей США, ни союзницей Китая. И Брюссель, и Вашингтон, и Пекин воспринимают её как возможного партнёра, но и как потенциального противника. И, главное, если российские компании, будь то государственные или частные, не встанут вровень с наиболее эффективными корпорациями мира, о любых «больших играх» можно забыть.

В стратегии развития России до 2020 года отмечено, что растёт зависимость России от импорта товаров и технологий, закрепляется роль сырьевого придатка мировой экономики. Главная проблема сегодняшней российской экономики — это её крайняя неэффективность. Производительность труда в России остается недопустимо низкой. Те же затраты труда, что и в наиболее развитых странах, приносят в России в несколько раз меньшую отдачу. И это вдвойне опасно в условиях растущей глобальной конкуренции.

Пересмотр истории

Другая тенденция в мировом россиеведении связана, как это ни странно, с полной ревизией истории России, начиная с эпохи Киевской Руси. В ряде стран СНГ и Восточной Европы сформировалась группа экспертов, которая поставила перед собой цель переписывания всей российской истории. Этому способствовал, как подметили многие эксперты, такой субъективный фактор, как стремление западных политических элит следовать т.н. «программе Бжезинского». Её главная идея состоит во всемерном углублении раскола между Россией, Украиной и Беларуссией с целью недопущения возрождения союзного государства на территории бывшего СССР. В этих целях уже саму Россию западным историкам нужно было представить в виде государства-изгоя, «империи зла», оккупанта и т.п. (15).

В рядах тех, кто занялся тотальной ревизией российской истории, можно выделить две группы. Во-первых, это представители украинских националистических кругов (в том числе живущие в эмиграции в Канаде и США) и, во-вторых, польские историки. На английском языке работы по истории России в последние полтора десятилетия пишут, преимущественно, авторы, относящиеся к этим двум категориям. Неудивительно, что в их работах ревизии подвергаются не только советско-польские отношения, но и история России в целом.

К примеру, единственным законным наследником Киевской Руси провозглашается Украина, а её государственность объявляется следствием благотворного западного влияния. В то же время «Московия» изображается в качестве «узурпатора», «оккупанта», чуть ли не «террористического» государства, перенявшего худшие образцы деспотизма у Орды. «Одна из ключевых имперских мистификаций — тезис о том, что нынешняя Россия якобы имеет какое-то отношение к истории Киевской Руси, кроме того, что отдельные её территории когда-то были подконтрольны Киеву», — утверждает украинский историк Александр Палий. И добавляет: «Россия имеет такое же отношение к истории Руси, как, например, история Анголы или Мозамбика к истории Португалии» (16). Такой вывод достигается путем тенденциозного подбора и произвольной интерпретации цитат из древнерусских источников. С помощью них доказывается тезис о якобы имевшей место исконной враждебности северо-западных русских земель по отношению к Киеву и дальнейшей «узурпации» Москвой права считаться русской столицей.

В новейших англоязычных трудах по средневековой истории Россия как историческое единое целое вообще «размывается». Вместо слова «Россия» некоторые польско-украинские исследователи предпочитают использовать слово «Рутения», подразумевая под ним всего лишь область обитания восточных славян. Зато польско-литовскую Речь Посполитую (буквально, «республика») именуют не иначе, как «Содружеством», подчёркивая, тем самым, демократичность этого государственного образования. Вместо антитезы Россия — Польша выдвигается другая формула: деспотическая и варварская «Московия» (та самая, что «узурпировала» исконные права Киева) — против демократического польско-литовского «Содружества», органично включавшего в свой состав Украину-Русь.

Вполне естественно, что изгнание поляков из Москвы и воцарение Романовых в 1612 году польские историки интерпретируют довольно специфично. По мнению профессора Варшавского университета Вечоркевича, в тот год «был положен конец надеждам на создание единого русско-польского государства, которое стало бы самым сильным в Европе». Одновременно, по мнению названного польского историка, для России «закрылась возможность пойти европейским путём». Российская империя послепетровской эпохи прочно ассоциируется с ролью «жандар-

ма Европы». Для доказательства «исконно-агрессивных» намерений России используются откровенно двойные стандарты. Явления одного порядка применительно к России и к её западным соседям обозначаются терминами с диаметрально противоположной оценочной характеристикой. Россия только и делала, что «захватывала», «оккупировала» и «аннексировала» соседние территории. В то время как Польша или, скажем, Англия никого не захватывали, а лишь «приобретали» и «присоединяли» те или иные земли.

Что же касается новейшей истории, то технология «ревизии» сводится к следующему: в бывших республиках СССР и в странах Восточной Европы создан целый ряд институтов по изучению «российской оккупации», центров «памяти жертв» и т.п. На базе этих учреждений развернута масштабная работа по сбору исторического документального материала по заранее заданным темам: «российская оккупация» сопредельных стран, «геноцид» в отношении национальных меньшинств и населения «оккупированных территорий», «военные преступления». В самих темах исторических исследований заложены четко акцентированные оценочные установки, носящие не столько научный, сколько политический и идеологический характер. Например, речь может идти об «оккупации Россией Казанского ханства» или «голодоморе 30-х годов на Украине как проявлении геноцида украинского народа» или «жестокости Красной Армии на территории Восточной Европы». Тем самым читательской аудитории заранее дается четкая оценочная характеристика России как «преступного», «террористического» государства, испокон веков угнетавшего как собственное население, так и «подчинённые народы» с помощью развитого аппарата спецслужб (первой из которых объявляется опричнина Ивана Грозного). Помимо прямой фальсификации исторических фактов, используется приём, который в общественных науках получил название «презентизм», когда то или иное событие оценивается с точки зрения сегодняшнего дня, без учета реалий конкретного исторического времени. Например, жестокость Ивана Грозного рассматривается как проявление азиатчины, дикости, якобы извечно присущих всему русскому народу, в то время как в тот же исторический период в Европе происходили ещё более кровавопролитные междоусобицы, повлекшие за собой неизмеримо большее количество жертв по сравнению с эпохой правления Ивана Грозного. Однако жестокость за-

падных деспотов трактуется как отдельные личностные патологии. Действия же России в XVII–XIX веках рассматриваются с точки зрения международного права конца двадцатого столетия.

Рассмотрение того или иного явления с точки зрения абстрактных понятий вне конкретного исторического контекста и, тем более, вне сравнительного анализа данного феномена с другими подобными феноменами, происходящими в тот же исторический период в других социокультурных общностях — один из наиболее часто используемых приёмов манипуляции общественным мнением. После того, как собрана достаточная «доказательная база», она пускается в научный оборот в виде отдельных научных статей, сборников документов и монографий.

Заметно усилились в англоязычной литературе тенденции ревизии хода и итогов Второй мировой войны. В последние 10–15 лет объективное знание о войне постепенно заменяется мифами с откровенной героизацией гитлеровской армии. Например, в книге британского историка Энтони Бивора военнослужащие вермахта изображаются в качестве героев, сражающихся против варваров-русских, а сама Сталинградская битва выставляется как моральная победа и подвиг германских солдат. При этом немцы (чьи письма и дневники обильно цитирует автор) оказываются чуть ли не поголовно антифашистами. Зато советские воины в Берлине 1945 года изображаются Бивором в книге «Падение Берлина. 1945» в совершенно ином свете. Автор усиленно акцентирует внимание на жестокости и склонности к насилию, якобы органично присущей советским солдатам, а поведение немецких войск в 1945 году, опять же, изображается как неповторимый пример мужества и стойкости. Некоторые авторы в своём стремлении поставить оккупантов и освободителей «на одну доску» доходят даже до утверждений о том, что более 20 миллионов советских граждан в годы войны были уничтожены «совместно» немцами, НКВД и Красной Армией.

Ещё один труд заслуживает нашего внимания — «История Европы» британского историка, профессора Нормана Дэвиса. Вступление советских войск в страны Восточной Европы в 1944–1945 годах изображается как некое азиатское нашествие, новое «переселение народов» или набег хана Батыя. При этом в оценках авторов все немецкие оккупанты изображаются не иначе, как защитники Европы от «нашествия» с Востока: «По усеян-ным трупами полям полчища плохо одетых и плохо вооружён-

ных иванов всё шли и шли, пока не перегревались немецкие пулемёты, а пулемётчики больше не могли убивать». Кончается европейская эпопея простым выводом: есть хорошие восточные европейцы — поляки, а есть плохие — русские, историческая миссия которых состояла в том, чтобы вредить Европе всеми различными средствами.

Несмотря на изобилие этих и подобных им по своей сути искажений, книги Дэвиса, Бивора и др. не встречают практически никакой ответной критики со стороны российских историков. Переиздаваясь на Западе снова и снова, эти «писания» постепенно начинают восприниматься в качестве доминирующей точки зрения. Под их влияние рано или поздно попадают даже непредвзято мыслящие историки, изначально отнюдь не настроенные против России. Ни в научных изданиях, ни на Интернет-форумах мы не найдём практически никаких следов дискуссий между отечественными и зарубежными историками.

Во многих школах стран СНГ и Восточной Европы появились новые учебники истории. И Россия отражена в них не в самом благоприятном свете. Украинские историки, например, полагают, что голод на Украине на рубеже 1920–1930-х годов был специально спровоцирован Москвой, чтобы «подавить волю украинцев к независимости». В таком случае Москва с таким же успехом «подавила волю русских к независимости», организовав в то же самое время голод в других частях страны. Нелишним будет заметить, что крестьянская трагедия начала 1930-х годов — результат форсированной коллективизации, которая прокатилась по всему Советскому Союзу, а не только по Украине. Упомянувшийся официальный украинский историк Александр Палий без обиняков утверждает в разъяснительной газетной статье: «Само существование Украины серьёзно подрывает имперскую идентичность России, наносит ей смертельный удар. Если Киев и почти все самые большие города Киевской Руси — исконно украинские, то что такое Россия?.. Второй вопрос: почему большевики не довели до конца своё дело и не истребили украинцев окончательно? Ответ на него, очевидно, лежит в экономической плоскости. В начале 1930-х годов мир явно шёл к новой войне, а Украина без населения теряла своё экономическое значение. Поэтому для Кремля значительно эффективнее было сломать позвоночник Украине и превратить украинцев в генетический матери-

ал, чем физически уничтожить всех представителей украинского этноса» (17).

Ещё одно «историческое открытие» связано с повстанческой армией Степана Бандеры, которая, по версии киевских учебников, к 1943 году освободила от немецких захватчиков большинство городов Украины. Ни один из «большинства городов» при этом почему-то не упомянут. Ещё одна цитата: «Когда в 1943 году из украинских земель были изгнаны нацистские захватчики, большевики начали воевать с УПА. Эта позорная война против своего народа продолжалась до 1953 года». Если война велась все-таки против «своего» народа, то о какой украинской независимости может вообще идти речь? Включение же Крыма в состав Украины было «попыткой переложить на её плечи моральную ответственность за выселение татарского населения и вынудить взять на себя ответственность за восстановление хозяйственной и культурной жизни полуострова». Получается, что на «восстановление хозяйственной и культурной жизни» СССР у Хрущёва деньги нашлись, а вот на Крым не хватило (18).

Не меньший интерес вызывают и грузинские учебники истории. Например, если раньше присоединение Грузии к России называлось добровольным, то теперь в Тбилиси принято писать о «подчинении Россией в XVIII–XIX веках отдельных царств и княжеств на территории Грузии и установлении там военно-оккупационного режима». О том, что к концу XVIII века речь шла не о независимости, а о выживании грузин как народа под ударами турок и персов, конечно же, не говорится (19).

В польских учебниках можно встретить утверждение, что в 1945 году Берлин брала польская армия, а советские войска лишь поддерживали её действия. Победа поляков над Красной Армией под Варшавой 15 августа 1920 года признается как «одна из самых главных восемнадцати битв, которые решили судьбу мира». Польские историки полагают, что Вторая мировая война была начата Германией и СССР совместно в результате пакта Молотова-Риббентропа. Зато забыт Мюнхенский пакт 1938 года, по итогам которого Польша оккупировала часть территории Чехословакии совместно с Германией и Венгрией. По меньшей мере, странными выглядят и замечания о том, что немецкий период оккупации Польши 1939–1945 годов ни в какое сравнение не идёт с более жестоким и безнадёжным советским (20).

Российская история, к сожалению, для отдельных специалистов перестаёт быть всего лишь научной дисциплиной. Так же было когда-то с советской историей — полигоном для политики и конъюнктурных имиджмейкеров. Однако среди современных россиеведов есть люди подобные директору Библиотеки Конгресса США, профессору Джеймсу Биллингтону, который по праву входит в интеллектуальную элиту США. Он считает, что нам нельзя забывать аксиому — будущее произрастает из прошлого.

Будущее России, её восприятие в мире произрастает из трёх корней:

Первый корень — это христианская православная культура. Именно она формировала русскую славянскую цивилизацию. Христианство играло даже большую роль, чем в Западной Европе. Так будет и в будущем.

Второй корень — Россия является частью Европы. Всё, что Россия брала от Европы, она не только великолепно усваивала, но и удивительным образом развивала. Это относится и к духовной сфере, и к материальной. Поэтому вопрос будущего — это вопрос взаимоотношений с Западной Европой и с Америкой.

Третий корень — географическая среда. На национальный характер в стадии его формирования неизбежное влияние оказывает место проживания народа: Север или Юг, горы или равнины. Гигантские просторы продолжают оказывать психологическое влияние на экономическое мышление.

Таким образом, органическое слияние духовной культуры Запада с культурой православия и отношение к природе сохраняются в базовой основе русской культуры. Это имеет значение не только для российской нации, но и для всего мира. Россия будет играть важнейшую роль в преодолении конфликта между исламским миром и христианским, а также между Западом и Китаем, который тоже вполне вероятен, поскольку в XXI веке противостояние будет происходить не по линии Восток-Запад, а по линии Север-Юг (21).

В этом контексте лучше воспринимаются перспективы формирования имиджа в России. Да, они, безусловно, связаны с информационно-пропагандистскими усилиями по просвещению мировой общественности и преодолению её предубеждений относительно нашей страны. Однако очевидно, что для позитивных изменений образа страны одной лишь публичной дипломатии, усилий «Русского мира» и диаспоры, инновационных ин-

формационных проектов и продвижения различных брендов недостаточно. Все эти меры могут быть успешными, если будут сочетаться с объективными переменами в различных сферах жизни России и её политике. Проблема не в том, как сформировать привлекательный образ России. Обучение этому проходит довольно быстро. Проблема в том, как сделать саму Россию привлекательной.

Примечания:

1. См.: Стивен Коэн и Советский Союз/Россия. М., 2008. С. 212.
2. См. подробнее: *Коэн Стивен*. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001.
3. См.: www.religionruss.ru/ideas/20011019-polosin.html
4. Там же.
5. *Kotkin Stephen*. Myth about The New Cold War // Prospect-magazine (UK). 2008, March 28.
6. Там же.
7. Там же.
8. *Lucas Edward*. New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West? London, 2008. P. 28.
9. Там же. P. 118–120.
10. *Foglesong David S*. The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881. Rutgers, 2007.
11. Там же.
12. См.: *Kotkin Stephen*. Myth about The New Cold War.
13. *McFaul Michael, Stoner-Weiss Kathryn*. The Myth of The Authoritarian Model: How Putin's Crackdown Holds Russia Back // Foreign Affairs. 2007. December 29.
14. *Robert Legvold* (Ed.) Russian Foreign Policy in the Twenty-first Century and the Shadow of the Past. New York, 2007.
15. *Баранов Михаил, Жантиев Дмитрий*. «Ревизия» отечественной истории // Российские вести. 2007, 22 февраля.
16. Там же.
17. Там же.
18. См.: Национальные истории на постсоветском пространстве. М., 2009.
19. Там же.
20. Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в учебниках истории. М., 2003.

21. *Биллингтон Джеймс*. Будущее из трёх корней // Аргументы и факты. 2000. № 3 (Международное издание).

Литература к Заключительной части:

- Американские советологи. Справочник. М., 1990.
- История мировой славистики. Сост. Е.Ю. Матвеева. М.: РАН ИНИОН, 2004.
- Мировое россиеведение // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II. М., 2009.
- Некрасов А.А.* Становление и этапы развития англо-американской советологии. Ярославль, 2001.
- Россика в США. Сб. статей под ред. А.В. Попова. М., 2007.
- Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М., 2005.
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в учебниках истории. М., 2003.

ГЛОССАРИЙ

Акультурация — взаимное влияния разных культур, когда все или часть представителей одной культуры (реципиента) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора).

Архетип (греч. archetypos) — это первообраз, дословно «древнейший образец», способ организации психики посредством форм, переходящих из поколения в поколение.

Бренд (англ. brand) — название, слово, выражение, знак, символ или дизайнерское решение, или их комбинация в целях обозначения товаров и услуг конкретного продавца или группы продавцов для отличия их от конкурентов; *ребрендинг* — замена обозначения товара именем бренда.

Вербальные средства информации — номинация различных объектов, явлений, процессов, выбор средств вербализации грамматических значений и т.д.); *невербальные* — форма и особенности подачи языкового материала: использование только текста, сочетание текста с фотографиями или рисунками, применение схем, графиков, карикатур для реализации авторской интенции, преобладание определённой цветовой гаммы, выбор размера и гарнитуры шрифта и т.д..

Идентификация (от средневекового латинского identifico — отождествляю) — признание тождественности, отождествление объектов, опознание. В психологии и социологии процесс эмоционального и иного самоотождествления личности с другим человеком, группой, образцом.

Идентичность (лат. identicus — тождественный, одинаковый) — тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь.

Идеология — система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. Нередко термин употребляется для обозначения ложного, иллюзорного, оторванного от действительности сознания.

Имагология (от лат. imago — образ, вид) — наука, изучающая образы стран и народов, процессы изменения образов одних и тех же стран и народов в различных языках и культурах. По мнению ряда культурологов и социологов, имагология и сама активно конструирует новые образы, манипулируя сознанием.

Имидж (англ. image) — образ человека, явления, товара, формируемый с целью оказать эмоционально-психологическое воздействие на аудиторию в желательном для заказчика направлении.

Имиджмейкерство — создание средствами рекламы и пиар-технологий образов политиков, бизнесменов, деятелей шоу-бизнеса, товаров и т.п. для успешной продажи на рынке.

Имиджмейкер (англ. imagemaker) — творец образов.

Имиджевая кампания — система спланированных действий для донесения своей точки зрения и выстраивания доверительных отношений с аудиторией. Инструментом подобного убеждения является soft power («мягкая сила») — одна из категорий, характеризующая мощь государства наравне с военным или экономическим потенциалом и его способность привлечь кого-либо благодаря ценностному содержанию внешней политики, а не простому набору материальных рычагов давления.

Интерииоризация — принятие информации в свой внутренний мир, одна из закономерностей развития психики человека, позволяющая изменять прежнюю структуру психических функций.

Кремлинология (англ. kremlinology) — направление, связанное с повышенным интересом к дискурсу советских лидеров, которые жили и работали в Кремле.

Ксенофобия (от греч. xenos — чужой, посторонний, и phobos — страх) — негативная психологическая установка, выражающая иррациональный страх и ненависть к чужим — людям иного народа, расы, веры, выходцам из других регионов и социальных групп.

Лидеры мнений — лица, чьи суждения, оценки, утверждения воспринимаются аудиторией как значимые, заслуживающие доверия. Как правило, каждый лидер мнения имеет определённую аудиторию, т.е. определённый круг слушателей, который всегда готов согласиться с ним. Среди таковых можно выделить экспертов (люди, которые воспринимаются как специалисты в данной области; к их мнению относятся как к компетентному) и престижные лица (звезды кино и эстрады, известные писатели, актёры, спортсмены и пр.)

Лоббизм (англ. lobby) — специфический институт политической системы, представляющий собой механизм воздействия частных и общественных организаций — политических партий, профсоюзов, корпораций, предпринимательских союзов (так называемых групп давления) на процесс принятия решений.

Менталитет — это мироощущение, мировосприятие, определяющееся народно-национальными обычаями, укладом и строем жизни, мышлением, нравственностью.

Миф (от греч. mythos — предание, сказание) — повествование о богах, духах, обожествлённых героях и первопредках, возникших в первобытном обществе. В мифах переплетены ранние элементы религии, философии, науки и искусства. Элементы мифологического мышления сохраняются в современном массовом сознании, например, расовые и классовые мифы, культ вождей, ритуалы массовых сборищ и т.п. Мифы в переносном смысле — ложные, некритические, оторванные от действительности состояния сознания, концепций, представления.

Мифология — совокупность мифов; наука, изучающая мифы, их возникновение, содержание, распространение.

«*Москва— Третий Рим*» — определение, возникшее после падения Византийской империи, когда Москва стала позиционировать себя как наследница и хранительница православных традиций. Эту идею провозгласил старец и игумен псковского Спасо-Елиزارова монастыря Филофей (1465—1542).

Норманнская теория — направление в российской и зарубежной историографии, сторонники которого считали норманнов (варягов) основателями государства в Древней Руси. Сформулирована во второй четверти XVIII века Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и др. Эту теорию отвергали М.В. Ломоносов, Д.И. Иловайский, С.А. Геденов и др.

Пиар (англ. public relations, паблик рилейшнз) — это управленческая деятельность, направленная на установление взаимовыгодных, гармоничных отношений между организацией и общественностью, от которой зависит успех функционирования этой организации; это формирование общественного мнения о товаре, человеке, компании, событии; это комплекс информационно-аналитических и процедурно-технологических действий, направленных на гармонизацию отношений внутри проекта, между участниками проекта, между проектом и его окружением с целью реализации данного проекта. Наилучшим и наиболее адекватным в современной практике многие считают определение, предложенное профессорами Лоуренсом В. Лонги и Винсентом Хазелтоном. Они описывают связи с общественностью как «коммуникативную функцию управления, посредством которой организации адаптируются к окружающей их среде, меняют (или же сохраняют) её во имя достижения своих организационных целей».

Рейтинг (англ. rating) — индивидуальный числовой показатель оценки достижений в той или иной сфере общественной жизни; степень популярности известного деятеля в области политики, культуры и т.п.

Россиеведение — многодисциплинарное учение о сущности России, причинах её возникновения и особенностях развития, её духовных ценностях. Термин впервые ввели русские философы евразийства, выпустив в 1929 году в свет свой сборник «Политика. Философия. Россиеведение».

Россика — псевдолатинское слово, изобретённое в Европе в XVIII веке для обозначения всех вещей и понятий, связанных с Россией. Европейская «россика» изначально включала в себя воспоминания, путевые заметки и исследования, написанные европейцами в XV—XX веках. Эти сочинения начали привлекаться учёными-историками ещё в XIX веке для изучения России.

«*Русский мир*» — феномен, объясняющий вклад России в мировую цивилизацию и культуру и общность людей, возникшей на основе языка, русскоязычной культуры и ощущении своей связи с Родиной.

Славистика — комплекс наук о языках, истории и культуре славянских стран, среди которых центральное место занимает Россия; часто употребляется и «*славяноведение*», предполагающее изучение русского языка, истории и культуры отдельно. На Западе понятия «славистика» и «русистика» частично перекрываются. Есть и узкое толкование славистики в университетах, где она всего лишь отрасль филологии (лучше подошло бы французское *Lettres*, которое шире «филологии» и включает и историю, и философию), занимающаяся славянскими языками. Русским языком занимается уже мелкая специализация внутри славистики — «русистика».

Слоган — «боевой клич». Увеличение объёмов информации, ежедневные решения поставили бизнесменов перед необходимостью искать лаконичные, броские и эмоционально насыщенные формулировки. Текстовый призыв остаётся самым доступным способом общения с потребителями. Сочинением слоганов занимаются все — начальники, менеджеры, рядовые сотрудники и нанятые копирайтеры. Базовые требования к слогану можно вывести из обыкновенной логики: простой, запоминаемый, уникальный.

Советология (англ. sovietology) — научное направление, имеющее широкое распространение в середине XX века и связанное с изучением политики, истории, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза.

Стереотип (социальный) — схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие большой устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий или сложившегося опыта; составная часть *установки*. Нередко синоним устаревших и предвзятых представлений, связанных с предрассудками.

Стереотип (национальный) — собирательный, условный образ, отражающий этнические и культурные особенности народа, специфику национальной психологии и традиции народов, как того народа в отношении которого создается стереотип, так и того, который данный стереотип создает.

Стереотип (этнический) (от греч. *ethnos* — народ, *stereos* — твердый, *typos* — отпечаток). Различают эндо- (внутренние) и экзо- (внешние) этностереотипы. *Эндоэтностереотип* — это то представление о своём народе, которое свойственно ему самому. *Экзоэтностереотип* — это то представление о данном народе, которое свойственно другим народам.

Интернет-ресурсы:

www.smi.ru
www.inosmi.ru
www.rian.ru
www.rossika.ru
www.politru.ru
www.airo-xxi.ru
www.thenation.com
www.regnum.ru
www.rosbalt.ru
www.kreml.org
www.expert.ru
www.itar-tass.ru
www.politklass.ru
www.newtimes.ru
www.russia-today.ru
www.russiaprofile.ru
www.lenta.ru

В.В. БАРАБАШ, Г.А. БОРДЮГОВ, Е.А. КОТЕЛЕНЕЦ

ОБРАЗЫ РОССИИ В МИРЕ
КУРС ЛЕКЦИЙ

Корректор *Ю. Некрасова*
Технический редактор *Т. Котёлкина*

ИД № 02184 от 30.06.2000. Подписано в печать 21.02.2010.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Эльф ИПР».
127018, Москва, ул. Сушевский вал, д. 49